

Дитер Зегерт (ред.-сост.)

Гражданское образование и демократизация в странах Восточного партнерства

Дитер Зегерт (ред.-сост.)
Гражданское образование и демократизация
в странах Восточного партнерства

Серия, том 1698

Дитер Зегерт (ред.-сост.)

Гражданское образование и демократизация в странах Восточного партнерства

Бонн 2016

© Федеральный центр гражданского образования
(Bundeszentrale für politische Bildung)
Adenauerallee 86, 53113 Bonn

Корректор: Мария Шамаева
Координатор проекта: Хильдегард Бремер

Данная публикация не отражает мнения Федерального центра гражданского образования. Ответственность за содержание несут сами авторы.

Оформление обложки и верстка: «Naumilkat – Agentur für Kommunikation und Design»

Фотография на обложке: Yerevan, Armenia, May 31, 2006: Decapitated statue of Lenin in the courtyard of the National Art Gallery. © Nick Hannes/laif

ISBN: 978-3-8389-0698-0

www.bpb.de

Содержание

Предисловие	9
Дитер Зегерт Акторы, шансы и препятствия на пути гражданского образования и демократизации в странах Восточного партнерства	11
Гражданское общество и гражданское образование в процессе демократизации в Восточной Европе после 1989 года	29
Ханс-Юрген Миссельвитц Гражданское образование в эпоху общественной трансформации	31
Кшиштоф Кацуга Гражданское образование в школах в свете интеграции Польши в Европейский союз	51
Маттиас Фрайзе От бума к консолидации: линии развития гражданского общества в Центрально-Восточной Европе	62
Гражданское общество и новые медиа на Южном Кавказе	75
Евгения Патурян Гражданское общество Армении: не только неправительственные организации	77

Содержание

Рашад Ширинов	
Гражданское общество Азербайджана: тестирование альтернативных теорий	86
Лия Цуладзе	
Грузия: анализ гражданской активности в социальных медиа	95
Гражданское общество как актор гражданского образования в Украине	103
Сьюзан Стюарт	
Гражданское общество в Украине: структура, окружение и тенденции развития	105
Сузанн Воршех	
С Майдана — в парламент, с Майдана — в провинцию: новые пути украинского гражданского общества	114
Татьяна Журженко	
Мемориальные войны. Политика памяти в постсоветском Харькове	118
Серджиу Мустяцэ	
Преподавание истории в Украине: итоги двадцати лет общественного, научного и политического обсуждения	141
Отношения между государством и акторами гражданского общества в России, Украине и Беларуси	159
Дмитро Мешков	
Историческая политика в Украине после смены власти весной 2014 года	161
Константин Кель, Беньямин Куммер, Фолькер Тен	
Как поддержать гражданское общество России в беспокойные времена? Результаты опроса стейкхолдеров	172

Юсси Лассила Ловушки кремлевского «гласа народа»: Общероссийский народный фронт	185
Фонд Бертельсмманна Доклад о процессе трансформации в Беларуси	194
Паула Боровска Неформальное образование в Беларуси: раскрепощение потенциала гражданского общества	199
Андрей Портнов «Великая Отечественная война» в политиках памяти Беларуси, Молдовы и Украины: попытка сравнения	204
Внешнее воздействие на гражданское образование и транснациональный обмен	225
Ханна Василевич Программа Восточного партнерства: итоги пяти лет работы и перспективы развития	227
Владимир Ермоленко О России, зоополитике и информационном десанте	241
Хельга Цихнер Как вырастить английский газон в Молдове? Размышления о мотивах создания и участия в программе Европейского союза «Эразмус Мундус»	249
Григорий Ерицян Роль Европейского союза в развитии гражданского общества Армении	282

Предисловие

Дитер Зегерт

Актеры, шансы и препятствия на пути гражданского образования и демократизации в странах Восточного партнерства

Демократия и гражданское образование неразделимы. Демократия нуждается в самостоятельно мыслящих гражданах, в их активности и в защите своих основ. Цель гражданского образования — распространить в гражданском обществе знания о том, как работает политика, и поддержать граждан в их стремлении решать общие вопросы своими силами.¹

А в постсоциалистических странах Восточной Европы для срочной необходимости гражданского образования существует две дополнительные причины:

1. Только демократические государства готовы вместо пропаганды и пиара в пользу правящей элиты поддерживать надпартийное гражданское образование.
2. После падения авторитарного режима еще неопытное и малоинформированное гражданское общество особо нуждается в развитии своих политических навыков.

Настоящая статья вначале приводит анализ развития демократии в Восточной Европе после 1989–1991 годов, из которого вытекают предпосылки для развития гражданского общества и гражданского образования. В разных регионах постсоциалистической Восточной Европы² развитие политики пошло по очень разным траекториям. Субрегион, которому мы уделяем особое внимание, состоит из шести государств Восточного партнерства (Армения, Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина и Беларусь)³. Здесь у демократии до сих пор были не очень хорошие перспективы. Причины такого развития событий рассматриваются в настоящей статье. Во

втором разделе поясняется специфика вызовов гражданского образования в странах Восточного партнерства, а в частности: интенсивная историческая политика (нем.: *Geschichtspolitik*), новообразовавшиеся авторитарные режимы и связанные с ними «управляемые гражданские общества», а также возможности и границы финансирования мероприятий гражданской активности извне. В заключение кратко обсуждается связь между гражданским образованием и устойчивой демократизацией.

Данное предисловие является вступлением к собранию статей, проводящих анализ различных аспектов этой связи. В первом разделе сборника на примере разных стран освещаются результаты работы в области гражданского образования в Центрально-Восточной Европе в первые годы после начала демократизации. Приобретенные здесь знания о связи между гражданским образованием и процессом демократизации позволяют сделать определенные выводы для всего постсоциалистического пространства. Во втором разделе рассматриваются гражданское общество и новые СМИ на Южном Кавказе, то есть в Армении, Азербайджане и Грузии. В третьем разделе подобраны тексты, освещающие некоторые актуальные аспекты гражданского общества Украины. Далее рассматриваются непростые отношения между государственными и негосударственными акторами, занимающимися гражданским образованием в России и в трех западных странах Восточного партнерства (Молдова, Украина и Беларусь). В пятом и последнем разделе нашей публикации рассматриваются влияние извне и некоторые аспекты межнационального обмена в области гражданского образования стран Восточного партнерства.

Извилистые пути демократии и дедемократизации в постсоциалистической Восточной Европе

В 1989 году все выглядело так просто: на повестку дня выходили свобода, благосостояние и демократия. Диктатуры государственного социализма лишились поддержки населения. Европа, казалось, переставала быть лишь синонимом Западной Европы: Европейские сообщества, затем Европейский союз (ЕС) намеревались путем принятия новых членов преодолеть разделение Европы на Запад и Восток. В 2004, 2007 и 2013 годах в Европейский союз вступили 11 новых членов из Восточной и Юго-Восточной Европы.

Теперь энтузиазм этого чрезвычайно важного года («*Annus mirabilis*») сменился своего рода отрезвлением. Наблюдается оно в разных регионах некогда единой Восточной Европы. В данном контексте говорят о «демократической усталости»⁴, о «четырех мирах постсоциализма». Страны Центрально-Восточной Европы стали в 2004 году частью ЕС и, за исключением некоторых недостатков, установили демократический строй, страны Юго-Восточной Европы (в частности страны — члены ЕС Болгария, Хорватия и Румыния) следуют им той же тропой, хотя и с определенным опозданием, четыре страны постсоветского пространства (Молдова, Грузия, Украина и Кыргызстан) также сохранили определенные шансы на демократизацию, в оставшихся же постсоциалистических обществах сформировались авторитарные режимы разного типа (см. Stukow).

Ниже кратко описаны структурные условия политического развития, которые усложняют демократизацию в постсоветских странах, относящихся к двум последним группам. Эти условия следует учесть в гражданском образовании. Только тогда оно сможет сполна использовать свои возможности для развития дееспособности гражданского общества.

Демократия — это больше, чем проведение свободных выборов

Уже в конце 1990-х годов для политологов было очевидно, что политика западных стран, направленная на поддержку демократизации, не смогла достичь всех своих целей. Частично это было следствием неверно расставленных акцентов. Данная проблема касалась не только Восточной Европы, но и всего мира. Некоторые влиятельные акторы сфокусировали свое внимание на поддержке и обеспечении свободных и справедливых выборов (Carothers, 2002). Однако демократия требует не только свободных выборов. Демократия возможна лишь тогда, когда существуют дееспособные государства, выполняющие свои задачи по содействию социальному и экономическому развитию своих обществ. К тому же эти государства должны быть в состоянии оправдать ожидания своих граждан. Дополнительно демократия нуждается в постоянной поддержке со стороны образованных и интересующихся политикой граждан.

Во многих обществах Восточной Европы до сих пор не удалось создать комплекс названных выше предпосылок. Результат — глу-

бокая неудовлетворенность и политическая апатия граждан, которой пользуются авторитарные политические элиты. Томас Карозерс (Carothers, 2002) и другие политологи пришли к следующим выводам: демократии нуждаются в определенных социальных и культурных предпосылках и в дееспособном государстве. Там, где таковые отсутствуют, не помогут ни наблюдения за выборами, ни другие формы поддержки свободных выборов. Связано это еще и с тем, что современным автократиям удастся использовать выборы, политическую борьбу и деятельность гражданского общества в интересах правящих слоев.

Экономические и социальные условия на постсоветском пространстве, неблагоприятные для политического развития

После распада советского блока стала неизбежной многократная трансформация: в политическом плане — переход к демократии, в экономическом — к функционирующему национальному хозяйству, интегрированному в мировую экономику. Более того, из многонационального государства образовались новые национальные государства. Экономическая трансформация для большинства людей была связана с существенным снижением уровня жизни. Причем в позднем Советском Союзе они и так уже были недовольны своим жизненным уровнем. В результате приватизации образовался немногочисленный класс сверхбогатых. Растущее расхождение в уровне жизни большинства и узкого круга сверхбогатых еще более усилило недовольство граждан. Появилось чувство несправедливого развития, проходившего к тому же под девизом «демократии» и сближения с Западом.

Образование новых национальных государств позитивно сказалось на положении политиков и высших кругов государственного административного аппарата. В обществах этих государств распространилось расплывчатое представление о безграничной коррупции руководящих слоев, так называемых элит.

Кроме того, образование национальных государств было связано с интенсивным поиском новой идентичности сообществ этих государств. На этой почве развернулся оживленный исторический дискурс. Несущие слои новых национальных государств вели интенсивную историческую политику, создавая тем самым площадку

для споров о мифических корнях собственной титульной нации, об оценке распавшегося советского государства и его основных ценностей, об отношениях к соседним государствам и их гражданам.

Культурное наследие государственного социализма

И наконец, нужно было осмыслить культурное наследие предыдущей системы. Государственный социализм обосновывал свою легитимность, кроме прочего, обещанием гарантировать всем гражданам в равной степени социальную защищенность в повседневной жизни. С государством были связаны очень высокие ожидания⁵. К собственной же инициативе граждан госорганы относились с недоверием и контролировали любое ее проявление. Такие схемы поведения действуют и после падения режима, создавая препятствия на пути развития активного гражданского общества и демократических институтов.

Но существовало и еще одно культурное наследие государственного социализма, имеющее важное значение для гражданского образования и гражданского общества. В поддержку власти коммунистической партии работала не только комплексная система пропаганды ценностей «коммунизма», но также запрет и преследование других убеждений. В качестве наследия осталось недоброжелательное отношение к любой партийной политике, а также неприятие целенаправленного распространения политических убеждений, которое можно ошибочно принять за пропаганду.

Два препятствия на пути развития гражданского образования в регионе

К этой теме имеются развернутые исследования, которые здесь могут быть лишь упомянуты, но не представлены детально⁶. Взглянув на общества постсоветского пространства, а тем самым и на обстоятельства, с которыми сталкивается политическое образование, можно отметить два явления: слабое гражданское общество и низкий уровень политической партиципации. В таблице ниже приведены некоторые актуальные данные.

Опросы показали, что высказанные мнения и политическая реальность не всегда сходятся. В «Кавказском барометре 2013»⁷

был задан вопрос, участвовал ли опрошиваемый в прошлых выборах (в Армении и Грузии выборы проходили в 2012 году, то есть за год до опроса, а в Азербайджане — в 2010 году). Утвердительно на этот вопрос ответили в Армении 87%, в Азербайджане — 73%, а в Грузии — 86%. Сравнение с уровнями явки в вышеприведенной таблице показало, что к самооценке в опросах нужно относиться осторожно.

Развитие уровня явки избирателей на выборах в исследуемом регионе (в процентах от числа избирателей)⁸

Год выборов	Беларусь	Молдова	Украина	Армения	Азербайджан	Грузия
1994/1995	56	79	76	54	86	68
2006 — 2009	77	59	62	60	40	53
2010 — 2014	74	56	52	63	50	60
Тенденция	Восходящая	Нисходящая, стабильно низкий уровень	Резко нисходящая	Умеренно восходящая	Нисходящая, низкий уровень	Переменная, низкий уровень

Еще более проблематична разница между оценкой политической системы собственной страны и соответствующей оценкой экспертов в отчете «Nations in Transit»⁹. Сначала приводится мнение экспертов, затем — результаты опроса «Кавказского барометра».

В отчете «Nations in Transit» за 2014 год (Freedom House, 2015) была опубликована следующая оценка государств данного региона: Армения получила 5,36 балла (по шкале от 1 до 7, где 1 — наилучшая оценка) и была, таким образом, оценена как полуконсолидированный авторитарный режим, Азербайджан с 6,68 баллами — как консолидированный авторитарный режим, а Грузия с 4,68 баллами — как переходное государство или гибридный режим¹⁰.

Как же оценивают политический режим стран Южного Кавказа сами граждане? С оценкой экспертов «Nations in Transit» особенно сильно расходится мнение респондентов в Азербайджане: всего 18% граждан считают, что их страна не является демократией, почти столько же (17%) утверждают, что их страна — полная демократия, 32% видят в ней демократию с «небольшими недостатками», а оставшиеся 22% считают свою страну демократией с большими

недостатками (но все же — демократией)¹¹. Армяне более критично оценивают свою страну: всего 3% считают, что их страна — полная демократия, 14% — «с небольшими недостатками», 36% видят в своей стране демократию «с большими недостатками», а 34% считают, что их страна не является демократией (остальные не уверены или у них нет своего мнения на этот счет).

Оценка социального положения респондентов представляется следующим образом: был задан вопрос, как часто опрошенные вынуждены занимать деньги, чтобы купить еду. Исходя из ответов на данный вопрос, нужно сказать, что самая плачевная ситуация наблюдается в Армении, где 30% респондентов отметили, что им приходится занимать деньги каждый месяц. В Грузии ежемесячно занимают деньги 18%, а в Азербайджане — 17%. Согласно результатам опроса, деньги от родственников из-за рубежа получали 30% армян, 14% грузин и 8% азербайджанцев.

Разумеется, экономическая ситуация в исследуемых странах может быть описана и с помощью таких статистических данных, как, например, уровень безработицы, подсчитанный в 2013 году Всемирным банком (Армения: 16,2%; Грузия: 14,3%; Азербайджан: 5,5%; Беларусь: 5,2%; Молдова: 5,1%; Украина: 7,9%; в России уровень безработицы составил в 2013 году 5,6%) (Factfish, 2015c). Эти цифры говорят об относительно дифференцированной ситуации. Нужно, однако, учитывать, высокий уровень эмиграции влияет на показатель безработицы, поскольку те, кто ищет работу за рубежом, не учитываются статистикой при определении уровня безработицы, в частности это относится к Молдове и Армении. Конечно, важно также знать, что безработица означает для людей, которых она затронула: какова сумма выплачиваемого пособия и как долго люди остаются без работы. Здесь по некоторым странам имеются другие (менее актуальные) данные: в Армении более половины всех безработных не работают уже больше года, в Украине, России и Молдове — около одной трети (Factfish, 2015b).

ВВП на душу населения по паритету покупательной способности также находится в исследуемых странах на разном уровне (Factfish, 2015a). В Армении он в 2014 году составил чуть более 8 тыс. долларов США, в Грузии — около 8 тыс. долларов, то есть немного меньше. В Азербайджане же этот показатель был более чем в два раза выше уровня в двух других странах Южного Кавказа, а именно — 17,5 тыс. долларов США. Украина достигла уровня немногим больше 8 тыс., в Молдове показатель был намного ниже — 5 тыс. долларов. Для

сравнения нужно заметить, что в России ВВП составил 25,5 тыс. долларов США на душу населения. По поводу этих данных можно сказать лишь одно: экономическая ситуация более демократичных обществ рассматриваемого субрегиона Восточной Европы намного хуже, чем положение устоявшихся авторитарных режимов.

Подытоживая данный раздел, можно отметить, что политическое развитие в Восточной Европе после 1989 года протекало в отдельных субрегионах по-разному. В интересующем нас регионе постсоветской Восточной Европы (в частности в шести государствах Восточного партнерства) образовались нестабильные, слабые демократии (называемые экспертами «Nations in Transit» гибридными или переходными режимами) или же стабильные авторитарные режимы. Гражданское образование сталкивается, таким образом, с ситуацией, для которой характерны слабое гражданское общество и низкий уровень участия. Одна из авторов данного сборника (Патурян) называет это посткоммунистическим феноменом «безучастия» («disengagement»). Недовольство граждан политическим развитием установилось не в последнюю очередь и потому, что процесс экономической трансформации, начавшийся в 1989–1991 годах, повлек за собой чрезвычайно тяжелые социальные последствия и породил множество проигравших. Наилучшая экономическая ситуация наблюдается при этом в двух странах Восточного партнерства со стабильными авторитарными режимами — в Азербайджане и Беларуси (как и в России).

Специфика вызовов гражданского образования в странах восточного соседства

Далее в общих чертах описываются некоторые серьезные проблемы в сфере гражданского образования в рассматриваемом регионе. Государствам, с которыми ЕС поддерживает связи в рамках Европейской политики добрососедства, в отличие от стран, вступивших в 2004 году в ЕС, приходится преодолевать особые трудности. Это обусловлено, в том числе, обострившимися экономическими и социальными проблемами, ввиду которых среди населения бытует мнение, что есть более срочные вопросы, чем развитие демократии. Другая причина заключается в том, что во многих странах региона авторитарные правители разработали богатый инструментарий для ослабления сопротивления их власти и повышения уровня

поддержки или хотя бы терпимости общества по отношению к властям. Здесь образовались новые авторитарные формы правления — выборные автократии, которые используют как сами выборы, так и опросы населения и средства современного пиара для мобилизации населения в пользу правящих властей.

Историческая политика как центральное поле постсоциалистической борьбы за демократию — попытка объяснения феномена

Повсюду в Восточной Европе дебаты на тему интерпретации истории играли ключевую роль в процессе трансформации. Оживленный спор об исторической политике был характерным признаком практически каждого постсоциалистического развития. При этом оценка периода государственного социализма всегда имела центральное значение. Зачастую, как, например, в Болгарии, линия раздора между сторонами спора в целом совпадала с той, что разделяла два крупных политических лагеря того времени: политических последователей коммунистической партии, с одной стороны, и «антикоммунистической» оппозиции — с другой (Meznik, 2007). Особенно сильное влияние историческая политика оказывала, однако, на общественное мнение в государствах — наследниках распавшихся многонациональных федераций — Советского Союза и Югославии.

Нынешняя острая полемика вокруг исторической политики имела в данном регионе две предтечи. Первая — это государственный социализм как общественный строй, черпавший свою легитимацию в идеологических интерпретациях истории. В государственном социализме власть правящих коммунистов была обоснована идеологией: не только путем интерпретации собственной истории как части движения рабочего класса, изменяющего мир, но и посредством намеченных на будущее целей (коммунизм). Соответствующее толкование прошлого и будущего государство официально защищало, не жалея сил и средств. Оно воспринималось как истина, не подлежащая сомнению. Следовательно, изначально можно рассматривать постсоциалистическую историческую полемику как попытку окончательно опровергнуть ту самую истину. Правда, протагонисты антикоммунистической борьбы также вели ее частично с идеологической яростью, напоминая бывшую ком-

мунистическую пропаганду. Поэтому напрашивается предположение, что их борьба была нацелена на большее, нежели только на обоснованную критику былой односторонности.

Вторая, более ранняя, предтеча — это националистические движения в Восточной Европе, появившиеся в XIX веке, в которых историческая политика занимало видное место. Для любого националистического движения характерно полное энтузиазма возвышение собственной нации, прославление ее уникальности и превосходства над другими нациями. Высокая эмоциональность дискурса выражается в том, что критика собственной нации воспринимается сторонниками националистических движений в основном как «измена родине». Эта чрезмерная вера в преимущества собственного народа, своей нации подогревается, в первую очередь, вооруженными конфликтами. Во времена распада многонациональных федераций или империй стираются границы между внутренними и внешними врагами, между войной и гражданской войной. Ярким тому примером служат Хорватия в период с 1991 по 1995 год и Босния и Герцеговина с 1992 по 1995 год. В послевоенное время такие резкие национальные розни зачастую еще долгое время ощущаются в обществе.

Какую функцию выполняют подобные идеологически заряженные попытки интерпретации истории? Во-первых, они призваны обеспечить легитимацию власти (в различных типах политических режимов) или утвердить ее, обосновать и укрепить. Во-вторых, они могут быть нацелены на мобилизацию избирателей в демократических государствах. Политическая борьба — идеальная возможность для обмена аргументами в сфере исторической политики. Разные толкования истории обладают особой силой мобилизации именно в тех случаях, когда они нацелены на формирование и укрепление идентичности определенного сообщества в ходе развития националистического движения. Особой остротой отличается такая полемика потому, что в начале любого движения национального возрождения мы имеем дело с неустойчивой и спорной общественной идентичностью. Так обстояло дело и в государствах — преемниках Югославии и Советского Союза (если не считать Балтии, где уже давно существовали активные национальные движения).

Тесная связь между исторической политикой и борьбой за политическую власть превращает историческую полемику в важную площадку для постсоциалистического гражданского образования. Именно поэтому в настоящем сборнике этой теме посвящены три

статьи (Мешков, Портнов, Журженко). В статье Сержиу Мустяцэ речь идет о развитии преподавания истории в украинских школах — это также важный предмет исторической политики и потенциальная площадка для исторического гражданского образования.

Новый авторитаризм и управляемое гражданское общество

Каким путем должна идти страна, чтобы создать живую демократию? Самый важный ответ на вопрос — через развитие живого гражданского общества. Ранее уже упоминалось, что политическое образование нуждается в общественных деятелях и нацелено на формирование гражданского общества, активно выступающего за демократию. Это остается вне сомнения. Однако данный раздел призван напомнить о том, что в наше время формирование лояльного гражданского общества стало также частью стратегии власти нынешних автократов (ср. Ширинов и Лассила). Современные авторитарные режимы, называемые также «новыми авторитарными режимами», включили в свою стратегию не только идеологическое воздействие, насилие и кооптацию, но и заботу о прирученном гражданском обществе, поддерживающим власти, ведь через эту заботу устанавливается и воспроизводится тесная связь правящего слоя с гражданами. Для разграничения гражданского общества, образующего основу устойчивой демократии, и данного вида общества последний условно назван «управляемым гражданским обществом».

Такое общество образовалось в России при Путине еще в начале его первого срока правления. А с 2004 года оно становится, ввиду опыта Оранжевой революции и событий в Беслане, неотъемлемой частью «управляемой демократии». Как наглядно показывает один из авторов настоящего сборника (Лассила), запрет и ограничение деятельности независимых и сотрудничающих с Западом неправительственных организаций идут при этом рука об руку с финансированием и поощрением гражданских инициатив, лояльных властям.

Поэтому при исследовании гражданского образования и развития гражданского общества как части процесса демократизации необходимо точно определить качество данного гражданского общества и его позицию в рамках политической системы.

Содействие развитию гражданского общества извне — возможности и границы

Выражаясь кратко: содействие извне амбивалентно. В нем кроется опасность, что западные доноры совместно с инициативами, которые они поддерживают, попытаются прежде всего реализовать свои собственные убеждения, видя в чужом мире только возможность подтверждения своих ценностей. С другой стороны, такое содействие представляет собой неизбежную промежуточную ступень, необходимую до тех пор, пока собственных финансовых ресурсов не будет достаточно для поддержки гражданских инициатив. В среднесрочной перспективе, однако, не обойтись без финансирования гражданского общества преимущественно за счет собственных средств, как подчеркивает Маттиас Фрайзе. Следующее его высказывание, сделанное в 2005 году, остается в силе по сей день: «Ввиду уменьшающихся ресурсов будущие меры по поддержке должны делать ставку на филантропию и волонтерство». (Freise, 2005, с. 92) Необходимость сделать гражданскую инициативу самостоятельной, обосновывается в первую очередь тем, что демократия (а также и гражданское образование, содействующее демократизации) всегда должна произрастать из данного общества. Кроме того, становится очевидным (в частности в странах Восточного партнерства), что в политическом сообществе, основанном на националистических суждениях, автократы пытаются выдавать политическое образование, финансируемое за счет международных средств, за попытку вмешательства внешних сил, при этом часть населения считает этот аргумент убедительным (см. также статью Патурия).

Несомненно, необходимы более точные сведения о том, каких результатов удалось добиться благодаря содействию ЕС и что можно усовершенствовать. По этому поводу во многих статьях настоящего сборника имеются размышления и рекомендации, в частности в заключительном разделе (Василевич, Цихнер и Ериця). Авторы этих статей опираются на опыт, приобретенный в разных обществах и процессах.

Задачи гражданского образования в процессе демократизации

В заключение еще раз рассмотрим возможности гражданского образования, нацеленного на укрепление демократического развития. В демократических странах задачей гражданского образования является повышение компетентности и дееспособности гражданского общества. Компетентное и дееспособное гражданское общество — главное условие для устойчивой демократии. Там, где демократия еще не укоренилась как политическая система и образ жизни, данная задача приобретает еще большее значение, потому что в таких случаях культура активной партиципации развита слабо, а манипуляция участия со стороны властей распространена довольно широко.

При этом гражданское образование представляет собой лишь одно из многих условий укрепления демократического развития. Оно не в силах заменить такие предпосылки, как действующее правовое государство, свободную от системной коррупции администрацию, независимое от властей правосудие, независимое телевидение и свободную прессу, а также возможность контроля над властями через выборы и функционирующий парламент. Но без гражданского образования демократия не может быть стабильной и устойчивой.

Гражданское образование нацелено в частности на активных граждан (Патурян: «*civic activists*») и представляет собой средство для ограничения произвола властей. Оно может противостоять манипуляции со стороны управляемых государством СМИ. Оно способно уменьшить предрассудки путем углубления знаний и развития способности рассуждать. Оно может развить интерес к политике, помогая устранить чувство бессилия, поражающее гражданское общество в авторитарных государствах. Благодаря ему история становится источником, из которого каждый может почерпнуть знания и познать недолговечность любой авторитарной власти, вместо того, чтобы и впредь служить каменоломней, в которой правители добывают аргументы для легитимации собственной власти. Благодаря гражданскому образованию и активным учителям школа может из места индоктринации в интересах государственной власти превратиться в площадку для освоения демократических навыков. Таким образом, она сама может стать местом, где можно научиться демократической партиципации.

Там, где государство не содействует гражданскому образованию, особая ответственность возлагается на гражданское общество, неправительственные организации и активных граждан («civic activists»). Европейские учреждения в последние годы давали новые импульсы к созданию сетевых структур, объединяющих инициативы гражданского образования. Одним из таких импульсов является «NECE» (*Networking European Citizenship Education*) — сеть организаций гражданского образования в Европе, частично финансируемая Федеральным центром гражданского образования.

Однако в рассматриваемом регионе присутствует и другой важный внешний источник влияния. Россия имеет в данном регионе свои интересы. Она рассматривает его как «ближнее зарубежье» и ввиду общей советской истории, а также имеющихся, по крайней мере, у старшего поколения активных знаний русского языка имеет неплохое стартовое преимущество. Акторы гражданского образования из государств Европейского союза должны отдавать себе отчет в существовании этого соперничества за содержание образовательных программ. Здесь все зависит не от суммы задействованных финансовых средств, а от убедительности. К тому же гражданское образование не должно сводиться к своего рода контр-пропаганде, то есть к затачиванию собственных аргументов таким образом, чтобы они легче воспринимались, чтобы на место сфабрикованных односторонних суждений соперника вставлялись собственные перегибы. Гражданское образование только тогда может содействовать развитию демократии, когда оно использует проверяемые аргументы и вникает в убеждения и предрассудки, играющие значительную роль в повседневной коммуникации.

Перевод с немецкого: Ольга Хорн.

Дитер Зегерт — профессор политологии Венского университета.

Литература

(примечания в тексте без точного названия ссылаются на статьи данного сборника, в которых вы найдете точные источники соответствующих текстов)

Bundeszentrale für politische Bildung. (2012). Strengthening Democracy — Fostering a Civil Society. www.bpb.de/die-bpb/138852/federal-agency-for-civic-education (дата обращения: 25.11.2015).

- Carothers, T. (2002). The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, 13(1), pp. 5–21.
- The Caucasus Research Resource Center (CRRC). (2013). Brief History. [www.crrccenters.org/2015/Brief-History](http://crrccenters.org/2015/Brief-History) (дата обращения: 10.10.2015).
- The Caucasus Research Resource Centers (CRRC). (2015). *Caucasusbarometer*. <http://caucasusbarometer.org/en/> (дата обращения: 11.09.2015).
- Factfish (2015a). Gross domestic product per capita, PPP (current international \$) — for all countries. www.factfish.com/statistic/gross+domestic+product+per+capita%2C+ppp%2C+current+international+%24 (дата обращения: 11.09.2015).
- Factfish. (2015b). Long-term unemployment (% of total unemployment) for all countries. www.factfish.com/statistic/long-term+unemployment (дата обращения: 11.09.2015).
- Factfish (2015c). Unemployment (% of total labor force). www.factfish.com/statistic-comparison/am-az-by-ge-md/unemployment (дата обращения: 11.09.2015).
- Freedom House. (2015). Nations in Transit 2014: Ratings and democracy score summary. <https://freedomhouse.org/sites/default/files/Data%20tables.pdf> (дата обращения: 11.09.2015).
- Freise, M. (2005). Demokratie-Bildung. Die Förderung der Zivilgesellschaft in Ostmitteleuropa. *Osteuropa*, 55, S. 83–93.
- Holmes, L. (1997). *Postcommunism: An Introduction*. Cambridge: Polity Press.
- Howard, M. M. (2003). *The weakness of civil society in post-Communist Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meznik, M. (2007) Die geschichtspolitische Auseinandersetzung im Postsozialismus am Beispiel Bulgariens. In: D. Segert (Hrsg.), *Postsozialismus. Hinterlassenschaften des Staatssozialismus und neue Kapitalismen in Europa*. Vienna: Braumüller Verlag, S. 87–100.
- Nordsieck, W. (2015). Parties and Elections in Europe. www.parties-and-elections.eu/ (дата обращения: 1.12.2015).
- Rupnik, J., Zielonka, J. (2013). Introduction: The State of Democracy 20 Years on: Domestic and External Factors. *East European Politics and Societies*, 27(1), pp. 3–25.
- Segert, D. (2013). *Transformationen in Osteuropa im 20. Jahrhundert*. Wien: facultas Verlag.
- Styckow, P. (n.d.). Vom «kommunistischen Ostblock» zu vier Welten des Postsozialismus. www.gsi.uni-enchen.de/lehreinheiten/le_ps1/le_verg_ps_oe/index.html (дата обращения: 11.09.2015).

Примечания

- 1 Федеральный центр гражданского образования сформулировал это на своем сайте в рубрике «Укрепление демократии — развитие гражданского общества» следующим образом: «Задача Федерального центра гражданского образования — стимулировать понимание политического содержания, укреплять демократическое сознание и усиливать готовность к участию в политической работе». (Bundeszentrale für politische Bildung, 2012).
- 2 Под «постсоциалистической Восточной Европой» автор подразумевает те европейские государства, которые до 1989–1991 годов так или иначе шли по пути социалистического развития. Принято различать между Центрально-Восточной Европой — восемь государствами, вступившими в 2004 году в ЕС, Юго-Восточной Европой — тремя странами, вступившими в ЕС в 2007 и 2013 году, и государствами так называемого «Западного Балкана», а также остальной Восточной Европой (государства — наследники Советского Союза, не считая трех балтийский стран).
- 3 Восточное партнерство — инициатива, предложенная Польшей и Швецией в 2008 году и осуществляемая с 2009 года в рамках Европейской политики добрососедства. Цели инициативы — развитие и углубление в первую очередь экономического, но также и политического сотрудничества между шестью постсоветскими государствами и Европейским союзом. Для выполнения заданных целей ЕС подписал в 2014 году соглашения об ассоциации с Грузией, Молдовой и Украиной.
- 4 См. Rупnik & Zielonka (2013, с. 3): «Сегодня большинство новых демократий испытывают «демократическую усталость», и некоторые из них подвержены авторитарному развитию».
- 5 Один из опросов «Кавказского барометра 2013» показал, что опрошенные в основном видят государство в роли заботливых родителей, а не кого-то, кого они сами приняли на работу (и, соответственно, сами могли бы уволить). Только в Грузии большинство (53%) не считает, что государство выполняет роль заботливых родителей. Но даже здесь 47% опрошенных придерживаются такого мнения. В Азербайджане и Армении же более чем три четверти опрошенных видят государство в роли заботливого отца. Все данные об опросах населения на Южном Кавказе взяты из «Кавказского барометра 2013» (CRRC, 2015).
- 6 См. Holmes (1997), Howard (2003), Segert (2014) и др.
- 7 «Кавказский барометр» — опрос на тему «Демократия в государствах Южного Кавказа», проводимый с 2003 года Кавказским центром исследовательских ресурсов (CRRC) Фонда Карнеги в Нью-Йорке (см. CRRC, 2013).
- 8 Таблица составлена на основе данных «Parties and elections in Europe» — широко используемой базы данных политолога Вольфрама Нордзика (Wolfram Nordsieck), основанной на сведениях соответствующих избирательных комиссий (Nordsieck, 2015).

- 9 «Nations in Transit» — инструмент сравнительного анализа уровня демократизации, разработанный НПО «Freedom House». Широко используется в политологии (см. Freedom House, 2015).
- 10 Украина и Молдова получили 4,93 и 4,86 балла и были оценены как гибридные/переходные режимы, Беларусь с 6,71 баллами и Азербайджан — как консолидированный режим.
- 11 Всего 11% отметили, что они не уверены или у них нет на этот счет своего мнения.

Гражданское общество и
гражданское образование в
процессе демократизации
в Восточной Европе после
1989 года

Ханс-Юрген Миссельвитц

Гражданское образование в эпоху общественной трансформации

Опыт работы в области гражданского образования в новых федеральных землях Германии. Ретроспектива и перспективы

В Федеративной Республике Германия (ФРГ) «гражданское образование» наряду с общим, культурным и профессиональным образованием является частью образовательной задачи государственных учреждений. В ГДР система образования использовалась правящей партией в качестве инструмента укрепления политических позиций и идеологического влияния, поэтому после 1990 года в Восточной Германии требовалось изменить не только содержание гражданского образования, но и практический подход. Тогда встал вопрос: как преподнести гражданское образование в государственных учреждениях, не превращая его при этом в инструмент государственной политической индоктринации или партийной пропаганды?

Гражданское образование и либеральный порядок

Свобода от политической индоктринации может быть гарантирована в плюралистическом обществе и демократическом государстве лишь в том случае, если возможности гражданского образования отражают общественное политическое многообразие и не приводят к ущемлению личных или основных политических прав граждан (в соответствии со статьей 7 Основного закона). Этот императив накладывает ограничения на услуги, предоставляемые государством в сфере гражданского образования, — относительно содержательных и мировоззренческих целей образования. На уроках

гражданского образования в школах и мероприятиях гражданского образования в рамках обучения взрослых должен соблюдаться принцип запрета на индоктринацию, описанный в 1976 году в так называемом «Бойтельсбахском соглашении» (нем.: «*Beutelsbacher Konsens*»): чтобы избежать навязывания определенного политического мнения, необходимо представить противоречия, присущие любому явлению, выявить разные перспективы и предоставить ученику возможность прийти к собственному мнению. Этот подход предполагает признание факта, что в демократическом обществе обязывающий характер политических высказываний и оценок, а тем более их признание должны оставаться предметом дискуссии.

Заключающееся здесь понимание свободы как «свободы от чего-то» дополняется еще и другим пониманием, а именно: свободы как «свободы действий», то есть способности каждого человека принимать активное участие в демократической жизни общности. Эта идея отражается в определении «свободного демократического»¹ гражданского образования как «формирования демократического сознания, обретения знаний и способности участвовать в политических процессах» (Deutscher Bundestag, 1991, с. 3). Этой же идее соответствует и представление о государстве, предусматривающее его обязанность, выходя за пределы обеспечения гарантий основных гражданских прав, заботиться о жизнеспособной демократии, а значит, не только обеспечивать, но и поощрять притязания граждан на участие в государственной деятельности.

Гражданское образование как общественный заказ: от демократического воспитания к развитию демократии

Изменения в содержании и методах гражданского образования Федеративной Республики Германия отражают характер эпохи перемен. Преимущественно утвердительные подходы, применяемые в первые два десятилетия существования ФРГ, отходят на задний план в последующие два десятилетия, когда уже преобладает спрос на критические подходы, соответствующие новому, осознанному отношению к демократии. В целях преодоления политического мышления целого поколения, формировавшегося еще во времена национал-социализма, гражданское образование с самого

начала не ограничивалось рамками школьных занятий, а, наоборот, уделяло особое внимание внешкольному образованию взрослых. Тем самым ФРГ продолжила кампанию союзных держав по перевоспитанию, в которой гражданское образование рассматривалось как инструмент демократических трансформаций. Принципы этой кампании нашли свое применение в дальнейшем гражданском образовании взрослых.

Важную роль в определении целей и развитии гражданского образования взрослых играют *Landeszentralen für politische Bildung* — центры гражданского образования в отдельных федеральных землях. Они независимы от органов власти и не получают от них каких-либо указаний в отношении выбора содержания своей деятельности. Именно поэтому они пользуются широким общественным признанием как учреждения, предоставляющие информацию на политические темы и способствующие политической партиципации. Они призваны обеспечивать многообразие и сбалансированность услуг, предлагаемых в сфере гражданского образования неправительственными организациями, а также дополнять их деятельность собственными инициативами.

Ввиду федеративного устройства Германии гражданское образование является частью культурной сферы, находящейся в компетенции федеральных земель. Ответственность за внешкольное гражданское образование лежит на центрах гражданского образования отдельных земель. Федеральный центр гражданского образования (*Bundeszentrale für politische Bildung*) дополняет деятельность земельных центров, оказывая, к примеру, поддержку проектам межрегионального значения.

Законы и другие правовые акты устанавливают такие основные требования к общедоступному образованию, как гарантию многообразия, сбалансированности и качества гражданского образования. Как правило, негосударственные организации (в совокупности) лучше справляются с предоставлением образовательных услуг, которые бы отвечали требованиям политического плюрализма, были децентрализованы и учитывали интересы граждан. Поэтому к задачам центров гражданского образования относится также соблюдение принципа плюрализма при выборе неправительственных организаций в сфере гражданского образования для оказания им поддержки, организаций, тесно связанных с обществом, знающих локальную и региональную специфику, обладающих компетенциями в той или иной теме. Гарантия широкого спектра услуг,

а также их качества и постоянного развития остается в компетенции центров гражданского образования.

Особую роль в Германии играют политические фонды, аффилированные с партиями, представленными в Бундестаге или ландтагах (парламентах земель). Они финансируются из федерального бюджета, а при темах, характерных для федеральных земель, — из бюджета отдельных земель. Политические фонды считаются организациями, связанными с основными общественно-политическими течениями и, следовательно, могут финансироваться из бюджетных средств, но их использование для продвижения интересов политических партий запрещено. Это соответствует идее, согласно которой для демократического участия и формирования политической воли (что является, согласно Основному закону, задачей партий) необходимы процессы распространения информации, независимые от финансовых возможностей заинтересованных лиц, стоящих за партиями.

Благодаря своей структуре, не имеющей аналогов в других странах, политические фонды как организации гражданского образования являются характерной составляющей демократической политической культуры Германии. Постоянно посредничая между различными позициями и интересами, они косвенно или напрямую вносят свой вклад в развитие культуры демократического спора и достижение согласия в общих для всех вопросах, вовлекая в этот процесс даже тех, кто имеет отстраненное отношение к политике. Услуги в сфере гражданского образования находят особое применение в дискуссиях о задачах будущего. Ведь за пределами актуальных разногласий предоставляется шанс обсудить и сформулировать общие интересы. Таким образом, гражданское образование вносит свой вклад в определение того, что считается общим благом.

Центры гражданского образования в Восточной Германии — поддержка при зарождении и становлении демократической инфраструктуры

Осенью 1990 — весной 1991 года после учреждения высших земельных администраций в восточных федеральных землях Германии были основаны центры гражданского образования. При этом каж-

дый из них выбрал для себя свой собственный концептуальный подход. Это объяснялось различиями между самими федеральными землями. Но другим, даже более значимым, фактором стало то, какая модель гражданского образования принята в той или иной западной «земле-партнере». Земля Бранденбург, поручившая мне создание такого земельного центра, поддерживала тесные связи с землей Северный Рейн-Вестфалия (СРВ). Поэтому земельный центр СРВ послужил ориентиром при выборе вариантов формирования центра в Бранденбурге, а также определении соответствующих правил. В то время Центр гражданского образования СРВ имел очень хорошее финансовое обеспечение и предлагал широкий спектр услуг: от каталога бесплатной политической литературы и учебного материала до собственных конференций и лекций, от премии, вручаемой авторам книг на политическую тематику, до финансовой поддержки неправительственных организаций политического образования.

Центр гражданского образования Бранденбурга был отнесен в ведение главы земельного правительства. Это ясно давало понять, что он не может находиться в компетенции земельного министерства культуры, которое обычно определяло образовательные программы. Такое решение стало сигналом к созданию общего политического проекта по развитию земли Бранденбург и ее демократической политической культуры. Спектр задач Центра гражданского образования СРВ послужил примером, в том числе и при определении приоритетов.

Конечно, потребовалось время для создания широкого спектра услуг в Бранденбурге. И по своему масштабу он не мог сравниться с набором услуг в СРВ. Необходимость финансовой поддержки децентрализованных образовательных организаций, однако, была с самого начала очевидной и для Бранденбурга, хотя в первое время таких организаций в Бранденбурге даже не существовало. Поэтому на первый план выходила задача создания и развития подобных организаций. Представлялось, что деятельность Центра объединит совершенно новый ландшафт децентрализованных услуг и социальных акторов — представителей нового звена демократической культуры ведения дискуссий и коммуникации. Планировалось предоставить пространство для обучения и рефлексии, необходимое для демократической инфраструктуры. Такое пространство должно было свести между собой акторов демократического процесса — социальных групп и индивидуумов, способных иметь

мультипликативный эффект, а также людей, чьи интересы затронуты теми или иными общественными изменениями или политическими решениями. Это создало бы на местном уровне возможности для партиципации, встреч и развития компетенций. Инвестиции в плюралистическое гражданское образование, учитывающее интересы граждан и задуманное как мероприятия для стимулирования практического обучения и непосредственной демократии, по значимости для будущего никак не уступают иным инвестициям.

Выбор данной концепции в среднесрочной перспективе способствовал созданию более 20 организаций, предлагающих услуги в сфере гражданского образования. Находились они в разных точках федеральной земли и занимались разными тематическими направлениями. Со временем эти организации глубоко укоренились в обществе. В институциональном вакууме, возникшем после 1990 года, они создали пространство для локальной или региональной общественности и внесли свой вклад в формирование демократической политической культуры. Однако развитие и укрепление масштабной инфраструктуры неправительственных организаций гражданского образования приостановилось уже к середине 1990-х годов. Сокращение государственных субсидий поставило под угрозу стабильность в планировании деятельности организаций и заставило перейти от максимума многообразия к пропорциональному распределению, то есть к выбору немногих организаций, которые, ввиду ограниченных средств, должны были представлять минимально необходимое многообразие. Несмотря на это, неправительственные организации гражданского образования стали каркасом становления демократического гражданского общества. Сохранение стабильности и профессионализма этих организаций всегда оставалось первостепенной задачей.

Гражданское образование и «достижение внутреннего единства»

В декабре 1991 года Федеральное правительство подчеркнуло значимость гражданского образования для достижения «внутреннего единства» Германии:

«После падения Берлинской стены и воссоединения Германии гражданское образование призвано внести свой вклад в духовное

и общественное единство двух Германий» (Deutscher Bundestag, 1991, с. 3).

Гражданское образование должно было внести свой вклад во взаимопонимание и формирование общего самосознания граждан Германии. В мае 1998 года Федеральное правительство, подводя итоги, осторожно отметило положительный результат:

«Конечно, не все ожидания и надежды на быстрое достижение благосостояния, связанное со свободной демократией, сбылись после падения режима СЕПГ. Все же политическая система Федеративной Республики Германия и воссоединение Германии оцениваются подавляющим большинством положительно. Гражданское образование внесло свой вклад в это развитие». (Deutscher Bundestag, 1998, с. 2).

В конце первого десятилетия объединенной Германии работа над «внутренним единством» еще не была закончена, несмотря на завершение институциональной реорганизации и частичное выравнивание уровня экономического развития. Ввиду сохраняющегося неравенства с точки зрения участия в общественном благосостоянии существовала опасность низкого уровня одобрения демократии в Восточной Германии.

Действительно, через несколько лет после воссоединения Германии стало ясно, что восточная и западная части Германии обладают разной политической культурой. Большинство жителей Восточной Германии имели отстраненное отношение к политической системе. В качестве примера можно привести результаты опросов, проведенных в 1998 году в Восточной Германии и дающих довольно ясную картину: при ответе на вопрос, чувствуют ли они себя «настоящими гражданами ФРГ» (нем.: *richtige Bundesbürger*) или же хотели бы вернуть ГДР, только 17% опрошенных выбрали первый вариант. 65% ответили: «ни то, ни другое». Уровень доверия к демократическим институтам не поднялся с 1990 года, а, наоборот, сильно упал. Несмотря на то, что подавляющее большинство подчеркивало свою демократическую ориентацию, в 1998 году лишь 13% опрошенных были довольны развитием демократии, 41% был недоволен, а 42% — частично довольны (SFZ, 1998). Таким образом, нельзя сказать, что политические позиции в восточной части Германии менялись автоматически в сторону растущей удовлетворен-

ности условиями жизни — и это несмотря на то, что большинство принципиально одобряло демократию и воссоединение Германии. На практике эти тенденции отражаются в специфике поведения восточных немцев на выборах, в отстраненном отношении к политическим партиям и в неизменно высоких ожиданиях к социальной ответственности государства.

В общественном дискурсе подобные политические позиции все чаще рассматривались как своего рода «генетический дефект» восточных немцев. То, что поначалу обсуждалось общественностью как «разница менталитетов», будто различия имеют такой же характер, как различия между вестфальцами и фризами, теперь оказалось обусловленным общественным строем и характерным для определенного поколения. То есть стало ясно, что преодолеть эту разницу удастся только в долгосрочной перспективе.

Насколько противоречивыми были тенденции политического развития в восточногерманском обществе, настолько разными были оценки и советы, как на них реагировать. Невзирая на провозглашенную цель достижения национального единства через внутреннее единство, то есть путем развития взаимопонимания и формирования общей гражданской идентичности, набирала вес позиция, что данные разногласия не должны больше рассматриваться как проблема в Германии — стране, для которой характерно не только культурное многообразие, но и региональные различия в уровне доходов (см. напр. Veen, 1997).

Более важную роль в установлении политических и культурных разногласий, чем сами различия между восточными и западными немцами, сыграли связанные с ними взаимные обвинения и преобладающее западное толкование проблем Восточной Германии. Абсолютное отсутствие или лишь редкое присутствие как знаний о Восточной Германии, так и восточных немцев в СМИ, вузах, партиях и в администрации сильно углубило ментальную пропасть между Востоком и Западом.

Несмотря на услуги, предлагаемые в сфере гражданского образования, простого решения данных проблем найти не удалось. Организации гражданского образования в лучшем случае могли использовать собственный опыт людей, помогать им лучше распознавать возможности демократии в процессе решения проблем и поддерживать их при использовании этих возможностей. В этой связи ожидания относительно вклада гражданского образования в достижение «внутреннего единства» следовало бы измерять по

сходству восточных и западных немцев, а по развивающейся способности отвечать на разные интересы и разный опыт в демократическом процессе.

Таким образом, гражданское образование могло противодействовать негативным тенденциям в развитии общественного единства, только предлагая общедоступные образовательные услуги, организуя публичные дискуссии, сохраняя широкий плюралистический спектр неправительственных организаций и создавая тем самым пространство для демократической политической культуры и предпосылки для политической партиципации. Возможность для этого предоставлялась в ходе дискуссии о разном историческом опыте Востока и Запада, не в последнюю очередь и потому, что именно здесь следовало искать причины и истоки разногласий, взаимного отвержения и обвинения в своего рода генетическом или умственном дефекте.

Становление демократии и переосмысление прошлого

То, что, став воспоминанием или традицией, составляет общее достоинство, то, что в итоге становится частью общего исторического сознания, то и формирует сплоченность и самосознание общества и обуславливает его реакцию на насущные задачи. Мерилом «достижения внутреннего единства» мог бы считаться период времени, за который западные и восточные немцы придут к общим воспоминаниям, а все, что не может стать общим, уйдет на задний план. В 1991 году эта задача казалась не только очевидной, но и довольно простой. Это было связано с высокой готовностью восточногерманского населения к политической и духовной интеграции в ФРГ. Политолог Томас Майер определил тогда задачу гражданского образования следующим образом:

«Формирование политической культуры демократии, то есть принятие ее правил, шансов, вызовов и основных ценностей как части своего самосознания, предусматривает обращение к истории коммунистической системы в Германии и переосмысление типичных биографий. Гражданское образование призвано внести свой, может быть даже решающий, вклад в это дело». (Meuer, 1991, с. 13).

Однако уже в конце 1990-х годов берлинский историк Юрген Кока (Коска, 1998) трезво отметил:

«После более сорока лет разного исторического развития и семи лет воссоединения в историческом сознании восточных и западных немцев проявляется глубокий раскол, особенно в отношении современной истории. Нам еще далеко до общей картины разделенной истории».

Несмотря на усиленно ведущиеся уже в 1990-х годах исследования в области современной истории, несмотря на две специальные комиссии Бундестага² и на проявляемый СМИ интерес к преодолению прошлого ГДР, или, может быть, как раз из-за этого, исторический опыт восточных немцев связывал и объединял их сильнее, чем им того хотелось. Разоблачения осведомителей органов государственной безопасности ГДР и системы политических репрессий, процессы против ответственных лиц из рядов СЕПГ ввиду асимметричного, сфокусированного на Востоке рассмотрения прошлого привели скорее к коллективной тяготе, нежели облегчению. Перед лицом безработицы, утраты профессионального признания и перспектив на будущее у восточных немцев в те годы усилилось впечатление, что им все же придется взять на себя коллективную ответственность за политическую систему, которую они с радостью оставили за собой. А разве не будили разговоры о «воссоединении» надежду на шанс пересечь все-таки на ушедший было для восточных немцев поезд истории? Эта надежда связана с восприятием самих себя как жертв истории.

Несомненно, переосмысление прошлого, беззакония, пережитого в ГДР, было неизбежным. Этот вопрос затрагивал разные группы населения, но в большинстве своем это были люди, если не поддерживающие систему, то хотя бы смирившиеся с ней. К 2000 году практически завершилось правосудие переходного периода: было проведено более 200 тыс. предварительных расследований, причем в примерно 200 случаях были вынесены приговоры и около 20 человек получили наказание в виде лишения свободы. Правовое государство, где люди могут быть осуждены только за конкретное правонарушение, не могло осудить всю систему, все прошлое в целом.

Эта дилемма возникала уже и до падения ГДР. А так как подход ГДР к решению схожей проблемы после 1945 года решительно не

годился в качестве образца для подражания, то в качестве альтернативы оставалась только западногерманская модель. Впрочем, ее репутация также была запятнана ввиду отказа от переосмысления национал-социализма на протяжении как минимум первых двух послевоенных десятилетий. Дабы не повторить былые ошибки, был создан восточно-западный союз — для критического рассмотрения прошлого с учетом опыта переосмысления национал-социализма. Этот подход очевиден в разговорах о «двойном прошлом» или о «дважды пережитой диктатуре». Но тем самым внимание заранее было сфокусировано на аппарате репрессий и его практических действиях. Такое направление переосмысления прошлого можно было осуществить в административном порядке: с помощью расследований прокуратуры или изучение актов управления по документации бывшего министерства госбезопасности. Повседневную жизнь, конкретную ответственность, успехи и промахи, с которыми имело дело большинство, невозможно было распределить по категориям преступников и потерпевших.

Поскольку политические репрессии все чаще доминировали в общей картине прошлого ГДР, этот дискурс все более и более удалялся от самого восточногерманского общества. И это общество отреагировало своеобразной формой проработки прошлого «снизу» — явным пагубным возрождением того, что осталось от культуры и самобытности ГДР. Для одних это была ностальгия, для других — упрямый протест против преобладающего западного взгляда на жизнь ГДР.

Однако в 1990-е годы падающий интерес к преодолению прошлого среди населения Восточной Германии никого не мог оставить равнодушным. Относительно проведенных параллелей с первыми десятилетиями послевоенного времени нужно отметить, что при таком историческом сравнении упускается из виду разница между данными периодами. История не повторилась. Свободы, отвоеванные путем добровольного воссоединения с Федеративной Республикой Германия, — это для восточных немцев нечто иное, нежели для западных немцев демократическое восстановление после проигранной войны. Эта разница играла важную роль с точки зрения общественного изучения и переосмысления истории.

Преодоление прошлого Восточной Германии имело бы больший успех, если бы проходило с учетом разного опыта и разных политических контекстов. Подходы, разработанные для этого в первую очередь организациями гражданского образования, не смогли взять верх над

политическим мнением, доминирующим при освещении этой темы в СМИ. Таким образом, в восточной и западной частях Германии остается неразрешенная пока проблема: создание общего для Востока и Запада представления о периоде между 1945 и 1990 годом. Понимание взаимообусловленности определенных исторических событий и траекторий развития является не только вопросом справедливости, но и предпосылкой для того, чтобы эти события и траектории развития могли стать составляющей коллективной памяти, а при определенных условиях и совместной ответственности. Эту цель гражданское образование все еще может поставить перед собой, если оно намерено внести свой вклад в единение Германии. Теория о продолжении существования одной нации, несмотря на разделение страны, требовала и все еще требует интеграции разного исторического опыта. Это может получиться, если историческое и гражданское образование наконец-то примет во внимание аспекты взаимообусловленности разных направлений в развитии Востока и Запада и начнет оценивать прошлое Восточной и Западной Германии с этой точки зрения.

Прошлое в роли будущего: парадоксальность духа времени

Подход, согласно которому «формирование политической культуры демократии» понимается как «принятие ее правил, шансов, вызовов и основных ценностей», предусматривающее «обращение к истории коммунистической системы в Германии и переосмысление типичных биографий» (SFZ, 1998), соответствовал духу времени и общим принципам осуществления процесса воссоединения. То, что описание обеих задач — «принятие правил» и «осмысление истории» — также содержит распределение ролей в рамках процесса общественной трансформации и гражданского образования, было очевидно. Но в этом и была особая проблема посткоммунистической трансформации Восточной Германии: восточным немцам досталась роль субъекта только при осмыслении их собственного прошлого, в отношении же демократии и ее развития они остались в роли объекта.

Такой расклад характеризует исторический парадокс этого процесса: в тот момент, когда восточные немцы оставили за собой диктатуру, свое прошлое, их самый главный капитал, который они вынесли из ГДР, а именно желание формировать демократию,

потерял свою ценность. «Принятие правил» означало коллективный отказ от собственного влияния на развитие общества, но одновременно и отказ от соответствующей ответственности. Как писал Клаус Оффе, люди были лишены «шанса и задачи, внести свой собственный, в том числе моральный, вклад в формирование своего будущего» (Offe, 1994, с. 261). Оффе считал, что население бывшей ГДР было лишено политического голоса, и одновременно к нему предъявлялись слишком низкие моральные требования.

Наблюдение за публичными дискуссиями последних лет показывает, что Восточная Германия и восточные немцы упоминаются в них чаще всего в контексте прошлого. Редко кому приходила в голову мысль о Восточной Германии и о будущем одновременно. Подразумеваемая процесс воссоединения Германии, Юрген Хабермас однажды сказал, что в данном случае «будущее воспринималось в форме прошедшего времени». Он считал, что все напоминает ситуацию 1950-х годов: «Картины прошлого ... полностью овладевают фантазией, а ведь ее подвижность была бы необходима для преодоления грядущих проблем» (Habermas, 1991). Согласно Хабермасу, руководящие принципы для этого масштабного политического эксперимента были заимствованы в прошлом потому, что появился совершенно новый род смены политической системы. Эта новизна обусловила, как он считает, попытки «укротить страх перед неизвестным риском с помощью словесной магии». Как и в годы зарождения авиации, когда поначалу шла речь о «воздухоплавании», теперь можно было стать свидетелем «заклинающего обращения к модели денежной реформы 1948 года ... и роликов к выборам в Народную палату с Людвигом Эрхардом»³. В итоге Хабермас пришел к выводу, что для общественной трансформации Восточной Германии прошлое играло роль будущего.

За этим феноменом стояло всеобщее убеждение, что цель политического преобразования была известна. «Никаких экспериментов!» — говорил Восток. Американский политолог Фрэнсис Фукуяма интерпретировал это развитие в своей широко известной статье «Конец истории?» как полное отсутствие жизнеспособных альтернатив либерализму, как «завершение идеологической эволюции человечества», как неоспоримую победу «экономического и политического либерализма» (Fukuyama, 1989). А значит, на повестку дня выходила задача осуществить нечто испытанное и проверенное. То есть девиз гласил: «назад в будущее». Программой восточноевропейского гражданского движения стало «Возвращение в Европу». Социолог Хайнц Буде еще через десять лет после воссое-

динения Германии констатирует: «1989 год символизирует не предвестника чего-то нового, а завершение уже известного» (Bude, 1999).

Достройка вместо перестройки, пробелы вместо учебного процесса

Ключевым понятием для посткоммунистической трансформации стала «догоняющая модернизация». Поэтому интерес политологов и социологов при проведении исследований трансформации был направлен не на уже известную цель, а на способ и пути достижения заданной цели. Соответственно, в долгосрочной перспективе интерес ученых был весьма ограничен. На протяжении пяти лет в ФРГ шло финансирование целого ряда дополнительных программ по исследованию социальных и политических преобразований в Восточной Германии. Политологи и социологи хотели определить, какими путями и в какие сроки восточные немцы адаптируют свое поведение к существующим общественным институтам. О том, какими путями граждане будут адаптировать институты к своему возможному поведению и своим потребностям, никто даже не задумывался.

В случае трансформации Восточной Германии уместнее было бы говорить о «подражающей», нежели об истинно «догоняющей» модернизации. Ведь характерным ее признаком был быстрый импорт западных институтов, введенных «сверху» и призванных служить целям, в которых поначалу знали толк лишь западные акторы. Данный процесс являл собой полную противоположность тем институтам, которые в истории западных демократий были отвоеваны «низами» у феодального государства и сами по себе считались достижением (Offe, 1998). Тот факт, что «западные стандарты» были введены вопреки западной логике, — один из парадоксов посткоммунистической смены политических систем. Модернизация, то есть секторальное «разгосударствление» общества, осуществлялась в данном случае как задача государства. Демократизация послевоенных обществ ФРГ и Австрии, хотя и проходила также под руководством извне, была увенчана успехом за счет того, что сопровождалась ростом экономики и социальной защищенности. Общества, находящиеся ныне в процессе трансформации, вынуждены осуществлять процесс демократизации в период глубокого экономического кризиса, справляясь с высокими социальными расходами, а также в период, когда сама система демокра-

тических институтов западных демократий не представляет собой неоспоримую модель, которую можно было бы просто перенять.

Таким образом, представление о «тоннеле в конце света» (Offe, 1998) неплохо подходило к процессу трансформации, который начался с высоких ожиданий и привел к чрезвычайно длинному пути, проходившему к тому же в темноте. Чтобы отправиться в такой путь, нужно было верить, что он приведет к цели и что шансы распределены справедливо, требовалось большинство, которое верит, что поставленная цель достижима. Даже если предположить, что все необходимые условия выполнены, в конечном итоге путь, лежащий в темноте, означал, что узнать что-то о цели мы можем, только будучи в пути. А это значит, что нам необходимо проверить основные ориентиры и быть открытыми для возможности познать новое.

В прошедший период времени было достаточно сменяющих друг друга основных ориентиров и прогнозов в отношении программы восстановления Восточной Германии (нем.: *Aufbau Ost*). Связывало их то, что они намеривались воспользоваться такими преимуществами модернизации Восточной Германии, как, например, применением инноваций в сферах образования, здравоохранения или регионального устойчивого развития. Для этого было необходимо определить собственный потенциал в открытом процессе, на поле экспериментов и ошибок. Альтернатива пассивному принятию — это процесс поиска, решение в пользу самостоятельного развития. А развитие означает экспериментировать и учиться. Как любой процесс обучения, оно возможно лишь тогда, когда результаты таких экспериментов, в свою очередь, влияют на институты, политические стратегии и другие действия. Общественный дискурс также является одним из средств обучения. А основная проблема Восточной Германии состояла в том, что в большинстве сфер не было адекватных процессов обучения. Несмотря на беспрецедентную в истории экономическую и общественную реорганизацию и на то, что дело это требовало от государства и его граждан больших затрат, отсутствовала научная и институциональная активность, которая соответствовала бы насущным проблемам. Везде, где опробовалось нечто новое, где проводились эксперименты, речь шла лишь о «временных решениях», которые не выливались в учебные процессы. Недоставало соответствующего интереса и общественного восприятия. Без научной рефлексии такие начинания в основном не получали необходимого развития.

В 1990 году социолог Ральф Дарендорф сделал следующий прогноз относительно периода, который понадобится для политической, экономической и общественной реорганизации посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы: для введения политической демократии и принципов правового государства — шесть месяцев, для перехода к рыночной экономике — шесть лет, а для развития гражданского общества — 60 лет (Dahrendorf, 1990). Основываясь на этом прогнозе, нужно отметить, что развитие большинства стран идет по плану. Пусть развитие демократии и рыночной экономики еще не завершено, но в большинстве стран они стабильны и признаны населением. Это относится к государствам Центрально-Восточной Европы, которые уже вошли в состав Европейского союза. Поначалу эти страны дольше, чем Германия боролись с провалами экономики. С середины 1990-х годов, то есть после предсказанных шести лет, они, однако, как правило, достигли экономического роста, превышающего соответствующий показатель в Западной Европе (European Bank for Reconstruction and Development, 2000, с. 65).

Восточная Германия, в свою очередь, с самого начала была исключением. Находясь с политической точки зрения в составе Федеративной Республики Германия, она была обеспечена как в финансовом, так и в социальном плане, и, пользуясь такими привилегиями, была вне всякого сравнения. Фаза экономического догоняющего развития, для которой характерен более быстрый рост, чем в Западной Европе, началась в Восточной Германии раньше и с большей силой. Но закончилась она уже на шестом году развития. Соответственно, сдвинулся и график восстановления Восточной Германии. Через десять лет после воссоединения Германии заговорили о пройденной «половине пути». Позже речь шла уже о «задаче поколений». За этим кроются те тридцать лет, предусмотренные «Пактом солидарности II»⁴ на выравнивание (до 2019 года) разных уровней развития, возникших вследствие разделения Германии. На политическом уровне планы останутся без изменений. Но с теми различиями, которые все-таки останутся, придется смириться. С учетом прогноза Дарендорфа, выделившему на данный процесс 60 лет, гражданское общество должно будет научиться жить с этим.

Новый, более реалистичный график означает, что мы уже сейчас должны задуматься о будущем, об общественной ситуации следующего поколения и сфокусировать внимание на новой общей цели, на пристани, к которой необходимо добраться разными возмож-

ными путями. Если мы готовы к данному шагу, то это должно оказать влияние и на гражданское образование. Чтобы политика могла реагировать на времена структурной трансформации, ей необходимо в демократическом обществе согласие и содействие граждан.

Новая повестка дня для гражданского образования?

Смена эпох, политические переломы и кризисы политических систем ставят под вопрос политический опыт, передаваемый из поколения в поколение. Все классические политические теории были, в сущности, сформулированы как рефлекс на эпохальный опыт пережитых кризисов и беспорядков. Только теперь становится очевиден весь масштаб изменений и драматизм международного экономического и экологического развития, а, следовательно, и проблемы, которые еще предстоит решить. Опоздание в осознании этой ситуации связано с тем, что кризис и трансформация 1989–90 годов имели непосредственное значение лишь для восточной части Германии и для восточноевропейских обществ. Впрочем, тот факт, что в одночасье перестали существовать такие значимые антагонизмы, такие альтернативные модели, как «демократия против диктатуры» или «социализм против капитализма», касается и Запада. Исчезновение данных антагонизмов и интегративного образа врага поставило под вопрос легитимность политической системы также и на Западе. Поначалу встал вопрос легитимности институтов, несущих конфликт между Востоком и Западом, а затем и идеи антикоммунизма как «краеугольного камня западной демократической этики» (Avineri, 1993, с. 10). Рост числа нападений на почве ксенофобии в первой половине 1990-х годов в Восточной Германии и гражданские войны в бывшей Югославии считались пережитками коммунистического прошлого, то есть временными общественными феноменами или же периферийными явлениями. То, что они отразятся на все стране или даже на Европе, нужно было сначала осознать.

Какие выводы можно сделать для будущего западных демократий? Какие антагонизмы политические лагеря создают взамен былым антагонизмам? Какую роль играют новые сепаратистские и националистические движения? Как меняются в данном контексте исторические нарративы, культура памяти, историческая политика (нем.: *Geschichtspolitik*).

Если гражданское образование возьмется за эти темы, ему предстоит решение вопросов общеевропейского будущего. Гражданское образование будет все чаще сталкиваться с вопросами сосуществования людей из разных культур, как на местном, так и на общенациональном уровне. Это одна из тем Европы, а сама Европа — это важнейшая тема политического преобразования настоящего и будущего десятилетия.

«Единение Германии осуществится в объединенной Европе» — таково было представление поколения, которое пережило разделение Германии и мечтало о большем. Эти люди оказались правы, и я надеюсь, что время оправдает их надежды на достижение полного единства. Уже ради этого необходимо и в Восточной Германии ставить перед собой более высокие цели обучения, а прежде всего, понять, что требуется новый процесс обучения наряду с финансовыми средствами и организациями.

Пробным камнем для демократической культуры нашего общества становится способность интегрировать социальные и национальные меньшинства. Враждебное отношение к иностранцам, а тем более ксенофобия представляют собой не только угрозу для внутреннего мира, но и для демократического порядка, для его принципиальной открытости и способности развиваться в сообществе разных народов. Именно эта открытость является важным условием для успеха идеи совместной Европы — важнейшей темы политического преобразования будущего десятилетия. А вот проблемы преобразования нашей антиэкологичной цивилизации, вероятно, заставят нас коренным образом изменить нашу культуру и наше общество. Для выполнения этой непростой задачи нам понадобится уже больше, чем грядущее десятилетие.

Перевод с немецкого: Ольга Хорн.

Ханс-Юрген Миссельвитц — теолог, бывший руководитель Центра гражданского образования федеральной земли Бранденбург.

Литература

- Avineri, S. (2.02.1993). Eine neue Welt — oder die Wiederkehr der alte? Über Postkommunismus, Nationalismus und das vermeintliche «Ende der Geschichte». Frankfurter Allgemeine Zeitung, S. 10.
- Bude, H. (4.11.1999). Kein dritter Weg, nirgends. Frankfurter Rundschau.
- Dahrendorf, R. (1990). Betrachtungen über die Revolution in Europa in einem Brief, der an einen Herrn in Warschau gerichtet ist. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Deutscher Bundestag. (1991). Bericht der Bundesregierung zu Stand und Perspektiven der politischen Bildung in der Bundesrepublik Deutschland. Drucksache 12/1773. <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/12/017/1201773.pdf> (дата обращения: 24.11.2015).
- Deutscher Bundestag. (1998). Antwort der Bundesregierung auf die Große Anfrage der Abgeordneten Doris Odendahl, Wolf-Michael Catenhusen, Edelgard Bulmahn, weiterer Abgeordneter und der Fraktion der SPD vom 27.05.1998. Drucksache 13/10810. <http://dipbt.bundestag.de/dip21/btd/13/108/1310810.asc> (дата обращения: 24.11.2015).
- European Bank for Reconstruction and Development. (2000). Transition Report 2000. www.ebrd.com/downloads/research/transition/TR00.pdf (дата обращения: 24.11.2015).
- Fukuyama, F. (1989). Das Ende der Geschichte? Europäische Rundschau, 17(4), S. 3–25.
- Habermas, J. (10.05.1991). Die andere Zerstörung der Vernunft. Die Zeit, S. 63–64.
- Kocka, J. (1998). Geteilte Erinnerungen. Zweierlei Geschichtsbewußtsein im vereinten Deutschland. Blätter für deutsche und internationale Politik, 43(1), 104–111.
- Meyer, T. (1991). Die Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen. Politische Bildung im vereinigten Deutschland. Aus Politik und Zeitgeschichte, 37/38, S. 9–17.
- Offe, C. (1994). Der Tunnel am Ende des Lichts. Erkundungen der politischen Transformation im Neuen Osten. Frankfurt am Main: Campus Verlag.
- Offe, C. (1998). Die politisch-kulturelle Innenseite der Konsolidierung. Eine Anmerkung zu den Besonderheiten der postkommunistischen Transformation. In: H.-J. Wagener, H. Fritz (Hrsg.), Im Osten was Neues: Aspekte der EU-Osterweiterung, Bonn: Dietz Verlag, S. 100–114.
- Sozialwissenschaftliches Forschungszentrum Berlin-Brandenburg (SFZ). (1998). Leben 97/98. Sozialreport II. Quartal 1998 Neue Bundesländer.
- Veen, H. J. (1997). Innere Einheit — aber wo liegt sie? Eine Bestandsaufnahme im siebten Jahr nach der Wiedervereinigung Deutschlands. Aus Politik und Zeitgeschichte, 40/41, S. 19 ff.

Примечания

- 1 Это соответствует термину «*freiheitlich demokratische Grundordnung*» (свободный демократический общественный порядок), характерному для Основного закона Германии.
- 2 Комиссия по исследованию истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии, 1992–1994 годы; Комиссия по преодолению последствий диктатуры СЕПГ в процессе воссоединения Германии, 1995–1998 годы.
- 3 Людвиг Эрхард руководил послевоенными экономическими реформами в качестве министра экономики ФРГ (1949–1963); впоследствии он стал канцлером (1963–1966). Людвиг Эрхард умер в 1977 году, тринадцать лет до того, как он появился (со своей таксой) в рекламной кампании, проводимой федеральным правительством в рамках политики воссоединения.
- 4 Второе из двух соглашений между федеральным правительством и землями Восточной Германии, согласно которому Восточная Германия получает специальное финансирование от федерального правительства.

Гражданское образование в школах в свете интеграции Польши в Европейский союз

Крупнейшее разовое расширение в истории Европейского союза (ЕС) состоялось 1 мая 2004 года с принятием девяти новых государств-членов. Для всех кандидатов вступление в ЕС означало выполнение основополагающих требований и стандартов, действующих в государствах — членах ЕС-15. Для Польши процесс интеграции начался значительно раньше — сразу после того, как страна в 1989 году вновь обрела независимость в результате мирного процесса, который завершился переговорами за круглым столом и передачей коммунистическими властями контроля над государством после своего 45-летнего правления. В сентябре 1989 года было подписано соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве с Европейским экономическим сообществом, а два года спустя — Европейское соглашение (об ассоциации). В преамбуле данного документа однозначно установлено, что конечной целью Польши является членство в Сообществе и что ассоциация, по мнению обеих сторон, поможет Польше в достижении данной цели. В апреле 1994 года Польша подала заявку на вступление в ЕС, а в мае 1998 года в Брюсселе начались первые переговоры о вступлении. Это были нелегкие годы. Одновременно формировались основы гражданского общества и шел процесс трансформации централизованной экономики в рыночную. Кроме того, начинался сложнейший, не законченный по сей день процесс формирования нового представления польского народа о жизни в демократическом государстве. Упрощенно можно сказать, что события последних 20 лет походят на огромную стройку. Работы ведутся на участке с многочисленными руинами: разные строительные бригады одновременно приступают к делу. Зачастую их действия не согласованы, отсутствует

разделение труда, порой одна из бригад начинает закладывать фундамент, а потом выясняется, что еще не проложены водопровод и канализация, не подведено электричество и т. д. Все это происходит в присутствии жителей данного участка, которые советуют, настаивают, призывают уволить некомпетентных рабочих, злятся, что процесс длится слишком долго, указывают на упорядоченную и устойчивую реальность других обществ, которые уже многие годы ведут стабильный образ жизни, будучи частью налаженной системы. При этом за последние 20 лет польское общество справилось с большей частью преобразований, на которые в западноевропейских государствах ушло более 60 лет послевоенного времени. Мы в значительной степени адаптировали государственные, правовые и экономические институты к *acquis communautaire*, то есть к нормативным правовым актам ЕС-15. В оставшейся части процессы продолжают. На пути развития нам предстоит приложить еще много усилий. Оглядываясь на путь, пройденный нами в ходе интеграции Польши в ЕС, нельзя забывать, что проходил он параллельно формированию гражданского общества и начался в 1989 году.

Демократизация сферы образования

Рассматривая данную тему, нужно принять во внимание, что непосредственно после родителей именно учителя воспитывают и учат детей, формируют их сознание, внутреннюю позицию и знания. Коммунистические власти отдавали себе в этом полный отчет и следили за тем, чтобы учителя были верны линии партии. Единственная возможность гражданского развития до 1989 года фактически сводилась к профсоюзу учителей, подчиненному коммунистической партии, и к верной властям и контролируемой ими харцерской организации. После смены политического строя были предприняты меры, нацеленные на изменение данной ситуации. Благодаря усилиям парламента и правительства на законодательном уровне были созданы предпосылки для демократизации сферы школьного образования. Изданный в 1991 году закон о системе образования стал фундаментом демократизации школьной жизни. Он предоставил возможность организации системы образования, сравнимой с соответствующей системой западноевропейских стран. Важнейшими положениями данного закона, призванными покончить с прошлым последних десятилетий, были следующие:

- возможность создания негосударственных школ;
- определение компетенций, сферы ответственности и обязанностей школьных органов; передача ответственности в руки учителей, работающих в учебном заведении (педсовет); передача ответственности общественным органам системы образования: образовательному совету — на национальном уровне и на уровне воеводств, совету школы (представители родителей, учителей и учеников), ученическому совету (большинство учащихся школы); определение компетенций и сферы ответственности кураторов, директоров школ и учителей;
- разрешение деятельности общественных организаций на территории школ (за исключением политических партий), в том числе неправительственных организаций, чьи цели и мероприятия обогащают спектр дидактической, воспитательной и образовательной деятельности школы;
- отбор кандидатов на должность куратора (госслужащих, контролирующих учебные заведения на уровне воеводств) на конкурсной основе; выбор директора школы путем объявления конкурса (в состав конкурсной комиссии на паритетных началах входят представители органа управления, педагогического контроля, профсоюзов, учителей и родителей учеников соответствующего учебного заведения);
- определение порядка принятия внутренних правовых норм школы.

В цитируемый здесь документ с момента его создания были внесены многочисленные правки и дополнения. Он до сих пор действителен в Польше и создает предпосылки для издания исполнительных актов нижней ступени министром по вопросам национального образования. Работая вот уже 23 года в различных сферах системы образования, я могу с уверенностью сказать, что предоставляемые правовой системой возможности формирования школьного гражданского общества используются не в полной мере. Этому есть много причин. Мне хотелось бы привести здесь лишь некоторые из них.

- Подготовка учителей:
 - Отсутствие проверки кандидатов относительно их предположенности к профессии учителя. Подобная проверка не проводится ни в средней школе (в Польше система профессиональной ориентации находится еще на стадии становления), ни во время учебы в педагогических вузах, ни при завершении

обучения. Правда, обучение студентов предусматривает более десяти практических часов в школах. Но то, как проходят эти часы, оставляет желать лучшего. В итоге многие оканчивают педагогические вузы, не имея при этом предрасположенности к профессии учителя (например, не обладая такими качествами, как активность, находчивость, энтузиазм, стремление к собственному развитию и пожизненному обучению, желание познавать новое, способность получать удовольствие, помогая другим людям развиваться и т. д.).

- Педагогические вузы недостаточно готовят будущих учителей к их роли в общественном и эмоциональном развитии учеников. Выпускники педагогических вузов могут быть очень хорошими специалистами в том или ином предмете — биологии, географии, математике, филологии. Их недостаток — неумение сделать из класса команду, поддержать учеников при решении их личных и семейных проблем, сотрудничать с людьми, работающими в школьной среде, а зачастую даже с другими сотрудниками школы.
- Две крайние позиции родителей:
 - Требовательная позиция, отражающаяся в следующем высказывании: «Если ребенок посещает школу, его там должны обучать и воспитывать, а мне нужно лишь обеспечить средства на его содержание». Таким образом, родители сами «освобождают» себя от своей обязанности воспитывать детей.
 - Пассивная позиция, при которой контакт со школой ограничивается обязательными родительскими собраниями или явками в школу по вызову учителя, а активное участие в школьной жизни отсутствует. Причина такой позиции, несомненно, в ментальности родителей, сложившейся в коммунистический период, когда отсутствовала традиция участия в школьной жизни.
- Отсутствие модели и традиции организации общественной жизни и активности.

Несмотря на множество возможностей приобретения новых умений и навыков путем участия в ученическом самоуправлении школ на разных ступенях образования, лишь небольшая группа учеников использует этот шанс. Ученическое самоуправление каждой школы имеет своего наставника, выбранного из учителей данной школы. Нередко низкая активность ученического самоуправления связана с неумением наставника заинтересовать учащихся. Случа-

ется также, что наставник тормозит деятельность молодых людей критикой или собственными представлениями о работе ученического самоуправления. В связи с непростой для выпускников школ ситуацией на рынке труда в 1998–2004 годах наблюдалось незначительное улучшение в этой области. Работодатели намного охотней берут на работу молодых людей, которые не только соответствуют формальным требованиям к знаниям, но и проявляют активность, ищут возможности дальнейшего развития и приобретения нового опыта. Благодаря данной тенденции все больше учеников принимают активное участие в волонтерской деятельности общественных организаций. Приведенные выше наблюдения подтверждаются исследованием школьной активности учеников, проведенным Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (ОЕСД, 2003). В данном исследовании особое внимание уделялось «внутренней позиции» и «поведению» учащихся. «Внутренняя позиция» соответствовала чувству принадлежности к школе, а «поведение» — посещаемости. Результаты исследования показали, что в Польше более чем у 40% учащихся слабо выражено чувство принадлежности к школе, а примерно у 30% наблюдается низкая посещаемость. Эти показатели в Польше выше, чем в других странах (в частности, в странах ОЭСР).

Опасения в образовательной среде, связанные с интеграцией в Европейский союз

Процессы интеграции, начатые и продолженные чередой правительств (независимо от их политического курса), не повлияли на осознание этих процессов и на знания о них в образовательной сфере. Только когда в 1998 году начались переговоры и их освещение средствами массовой информации, учителя вдруг поняли, что они не готовят учащихся к жизни в объединенной Европе. Образование и обучение стали одной из тем переговоров. В ходе переговоров правительство проводило информационные мероприятия и акции в поддержку вступления Польши в ЕС. С помощью грантовых конкурсов, в том числе и для неправительственных организаций, оказывалась поддержка в осуществлении проектов, направленных на популяризацию европейской тематики в образовательной среде. Проводя подобные мероприятия с учителями на протяжении нескольких лет, мы имели возможность получить представление об

их опасениях и надеждах, связанных со вступлением Польши в ЕС (это был период до проведения референдума, результат которого трудно было предугадать). Ниже приведены некоторые опасения польских учителей в отношении общественно-культурной и образовательной сфер:

- навязывание методов обучения и содержания образования, в частности в области истории и литературы;
- утрата молодым поколением национальной идентичности, упадок национальной культуры;
- поглощение обществом того, что «приходит» из стран ЕС-15: другая культура, обычаи, праздники, отличающиеся от существовавшей до сих пор польской модели, отказ от собственных традиций;
- быстрый прогресс и перенасыщенность массовой культурой;
- незрелость общества и неподготовленность к переменам.

Кроме того, были названы следующие опасения: личная безопасность (рост преступности), развитие фирм с преобладающим зарубежным капиталом, назначение иностранцев на руководящие и управляющие должности, маргинализация Польши визави с сильнейшими странами — членами ЕС, ухудшение политических связей со странами Востока и наплыв иммигрантов и беженцев. Перечисленные опасения компенсировались надеждами и осознанием возможностей, связанных с интеграцией в ЕС. Дискуссии на эту тему нередко заканчивались выводом, что, приняв решение о невступлении в ЕС, Польша упустила бы исторический шанс. Необходимо подчеркнуть, что учителя большинства школ в период до референдума принимали активное участие в образовательных мероприятиях, посвященных тематике Европейского союза. В большинстве своем это были внешкольные мероприятия, в ходе которых можно было узнать, как страны — члены ЕС функционируют в рамках Сообщества, познакомиться с культурой и традициями этих стран. Благодаря таким мероприятиям учащиеся пополнили свои знания и увлеклись идеей вступления Польши в ЕС. Эти молодые люди в свою очередь делились новыми знаниями о ЕС с родными и близкими. Родители чаще всего принимали участие в различных информационных проектах и акциях, проходивших в детских садах и начальной школе.

Работа учителей, несомненно, повлияла на положительный результат референдума. Период с 2000 по 2004 год стал для большей части польского общества фазой тяжелых последствий трансфор-

мации общественной системы. Уровень безработицы превышал в то время 20%, а в некоторых регионах (там, где находились обанкротившиеся государственные сельскохозяйственные предприятия) он даже достигал 90%. Чрезвычайно резко сказались последствия взросления, воспитания и жизни людей в коммунистическом государстве всеобщего благосостояния. Беспомощность, неумение справляться с новыми ситуациями, решать проблемы, злоупотребление алкоголем и наркотиками стали причиной маргинализации людей, для которых перемены стали непосильным вызовом.

Международное сотрудничество

Основным барьером для контактов образовательных учреждений с соответствующими учреждениями в странах — членах ЕС-15 было незнание иностранных языков. Еще примерно до середины 1990-х годов в школах основным иностранным языком был русский. Теоретически возможность изучения западноевропейских языков уже существовала. Однако преградой стала нехватка персонала. Было практически невозможно гарантировать ученику непрерывное изучение выбранного языка на всех последующих ступенях школьного образования. Так, например, ученик в начальной школе мог на протяжении одного или двух лет осваивать основы немецкого языка, чтобы потом в средней школе начать изучение испанского или итальянского, потому что на работу в школу удалось принять преподавателей именно этих языков. Одной из причин нехватки учителей в школах были низкие зарплаты. У кого был выбор: работать в школе или на коммерческом предприятии, тот выбирал второй вариант, поскольку там можно было зарабатывать в 3–4 раза больше. Ввиду нехватки специалистов и отсутствия финансовых средств обучение было неэффективным и часто проводилось в классах по 30 человек. У педагогов, закончивших свое обучение до 1989 года (за исключением учителей западноевропейских языков) практически не было возможности объясняться с жителями стран ЕС. В Польской Народной Республике лишь малая группа руководящих кадров, работников школьных инспекций и представителей педагогических вузов, участвовала в учебно-ознакомительных поездках в страны — члены ЕС-15, знакомилась с системой образования этих стран, с разработанными там решениями и закладывала основу для долгосрочного сотрудничества. В 1990-е годы Европейская комиссия предоставила

ассоциированным с ЕС государствам, в том числе Польше, возможность участия в таких программах, как «Молодежь» («Youth», ныне «Youth for Europe») или «Леонардо да Винчи». Из-за многочисленных барьеров, в том числе языковых, такие проекты не приняли общего характера на уровне образовательных учреждений, школ и школьного обмена. Около 5–10% школ участвовали в подобных проектах до вступления Польши в ЕС. Каждый учитель, ученик и родитель, принимавший участие в осуществлении международных проектов, осознает связанные с этим обогащение, возможности развития и образования. Те несколько дней, которые ученики проводят с ровесниками за совместной работой, обмениваясь мыслями, узнавая друг друга и принимая совместные решения, дают больший эффект, чем целый год школьных уроков о, например, демократии и терпимости. Такой опыт способствует также обретению различных способностей и умений.

Изменения в системе образования

Результаты исследования в области грамотности среди взрослых, проведенного ОЭСР в середине 1990-х годов, представили поляков не в лучшем свете в сравнении с гражданами западных государств. Объясняется это, несомненно, разными условиями жизни в этих обществах в прошедшие десятилетия. Польские учащиеся обладали обширными теоретическими знаниями, но затруднялись применять их при решении проблем. Несколько лет спустя правительство стартовало реформу системы образования. Один из принципов реформы — формирование способностей и внутренней позиции при одновременном ограничении получения теоретических знаний. Анализируя ситуацию систематично, можно сказать, что реформа стартовала и ее нужно реализовывать, но, если принять во внимание позиции людей, она еще не закончена. Основными действующими лицами и ответственными за проведение реформы являются, несомненно, учителя. Как всегда в подобных ситуациях, мнения в образовательной среде разошлись и охватывают спектр от энтузиастов до скептиков. И хотя этот процесс длится уже десять лет, разногласия продолжают существовать. Основным принципом реформы является подготовка молодежи к взрослой жизни. При этом реформа польской системы образования с самого начала опиралась на знания, накопленные в этой сфере Европейским союзом.

Результаты налицо: исследования показали, что польские учащиеся догоняют своих ровесников из других стран. К концу 90-х годов по инициативе Министерства национального образования в рамках программы «Новая школа» было подготовлено более 2500 «эдукаторов» (дословно: образователей). Речь идет об учителях, работающих по специальности, изо дня в день применяющих приобретенные навыки на практике и поддерживающих профессиональное развитие своих коллег. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров можно признать удовлетворительным. Сеть государственных и негосударственных учреждений повышения квалификации учителей и последипломого образования позволяет всем желающим принять участие в любой форме повышения квалификации. Проблему нужно искать скорее на стороне адресата — часть учителей не признают принципа постоянного повышения квалификации. Однако несколько лет тому назад повышение квалификации стало обязательным. Была введена иерархия ступеней квалификации. Достигнутая в данной системе ступень влияет на звание и зарплату. А позиция в иерархической системе зависит, в свою очередь, от образования, повышения квалификации, активности, проявляемой образовательной среде, от достижений в работе с учениками и от других факторов. Предприняв различные меры, удалось повысить активность учителей. В настоящее время проводится большое число исследовательских проектов со школами, происходит сотрудничество с другими образовательными учреждениями, вузами и исследовательскими институтами. Наблюдается рост уровня распространения Интернета, хотя у многих учителей все еще возникают трудности при работе с компьютером. Еще несколько лет назад причиной тому были довольно высокие цены на компьютеры по сравнению с зарплатой учителей. Если учесть, что у многих школ появилась возможность покупать компьютеры, цены упали, а доступ к Интернету постоянно улучшается, нужно отметить, что сегодня трудности в этой области носят скорее психологический характер — страх и нежелание приобретать новые навыки.

Демократизация жизни в Польше после 1989 года, новые правовые нормы и рыночные механизмы создали предпосылки для «освобождения» рынка школьных учебников и дидактического материала от монополии государства и госучреждений. Теперь, после нескольких лет развития в данной области, на рынке представлено как минимум два-три учебника разных авторов и изда-

тельств по каждому предмету. Зачастую их дополняют тетради для упражнений, атласы и игры. Учитель, который должен вести тот или иной предмет в следующем учебном году, сам выбирает соответствующий учебник. Чаще всего в рамках одного предмета издательства предлагают целую серию учебников для разных классов. Это позволяет соблюдать непрерывность и логичность построения дидактического материала. Если речь идет о дидактическом пособии, учителя должны делать лучший выбор. В рамках образовательных проектов, осуществляемых неправительственными организациями и учреждениями повышения квалификации учителей, разрабатываются различные типы дидактического материала: фильмы, брошюры, книги и целые образовательные пакеты. Учителям и ученикам, участвующим в таких проектах материал предоставляется бесплатно. Многие коммерческие предприятия также предлагают дидактические пособия на своих сайтах и в каталогах. Эти пособия легкодоступны и доставляются почтой или представителем фирмы непосредственно в школы.

Благодаря улучшению знания иностранных языков и общей активности, а также желанию узнать мир, знакомиться с людьми и избавиться от комплексов школы теперь осуществляют намного больше международных партнерских проектов, чем еще несколько лет тому назад, при этом со странами как Западной, так и Восточной Европы и даже Азии. Проекты эти отличаются все лучшим качеством. Их осуществление стало возможным не в последнюю очередь и благодаря политике ЕС. Членство в ЕС обусловило рост интереса к жизни и проблемам на других материках, например в Африке. Свобода перемещения, появление иммигрантов, поездки поляков за границу, знакомство с другой реальностью, более широкий кругозор — все это влияет на отношение к людям других культур или вероисповеданий. И это тоже одно из измерений гражданского образования. Кроме того, изменяется представление учителей и учеников о гражданском образовании. Если в начале процесса демократизации это понятие ассоциировалось с политической деятельностью, с выполнением государственных функций небольшой группой людей, то сегодня граждане все лучше понимают, что гражданское образование является частью жизни каждого гражданина демократического государства. Гражданское образование — это инструмент подготовки молодых людей к взрослой жизни. Нам в Польше необходимо дальнейшее развитие и укрепление сектора неправительственных организаций, которые могут вне-

сти свой вклад в дальнейшую демократизацию жизни. Более тесное сотрудничество между неправительственными организациями и школами поможет развитию и тех и других. При решении местных задач сотрудничество носит пока нерегулярный характер. Среди проблем последних лет — коррупция и молчаливое одобрение данного явления большей частью общества. Среди молодежи, особенно в гимназиях, участились случаи насилия, направленного против ровесников. Случаются также акты агрессии против учителей. Поводом при этом служат повседневные события. Интеграция с ЕС и развитие гражданского образования продолжаются. Необходимо расширять международное сотрудничество между школами, учреждениями повышения квалификации учителей и организациями, поддерживающими систему образования. Действуя сообща, мы могли бы разрабатывать лучшие решения для возникающих проблем, вместе учиться, вдохновлять друг друга и строить демократию и сообщество.

Перевод: Ольга Хорн.

Немецкая версия статьи была опубликована под названием «Bürgerbildung in Schulen im Lichte der Integration Polens in die Europäische Union» в Hoffmann, N., Nikzentaitis-Stobbe, M. (Hrsg.). (2008). Politische Bildung in Mittelosteuropa. Eine Annäherung an Polen, Tschechien und Ungarn, S. 83–93. Berlin: MitOst e. V.

Кшиштоф Кацуга — проект-менеджер фонда «Fundacja Rozwoju Świątchłowiec».

Литература

- OECD and Statistics Canada. (1995). Literacy, Economy and Society. Results of the First International Adult Literacy Survey. Paris: OECD.
- Willms, J. D. (2003). Student Engagement at School: A Sense of Belonging and Participation. Results from PISA 2000. Paris: OECD. www.oecd.org/edu/school/programmeforinternationalstudentassessmentpisa/33689437.pdf (дата обращения: 20.11.2015).

Маттиас Фрайзе

От бума к консолидации: линии развития гражданского общества в Центрально-Восточной Европе

Введение

При рассмотрении результатов многочисленных современных исследований политической культуры и гражданского общества в постсоциалистических государствах Центрально-Восточной Европы кажется очевидным, что в данных странах сформировались слабые структуры гражданского общества, все еще находящиеся в процессе трансформации. После начальной эйфории, царившей незадолго до и сразу после смены политического курса в 1989–1990 годах, гражданская активность в различных добровольных объединениях пошла на спад. Активность участия в объединениях, церковных организациях, группах защиты окружающей среды, гражданских движениях, партиях и профсоюзах несколько снижается или стагнирует на уровне, который в региональном сравнении значительно ниже уровня старых демократий Западной Европы. То же самое можно сказать и о восьмерке государств Центрально-Восточной Европы, вступивших в Европейский союз в мае 2004 года: Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения и три балтийских государства — Эстония, Латвия и Литва. Здесь, однако, перспектива интеграции с Западом в понимании Кристианы Франтц (Frantz, 2000) оказалась стабилизационным якорем демократизации. Уже сформировались либерально-демократические формы правления, хотя процесс консолидации постсоциалистических обществ еще далеко не закончен (Ismaug, 2004). Настоящая статья сначала в общих чертах описывает линии развития гражданского общества в странах Центрально-Восточной Европы, чтобы затем перейти к обсуждению причин возникновения специфических структур, характерных для постсоциалистических обществ.

Партиципация в постсоциалистических гражданских обществах

Типичным явлением для авторитарных режимов Центрально-Восточной Европы было стремление вовлечь население в деятельность социалистических припартийных организаций (нем.: *Vorfeldorganisationen*). Вплоть до «бархатной революции» 1989–1990 годов во всех социалистических странах существовало множество подобных организаций: от молодежных объединений и профсоюзов, до культурных организаций, клубов натуралистов и филателистов, в которых в более или менее принудительном порядке состояла большая часть социалистического общества. Ян Кубик (Kubik, 2000, с. 184) отмечает, что формальный уровень участия населения в деятельности общественных организаций был в социалистических обществах — пусть даже и недобровольно — значительно выше, чем в любой другой политической системе. Именно поэтому Бернхард Весельс причисляет постсоциалистические общества к категории «сверхорганизованных», особенно относительно участия в профсоюзах и социалистических партиях, то есть в организациях, которые социалистические власти использовали в качестве «центральных органов мобилизации сверху» (Weßels, 2004, с. 177).

Разумеется, припартийные организации в авторитарных режимах стран реально существующего социализма нельзя назвать объединениями гражданского общества в либерально-демократическом смысле, ведь они были зависимы от властей, были в основном близки к идеологии социализма и оказывали давление на тех, кто отказывался от участия. И все же, такие организации выполняли в социалистических обществах функции, по крайней мере отчасти чрезвычайно похожие на функции общественных объединений в либерально-демократических обществах. Они выступали в роли служб социализации, создавая общность. Они готовили кадровый резерв для пополнения рядов партии и предоставляли услуги как своим членам, так и третьим лицам (Kubik, 2000, с. 185). Вот почему Зденка Мансфельдова и ее соавторы (Zdenka Mansfeldová и др., 2004, с. 101) называют такие организации «псевдо-общественными» группировками с высокой степенью организации.

В начале 1990-х годов, после того, как социалистические режимы потерпели крах и новые правительства, избранные демократическим путем, провозгласили свободу ассоциаций и коалиций, социалистические припартийные организации с широкой членской

базой стали важной основой для создания новых гражданских обществ. Правда, после 1990 года появилось и много новых организаций. Но в то же время были созданы организации — преемники бывших социалистических припартийных организаций. Многие из них были реорганизованы, отказались от тесной связи с государством и ныне продолжают свою деятельность в качестве независимых организаций. И они по сей день насчитывают в своих рядах бóльшую часть граждан, несмотря на продолжающуюся волну выхода членов из общественных организаций (Mansfeldová и др., 2004, с. 101 и сл.).

В целом, после смены политического курса в новых странах — членах Европейского союза в добровольном секторе отмечается низкий уровень участия населения в деятельности общественных организаций. Результаты проекта Берлинского научного центра социальных исследований «Consolidation of Democracy in Central and Eastern Europe»¹ подтверждают, что за десять лет вовлеченность населения постсоциалистических стран в добровольные объединения заметно снизилась. Однако этот факт еще не говорит о поражении гражданских обществ. Он скорее является признаком нормализации. Ведь при детальном рассмотрении становится ясно, что с 1990 по 2001 год прежде всего снизилось количество членов партий и профсоюзов, то есть тех организаций, которые можно считать пережитками социалистического режима (Weßels, 2004, с. 177). Как показано в таблице, в некоторых государствах в период с 1990 по 2000 год уровень участия населения в общественных организациях без учета профсоюзов и партий даже немного вырос.

Тем не менее современные гражданские общества постсоциалистических государств имеют скорее слабую структуру, ведь одновременно с сокращением состава добровольных объединений в большинстве стран уменьшилось также среднее число организаций, в которых состоит каждый конкретный гражданин. Около половины всех граждан новых стран — членов ЕС не состоит больше ни в одной добровольной ассоциации (Howard, 2003). В то же время существенно сократилось число людей, состоящих одновременно в нескольких организациях.

Как показали результаты различных исследований общественного сектора в Центрально-Восточной Европе (ср. напр. Ulram & Plasser, 2003; Pickel & Jacobs, 2001), в последние годы в системе общественных организаций данного региона проходил процесс далеко идущей трансформации. Нет никаких признаков

того, что данный процесс уже закончен. По всей вероятности, внутренняя реструктуризация общественного сектора будет продолжаться.

Таблица: Участие населения постсоциалистических стран в общественных организациях в 1990–1991 и 2000–2001 годах (в процентах)

	Уровень участия, все организации		Уровень участия без профсоюзов и партий		Изменения (1990 — 2000 годы)	
	1990/1991 годы	2000/2001 годы	1990/1991 годы	2000/2001 годы	Все	Без профсоюзов и партий
Чехия*	76,1	51,9	60,1	47,4	-24,3	-12,7
Словакия*	77,2	57,9	60,2	49,6	-19,3	-10,6
Венгрия	49,3	33,8	20,4	27,2	-15,5	6,8
Польша	35,4	18,5	17,6	13,7	-16,9	-3,9
Литва	42,8	27,2	21,2	25,3	-15,7	4,1
Латвия	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.
Эстония	68,4	39,3	30,4	37,6	-29,1	7,2
Словения	63,1	61,5	47,8	52,0	-1,6	4,2

Источник сводки: Weßels (2004, с. 178).

Источник данных: опрос РСР I и II (совместный проект «The Post Communist Publics», WZB и др.).

*1990/1991 годы — чешская и словацкая части Чехословакии.

Гражданская активность в Центрально-Восточной Европе

Наряду с уровнем участия населения в деятельности общественных организаций значимым показателем для оценки гражданского общества является гражданская активность. Совершенно очевидно, что гражданские общества непосредственно нуждаются в политическом и социальном участии граждан. Гражданское общество, призванное поддерживать демократию, просто невысказано без активного участия граждан.

При этом активность и партиципация могут иметь разные проявления, они могут быть частными, публичными, институциональными или внеинституциональными (Weßels, 2004, с. 189). К инсти-

туциональным политическим формам партиципации относится, к примеру, участие граждан в выборах. По всей Центрально-Восточной Европе наблюдается значительно более низкая явка на выборах, чем в западноевропейских государствах (Neller & van Deth, 2006). Однако партиципация выражается не только в участии в выборах. В ходе исследования «Consolidation of Democracy in Central and Eastern Europe» были разработаны дополнительные показатели для проведения анализа постсоциалистических обществ. Речь идет, во-первых, о частных формах (чтение газет, ведение политических дискуссий, попытки убедить друзей в собственной правоте), во-вторых, о публичных (внеинституциональных) формах (политическая работа в муниципальных образованиях, участие в политических мероприятиях и демонстрациях, контакты с политиками, работа на какую-либо партию). По результатам исследования для постсоциалистических государств вырисовывается довольно однородная картина: около 70% граждан считают, что они более или менее интересуются политикой. То есть они принимают участие в политических дискуссиях в кругу знакомых и регулярно осведомляются о политических процессах (Weßels, 2004, с. 191). Внеинституциональные же формы политической активности распространены далеко не так широко. Лишь небольшая доля граждан указала в 2001 году, что принимает участие в политических мероприятиях и демонстрациях. Если в 1989–1990 годах оппозиционное движение пользовалось в большей части социалистических стран с переходной экономикой широкой поддержкой населения, то в настоящее время публичная активность находится на весьма низком уровне. Особенно настораживает тот факт, что прежде всего молодежь в возрасте от 18 до 30 лет скорее редко проявляет гражданскую активность. Результаты второй фазы исследований, полученные в 2004 году в рамках проекта «European Social Surveys»², подтверждают эти данные: в Центрально-Восточной Европе все формы политической партиципации выражены далеко не так ярко, как в западноевропейских странах, взятых в качестве сравнения (Neller & van Deth, 2006).

Так же дело обстоит с поддержкой активности при помощи пожертвований и с предоставлением финансовых ресурсов, например, путем основания фонда. Хотя данные, имеющиеся в области благотворительности, лишь в весьма ограниченной степени позволяют делать сравнения на европейском уровне, здесь результаты также показали, что для населения постсоциалистических стран

характерен относительно низкий уровень готовности к пожертвованиям по сравнению с жителями стран с устоявшейся демократией (Priller & Sommerfeld, 2005). И это касается не только общей суммы поступлений от сбора пожертвований, но также и соотношения суммы пожертвований и доходов.

Обобщая, можно отметить, что проявление разных форм гражданской активности, будь то путем участия в мероприятиях, добровольческой деятельности или пожертвований, в постсоциалистических странах слабое — в отличие от западных демократий. Чем объясняется данный феномен?

Специфика структур гражданских обществ в постсоциалистических странах

В ходе своего исследования специфики структур постсоциалистических стран Марк Ховард (Howard, 2003) приходит к выводу, что для представленных выше характерных линий развития гражданских обществ в Центрально-Восточной Европе можно привести целый ряд объяснений. Он считает, что относительно низкая политическая партиципация и сокращение числа членов добровольных объединений являются, прежде всего, результатом крепких семейных и дружеских отношений. В социалистических обществах они играли для индивида еще большее значение, чем в демократических странах, обладающих системой независимых общественных организаций. Так как любое начало общественного плюрализма пресекалось на корню, большая часть населения принимала пассивно-нейтральную позицию по отношению к властям и обособлялась, живя в своем личном мире, который во многом оставался нетронутым властями (Mansfeldová & Szabó, 2000, с. 97). Здесь можно было говорить открыто, здесь же человек был готов проявить активность.

Но семейные и дружеские связи играли для людей в социалистических обществах такую важную роль еще и потому, что ими можно было воспользоваться в экономических целях. Последние годы показали, что личные связи остаются довольно стабильными. С помощью глубинных интервью, проведенных в России и Восточной Германии, Ховарду (Howard, 2003) удалось доказать, что ослабшие в процессе трансформации дружеские отношения, все же и по сей день остаются для людей главной опорой в повседневной жизни, в то время как желание ощутить общность в независи-

мых ассоциациях с людьми, поначалу незнакомыми, играет лишь весьма второстепенную роль. Это объясняет также, почему в постсоциалистических странах сильно развито социальное доверие. В постсоциалистическом обществе большинство считает, что членство в добровольной ассоциации не связано с какими-либо преимуществами. Ведь состоя в объединениях люди должны подчиняться уставам и мнению большинства, платить взносы и сотрудничать с людьми, чье общество они, возможно, совсем не ценят. Одним словом, в сравнении с имеющимися социальными связями за добровольными организациями не признается никаких преимуществ. Кажется очевидным, что эти результаты применимы также и к другим странам, ставшим новыми членами ЕС.

Второй причиной низкой партиципации в деятельности добровольных объединений является сильно выраженное недоверие к любым формальным организациям, даже если они основаны на принципе добровольности. Это еще один пережиток социалистического прошлого. При социализме большинство людей состояли во многих организациях — начиная с профсоюзов и молодежных клубов и заканчивая женскими клубами. Зачастую членство в таких организациях было обязательным и приносило личные преимущества. Продвижение по карьерной лестнице также часто зависело от членства в социалистических припартийных организациях. Поэтому многие граждане воспринимали членство в подобных организациях как вынужденное. Лишь в немногих общественных объединениях, например в любительских клубах и клубах отдыха, членство было добровольным, хотя даже они контролировались государством (Mansfeldová и др., 2004).

Неудивительно, что в постсоциалистических обществах по количеству участников клубы досуга занимают первое место, причем с большим отрывом, в то время как к политическим и социальным организациям люди относятся с недоверием. Зачастую наблюдается отождествление новых добровольных объединений с коммунистическими массовыми организациями. В целом, в глазах постсоциалистического населения легитимность добровольных объединений находится скорее на низком уровне. Существовавшее и ранее недоверие усилилось в результате ряда коррупционных скандалов, в которых были замешаны представители добровольных объединений (Salamon & Anheier, 1999, с. 32). Непрозрачное привлечение социалистических организаций-преемников к государственной социальной политике еще больше укрепили это недоверие (Frič,

2001, с. 16). Лишь немногие добровольные объединения пользуются большим доверием, остальные должны постепенно завоевывать признание населения. Перед самими же общественными объединениями встает проблема интеграции в более сильные «зонтичные» организации. В основном низовые общественные группы не признают «зонтичных» организаций, воспринимая их как ограничение независимости.

Убывающее доверие постсоциалистических обществ к политическим организациям — еще один фактор, объясняющий специфику структур постсоциалистических гражданских обществ. Причина этому — с одной стороны, принципиальное недоверие к государству, вызванное накопившимся при социализме печальным опытом (Howard, 2003, с. 43). С другой стороны, недоверие к государству тесно связано с разочарованием в результатах государственной политики. В ходе своего новаторского исследования «Активность и разочарование» (Engagement und Enttäuschung) Альберт Хиршман (Hirschman, 1982) обнаружил связь между экономическим развитием и гражданской активностью. Он пришел к выводу, что разочарование в экономическом развитии приводит к спаду гражданской активности. Такие исследования политической культуры в Центрально-Восточной Европе, как, например, «Евробарометр»³, свидетельствуют о том, что почти во всех исследуемых странах значительно снизился уровень удовлетворенности результатами политики. Приняв во внимание экономическое развитие этих государств, можно объяснить этот факт лишь частично. Хотя безработица почти повсеместно стабильно держится на высоком уровне и во второй половине 1990-х годов эти страны претерпели экономический кризис, в целом трансформация экономической системы прошла в новых странах — членах ЕС по сравнению с другими странами с переходной экономикой довольно успешно. Тот факт, что разочарование в результатах политического и экономического развития все же велико, объясняется высокими ожиданиями людей в постсоциалистических обществах. Находясь в состоянии эйфории, широкие массы социалистических обществ видели в либерально-демократических системах правления гарантию экономического успеха. В то же время, граждане постсоциалистических стран предъявляют высокие требования государству, прежде всего, если речь идет о деятельности, направленной на обеспечение благосостояния (Freise & Zimmer, 2004). Однако государство не в состоянии соответствовать столь высоким ожиданиям, что и приводит

к сильному разочарованию в политической системе в сочетании с падающим уровнем гражданской активности населения.

То, что гражданская активность выражена менее ярко, чем в странах Западной Европы, можно также объяснить дефицитом легитимности общественных организаций и гражданской активности. Во многих местах — хотя и не во всех новых странах — членах ЕС в равной степени — это сказывается также на отношениях между государством и акторами гражданского общества (Frič, 2004). Как уже было изложено выше, развитие общественной оппозиции достигло своего апогея во всех этих государствах в 1989–1990 годах. Непосредственно с вступлением в силу новых конституций и связанной с ними гарантии права граждан объединяться в общественные организации начался настоящий бум основания организаций в общественном секторе. Вначале политические элиты отнеслись к этой тенденции доброжелательно, ведь многие из них сами вышли из оппозиционных рядов (Glenn, 2001). Эта начальная доброжелательность, однако, постепенно пропала, когда перед избранными конституционными органами встала нелегкая задача экономической и социальной реорганизации (Frič, 2004, с. 218). С одной стороны, заметно спала эйфория первых лет, вызвавшая массовое появление общественных объединений. У многих граждан пропал интерес к общественным проблемам, они все больше отстранялись от общества, уходя в свой личный мир (Mansfeldová & Szabó, 2000, с. 105). С другой стороны, правительство постепенно перешло к скорее «сдержанно-холодной позиции» (Frič, 2004, с. 223) по отношению к общественному сектору и его организациям. Происходило это в то время, когда все чаще ставилась под вопрос легитимность общественных организаций, чье влияние преуменьшалось ввиду отсутствующего мандата избирателей. Кроме того, во многих постсоциалистических министерских бюрократиях и по сей день сохранился ярко выраженный этатизм, лишь неохотно перенимающий новые концепции государственного правления. С середины 1990-х годов, вместе с демократической институционализацией и консолидацией для гражданского общества начался нелегкий период, названный свидетелями данных событий «фазой неопределенности» (Frič, 2004). Нужно, однако, признать, что в новых странах — членах ЕС были разработаны отчасти очень новаторские решения налогового законодательства для устойчивого финансирования общественного сектора (ср. Bullian, 2004).

Тем не менее для описания отношений между государством и гражданским обществом в постсоциалистическом процессе транс-

формации можно в целом выявить два уровня проблем. Перед новой политической элитой предстала непростая задача: с одной стороны, создать предпосылки для развития гражданской активности, предоставив адекватные правовые рамочные условия, и, с другой стороны, при формировании сильного гражданского общества не поставить под вопрос легитимность органов, избранных демократическим путем. Кроме того, необходимо было придать новое направление сотрудничеству с гражданским обществом при осуществлении государственной деятельности. Это было важной и неотложной задачей, которую нужно было решить, прежде всего для проведения реформ всеобъемлющего социального государства с социалистическим устройством. В итоге можно сказать, что в разных странах Центрально-Восточной Европы при передаче сферы услуг в руки некоммерческих организаций были выбраны разные пути (Freise & Zimmer, 2004). При этом правительства и парламенты многих стран скорее отказываются от вовлечения акторов гражданского общества в процесс определения политического курса. Не в последнюю очередь это является следствием отсутствующей или недостаточно сильной структуры общественных организаций зонтичного типа, что характерно для поставторитарных государств (Frič, 2004). Если изначально приоритетными были совместные действия, направленные против старого режима, то после удачного перехода к иной политической системе становится очевидной основная проблема плюрализма: с одной стороны, сосуществование разных интересов, мнений и стилей жизни составляет основу либеральных демократий, с другой стороны, если гражданское общество намерено оказывать политическое влияние, оно обязано избежать собственного распада (Lauth, 1999). Странам Центрально-Восточной Европы пока еще не удалось разработать окончательное решение этой сложной задачи.

Перспективы

В ретроспективе можно отметить, что не подтвердились ни оптимистические прогнозы Гильермо О’Доннелла и Филиппа Шмиттера (O’Donnell & Schmitter, 1986, с. 49), предвещавшие после краха социалистических систем в Центрально-Восточной Европе взрывообразный рост гражданской активности населения, ни весьма пессимистический вариант развития событий Ральфа Дарендорфа

(Dahrendorf, 1990), который считал, что постсоциалистические общества повреждены настолько, что им понадобится около трех поколений для восстановления гражданского общества, способного укреплять демократию.

И все же нужно признать, что эти сравнительно слабые гражданские общества внушают сомнения в успехе дальнейшего демократического развития Центрально-Восточной Европы и Европейского союза. Ведь именно добровольным объединениям как институциональному ядру гражданского общества обычно приписывается потенциал освоения демократического образа действий, формировать и социализировать политические элиты, брать на себя роль внепарламентской оппозиции, а также создавать социальный капитал в понимании Путнама (Putnams, 2000), который считается предпосылкой для существования здоровых демократий. Предпринятые до сих пор меры по поддержке гражданской активности прошли в лучшем случае с умеренным успехом (Freise 2004). Следовательно, необходимо сделать так, чтобы гражданскому обществу как ключу к успешной консолидации демократии уделялось больше внимания. Такие инициативы, как созданный в 2005 году форум Совета Европы «Будущее демократии»⁴, в котором будут собраны и документированы лучшие примеры из практики национальной политики гражданской активности, призваны внести важный вклад в данное дело.

Перевод с немецкого: Ольга Хорн.

Впервые опубликовано под названием «Vom Boom zur Konsolidierung: Zivilgesellschaftliche Entwicklungslinien in Ostmitteleuropa» в «Politik im Netz. Online edition», 9, 2006.

Маттиас Фрайзе — доцент Института политологии Вестфальского университета им. Вильгельма, Мюнстер (WWU).

Литература

- Bullain, N. (2004). Explaining Percentage Philanthropy: Legal Nature, Rationales, Impacts. *Social Economic and Law Journal*. www.icnl.org/research/journal/vol6iss4/art_3.htm#_edn13 (дата обращения: 16.11.2015).
- Dahrendorf, R. (1990). *Betrachtungen über die Revolution in Europa in einem Brief, der an einen Herrn in Warschau gerichtet ist*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt.

- European Commission. (2015). Public Opinion. Eurobarometer Surveys. http://ec.europa.eu/public_opinion/index_en.htm (дата обращения: 20.11.2015).
- Frantz, Ch. (2000). EU-Integration als Transformationsrahmen? Demokratische Konsolidierung in Polen durch die Europäische Union. Opladen: Leske & Buderich.
- Freise, M. (2004). Externe Demokratieförderung in post-sozialistischen Transformationsstaaten. Münster: Lit Verlag.
- Freise, M. & Zimmer, A. (2004). Der Dritte Sektor im wohlfahrtsstaatlichen Arrangement der post-sozialistischen Visegrád-Staaten. In: H. Kötz (Hrsg.), Non Profit Law Yearbook 2003, Cologne, S. 175–194.
- Frič, P. (2001). Giving and Volunteering in the Czech Republic. Prague.
- Frič, P. (2004). Political Developments after 1989 and their Impact on the Nonprofit Sector. In: A. Zimmer, E. Priller (Eds.), Future of Civil Society. Making Central European Nonprofit Organizations Work, Wiesbaden: Springer, pp. 217–240.
- Glenn, J.K. (2001). Framing Democracy. Civil Society and Civic Movements in Eastern Europe. Stanford, University Press.
- Hirschman, A. (1982). Engagement und Enttäuschung. Frankfurt/Main: Suhrkamp.
- Howard, M. (2003). The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe. Cambridge: University Press.
- Ismayr, W. (2004). Die politischen Systeme Osteuropas im Vergleich. In: W. Ismayr (Hrsg.), Die politischen Systeme Osteuropas, Opladen: Leske & Budrich, S. 9–68.
- Kubik, J. (2004). Between the State and Networks of «Cousins»: The Role of Civil Society and Noncivil Associations in the Democratisation of Poland. In: N. Bermeo, P. Nord (Eds.), Civil Society before Democracy. Lessons from Nineteenth-Century Europe, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, pp. 181–207.
- Lauth, H.-J. (1999). Strategische, reflexive und ambivalente Zivilgesellschaften: Ein Vorschlag zur Typologie von Zivilgesellschaften im Systemwechsel. In H. Zinecker (Hrsg.), Unvollendete Demokratisierung in Nichtmarktökonomien, Amsterdam: G+B Verlag Fakultas, S. 95–120.
- Mansfeldová, Z., Szabó, M. (2000). Zivilgesellschaft im Transformationsprozeß Ost-Mitteuropas: Ungarn, Polen und die Tschechoslowakei. In: W. Merkel (Ed.), Systemwechsel 5. Zivilgesellschaft und Transformation, S. 89–114. Opladen: Leske & Budrich.
- Mansfeldová, Z., Nałęcz, S., Priller, E., Zimmer, A. (2004). Civil Society in Transition: Civic Engagement and Nonprofit Organizations in Central and Eastern Europe after 1989. In: A. Zimmer, E. Priller (Eds.), Future of

- Civil Society. Making Central European Nonprofit-Organizations Work, pp. 99–119. Wiesbaden: Springer.
- Neller, K., van Deth, J. (2006). Politisches Engagement in Europa. Aus Politik und Zeitgeschichte, 30–31, S. 30–38. www.bpb.de/popup/popup_druckversion.html?guid=TIEQV1&page=0 (дата обращения: 20.11.2015).
- O'Donnell, G., Schmitter, P. (1986). Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore and London: John Hopkins University Press.
- Pickel, G., Jacobs, J. (2001). Einstellungen zur Demokratie und zur Gewährleistung von Rechten und Freiheiten in den jungen Demokratien Mittel- und Osteuropas (Discussion Paper No. 9/01). Frankfurt/Oder: Frankfurt Institute for Transformation Studies.
- Putnam, R. D. (2000). Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community.
- Priller, E. & Sommerfeld, J. (2005). Wer spendet in Deutschland? Eine sozialstrukturelle Analyse. WZB Discussion Paper. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB). <http://skylla.wz-berlin.de/pdf/2005/i05-202.pdf> (дата обращения: 20.11.2015).
- Salamon, L. M., Anheier, H. K. (1999). Der Dritte Sektor. Aktuelle Internationale Trends. Gütersloh: Verlag Bertelsmann-Stiftung.
- Ulam, P., Plasser, F. (2003). Political Culture in East-Central and Eastern Europe: Empirical Findings 1990–2001. In: D. Pollack, J. Jacobs, O. Müller, G. Pickel (Eds.), Political Culture in Post-Communist Europe, Burlington, pp. 31–46.
- Weßels, B. (2004). Die Entwicklung der Zivilgesellschaft in Mittel- und Osteuropa: intermediäre Akteure, Vertrauen und Partizipation. In: D. Gosewinkel, D. Rucht, W. van den Daele, J. Kocka (Hrsg.), Zivilgesellschaft — national und transnational, Berlin, S. 173–199.

Примечания

- 1 Consolidation of Democracy in Central and Eastern Europe. Zentralarchiv für Empirische Sozialforschung — Universität zu Köln www.wzb.eu/sites/default/files/zkd/dsl/za4054_cdb.pdf.
- 2 www.europeansocialsurvey.org.
- 3 См. European Commission (2015).
- 4 www.coe.int/T/E/Com/Files/Events/2005-democratie.

Гражданское общество и новые медиа на Южном Кавказе

Евгения Патурян

Гражданское общество Армении: не только неправительственные организации

Введение

При обсуждении современного гражданского общества Армении важно учитывать различие между двумя взаимосвязанными, но очень разными участниками: неправительственными организациями (НПО) и гражданскими активистами. Гражданский активизм — сравнительно новое явление в Армении, отличающееся от НПО по ряду признаков. Группы гражданских активистов поддерживают минимальный уровень формальной организации и открыто отказываются от финансирования из-за рубежа. Начиная с 2009 года так называемые гражданские инициативы, состоящие в основном из молодых образованных людей и ограниченные территорией Еревана, имели успех в целом ряде случаев, несмотря на малое количество участников. Гражданский активизм представляется ареной, на которой гражданское общество могло бы преодолеть посткоммунистический синдром гражданской пассивности. Однако получится ли у гражданских активистов привлечь большее число людей, покажет будущее.

В данной статье освещаются две плоскости развития гражданского общества Армении: сектор неправительственных организаций (НПО) и гражданский активизм. При этом описывается современная ситуация, а также сильные и слабые стороны каждого сектора. Сначала рассматривается сегодняшнее состояние сектора НПО Армении, выделяются некоторые достижения и основные проблемы. Далее следует описание гражданского активизма как нового элемента гражданского общества Армении, причем основное внимание уделяется его отличиям от сектора НПО. В заключе-

ние приводится ряд наблюдений о том, как эти два элемента гражданского общества Армении могли бы дополнить (и в некоторых случаях уже дополняют) друг друга.

Сектор неправительственных организаций Армении

С момента провозглашения независимости в Армении наблюдался быстрый рост сектора НПО, однако точное число действительно работающих организаций остается неясным. На июнь 2014 года официально зарегистрировано 3981 НПО. По последним оценкам, большинство НПО существуют только на бумаге, и в стране фактически работают от 500 до 800 НПО (Paturyan, Gevorgyan, 2014). Если рассматривать только фактически активные НПО, то очевидно, что сектор НПО Армении к настоящему времени достиг достаточно высокого уровня институционализации. Многим организациям удалось решить проблему «единоличного лидерства», когда в руководстве доминируют основатели организации. Примерно две трети активно работающих организаций прошли этап смены лидеров и, что достойно быть отмеченным, работают несколько лучше организаций, управляемых прежними руководителями-учредителями, как минимум в одном аспекте: эти организации получают больше грантов (Paturyan, Gevorgyan, 2014). Как видно из таблиц 1 и 2, большинство включенных в исследование НПО обладают довольно развитой организационной структурой: имеются постоянные сотрудники, волонтеры и основные руководящие органы.

**Таблица 1: «Есть ли в вашей организации ...»
(положительные ответы)**

	N	%
Президент	182	97
Правление	146	78
Общее собрание	137	73
Бухгалтер / финансовый директор / кассир	129	69
Рабочие группы	114	61
Секретарь	82	44
Исполнительный директор	68	36

Источник: TCPA ASCN Organisational Survey of NGOs.

Таблица 2: Количество оплачиваемых сотрудников и волонтеров в организации

Число оплачиваемых сотрудников/ волонтеров	% НПО, имеющих оплачиваемых сотрудников	% НПО, имеющих волонтеров
0	37	10
1–5	26	29
6–20	22	28
21–30	6	13
31 и более	9	19
Всего	100	100
N	188	188
Среднее значение	11	58
Медианное значение	3	8

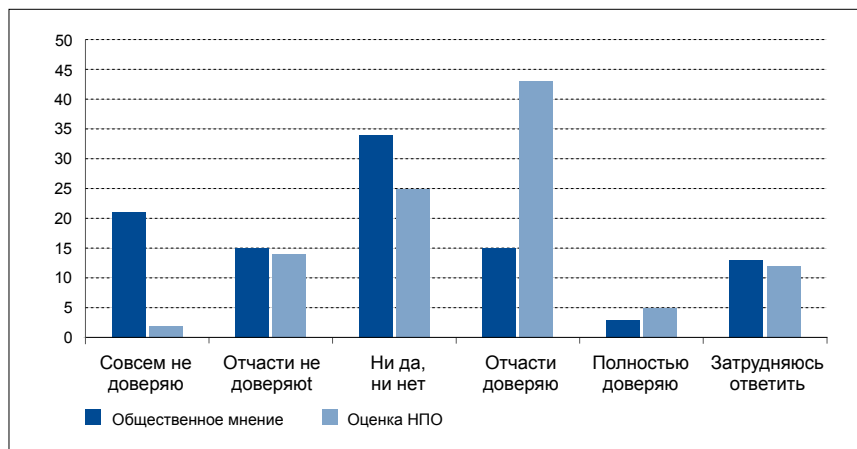
Источник: TCPA ASCN Organisational Survey of NGOs.

Тем не менее в секторе НПО Армении наблюдаются типичные проблемы общественного развития в постсоциалистическом пространстве.¹ Данные проблемы можно разделить на две обширные группы. К первой группе относится личное отношение и поведение граждан: пренебрежительное отношение к волонтерству, недоверие к разному рода объединениям и низкая доля граждан, участвующих в работе общественных объединений. В основном это — наследие советской эпохи (Howard, 2003), когда люди в принудительном порядке состояли в различных организациях и регулярно были «добровольцами». Вторая группа проблем, с которыми сталкиваются НПО в посткоммунистических странах, вызвана быстрым, ориентированным на приоритеты доноров развитием НПО после распада Советского Союза. Разнообразные проблемы смены режимов, зачастую сопровождавшиеся крахом экономики, пробудили потребность в общественных инициативах. Одновременно усилилась финансовая поддержка из-за рубежа. Этот процесс привел к широкому распространению НПО, в значительной степени зависящих от внешнего финансирования. Хотя приток средств позволил сформировать динамичный сектор НПО, он привел и к возникновению ряда ограничений, которые НПО пытаются преодолеть сегодня. В случае прекращения поддержки из-за рубежа организационная устойчивость большинства НПО сомнительна. Но что еще важнее — право организаций гражданского общества на представление интересов

местного населения часто оспаривается на том основании, что НПО финансируются из-за рубежа.

Доверие общества к НПО, и без того низкое, падает дальше, но, похоже, сами НПО это не осознают. НПО переоценивают уровень доверия общества, что видно на рисунке 1. В рамках одного опроса организациям было предложено оценить уровень доверия общества к НПО — аналогично вопросу «Кавказского барометра» в ходе исследования, проведенного Центром общественных исследований «Турпанджян» (ЦОИТ) в рамках исследовательского проекта, финансировавшегося Academic Swiss Caucasus Net. Сравнение с данными опросов общественности показывает переоценку неправительственными организациями уровня доверия к себе. Согласно «Кавказскому барометру 2013», одна пятая населения Армении вообще не доверяет НПО, однако сами НПО не осознают столь негативное отношение. НПО также явно преувеличивают долю граждан, отчасти доверяющих НПО: фактическая доля населения Армении, до некоторой степени доверяющего НПО, составляет всего 15%, в то время как сами НПО оценивают эту долю в 43%. Это еще один пример оторванности сектора НПО от широкой общественности.

Рисунок 1: Уровень доверия к НПО: по собственной оценке НПО и по результатам опроса общественного мнения

Источник: «Общественное мнение» — по результатам «Кавказского барометра 2013», «Оценка НПО» — по результатам TCPA ASCN Organisational Survey of NGOs.

Гражданские инициативы

Важным изменением в Армении является недавнее появление нового вида деятельности — «гражданских инициатив». Это различные низовые, ориентированные на решение определенных проблем группы физических лиц, объединяемых общей, зачастую очень конкретной, задачей (предотвращение строительства в общественном парке, сохранение ценного с архитектурной точки зрения здания, протест против открытия нового рудника и т. д.). Как правило, гражданские инициативы объединяют небольшое число людей и зачастую ограничиваются территорией Еревана, или координируются из столицы, если проблема имеет региональный характер. Ядро таких групп составляют молодые образованные люди. Для организации действий и распространения информации о них используются социальные сети. Эти новые формы гражданского участия появились примерно в 2007 году и уже позволили их организаторам добиться определенных успехов. Среди примеров успешных акций можно назвать сохранение намеченного к сносу старого кино-амфитеатра под открытым небом (кинотеатр «Москва», 2010 год), предотвращение строительства гидроэлектростанции на живописном водопаде (водопад Трчкан, 2011 год), и последнее достижение — организация массовых протестов против обязательной накопительной пенсионной системы (2014 год).² Имеются также и примеры неудач, несмотря на мобилизацию, а также примеры неспособности организаторов поддержать интерес к своей инициативе.

В своем отчете А. Ишканян и др. (Ishkanian, 2013) приводят перечень из 31 гражданской инициативы за период с 2007 по 2013 год. Из этого числа семи инициативам удалось добиться положительного решения (т. е. активистам удалось достичь поставленной цели), четырем не удалось добиться ничего, от шести пришлось отказаться, остальные еще продолжаются. После этого группа ЦОИТ обновила данные в таблице, добавив две новые инициативы и уточнив статус продолжающихся. В таблице 3 представлен последний обзор состояния гражданских инициатив в Армении. Следует отметить, что в девяти из 33 случаев, то есть более чем по четверти вопросов, поставленных активистами, было принято положительное решение. Учитывая небольшой размер инициативных групп, общую апатию населения и неготовность государства к сотрудничеству, можно сказать, что это весьма крупное достижение со стороны активистов.

Таблица 3: Результаты различных гражданских инициатив, 2007–2014 годы

Результат	Число инициатив
Успешное завершение	9
Безуспешное завершение	4
Досрочное прекращение	7
В процессе реализации	13
Итого	33

Источник: Current TCPA ASCN Research Project.

Гражданские инициативы имеют явные отличия от НПО. Первое и самое важное — активисты, участвующие в этих инициативах, полностью отказываются от финансирования из-за рубежа. Они не желают утратить легитимность своих действий в глазах общества и государства, получая финансирование от международных организаций и, соответственно, становясь зависимыми перед организациями, находящимися за пределами Армении. Они считают, что зависимость от финансирования из-за рубежа (а в некоторых случаях — вообще от какой бы то ни было поддержки, за исключением добровольного труда и личного вклада) будет означать умаление их способности выступать от своего имени и от имени тех людей, чьи интересы они пытаются отстаивать в борьбе за отмену того или иного решения. Другим отличием является настойчивое стремление к минимизации организационной структуры и отказ от иерархии. Это создает атмосферу «демократического участия», в которой реализуется творческая энергия всех участников и приобретает опыт сопричастности и полноправного участия в жизни общества. Отрицательным аспектом является то, что подобные структуры трудно сделать крупномасштабными и функционирующими в течение длительного времени. Институционализации не происходит; группы постоянно находятся под угрозой затухания, которое может быть вызвано разочарованием со стороны участников, нехваткой у них времени либо переключением ими своего внимания на другие вопросы.

Можно отметить и ряд других слабых сторон гражданского активизма. Большинство гражданских инициатив являются реакцией на решения правительства или какие-либо события и не преследуют целей проактивного изменения действительности. Многие активисты позиционируют себя «вне политики», хотя некоторые из поставленных ими же вопросов изначально являются полити-

ческими, например, противодействие реализации предложенной правительством пенсионной реформы. Отказ от политики означает отказ от привлечения политических сил, например, оппозиционных политических партий, которые во многих случаях могли бы стать ценными союзниками.

Заключение и выводы

Гражданское общество Армении прошло определенный путь развития с момента распада Советского Союза. Сектор НПО гражданского общества консолидирован и сравнительно хорошо развит. Однако он оторван от широкой общественности и в основном ориентирован на приоритеты доноров. В этом смысле гражданское общество Армении все еще испытывает типичную постсоциалистическую «немоту» — по определению Говарда (Howard, 2003).

Концентрация на НПО при обсуждении проблем гражданского общества в постсоциалистических странах носит оттенок иронии, поскольку концепция гражданского общества стала популярной в конце 1980-х годов в значении мобилизации широких масс и социальных движений против социалистических режимов соответствующих стран. Когда социальные движения ослабли их заменили НПО в качестве «сердцевины» гражданского общества. Развиваясь в основном за счет зарубежной помощи (в отличие от низовых гражданских инициатив), НПО решают широкий спектр задач: от оказания гуманитарной помощи до представления интересов различных групп, но оказываются неспособны вызвать доверие у широкой общественности и привлечь внимание к своей деятельности. Совершенно новым феноменом является гражданская активность нового типа: ориентированная на решение конкретных проблем, носящая большей частью спонтанный характер, в основном, проявляемая молодежью и поддерживаемая социальными сетями.

У каждого из этих двух элементов гражданского общества есть как сильные, так и слабые стороны. Они дополняют друг друга. Например, НПО могли бы предложить группам активистов свой опыт, а гражданские инициативы могли бы добавить НПО энергии и предоставить им столь необходимую связь с обществом. Имеется множество примеров активной деятельности членов НПО в гражданских инициативах в качестве рядовых участников. Как организации НПО пока остаются за сценой, желают они того или нет.

Возглавляемое молодыми активистами, часто действующее вне рамок официальных НПО гражданское общество Армении одержало ряд побед, отменив несколько неблагоприятных решений правительства и став рупором растущей обеспокоенности общества. Эти примеры служат источником вдохновения и оптимизма для членов гражданского общества Армении. Перед ними сегодня стоит задача изучить и распространить свой положительный опыт, при этом более критично отнестись к самим себе и задуматься о привлечении граждан — в дополнение к привлечению финансовых средств.

Перевод с английского: Наталия Буш.

Впервые опубликовано в «Caucasus Analytical Digest», 73, с. 2–5.

Евгения Патуриян имеет кандидатскую степень политологии, полученную в Бременском университете имени Якобса. Преполагает в Американском университете Армении, работает в Центре политических исследований «Турпанджян» при Американском университете Армении.

Литература

- Howard, M. M. (2003). *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge, University Press.
- Ishkanian, A., Gyulxhandanyan, E., Manusyan, S., Manusyan, A. (2013). *Civil Society, Development and Environmental Activism in Armenia*. The London School of Economics and Political Science, LSE, 2013. <http://eprints.lse.ac.uk/54755/> (дата обращения: 2.12.2015).
- Paturyan, Y., Gevorgyan, V. (2014). *Armenian Civil Society after Twenty Years of Transition: Still Post-Communist?* Yerevan: Turpanjian Center for Policy Analysis. http://tcpa.aua.am/files/2012/07/Armenian_Civil_Society_after_Twenty_Years_of_Transition_Manuscript_November_2014-fin.pdf (дата обращения: 13.11.2015).

Примечания

- 1 В данной статье рассматриваются «внутренние», а не «внешние» проблемы гражданского общества: неблагоприятные социально-экономические условия жизни населения, коррупция, недостаток политических возможностей и т. д.
- 2 Реформа была отложена и переформулирована, от ее обязательного характера отказались (по крайней мере, на данный момент). Премьер-министру

пришлось уйти в отставку. Хотя формально отставка не была связана с противодействием реализации пенсионной реформы, многие считают, что широкое общественное недовольство предложенной реформой послужило как минимум одной из причин этой отставки.

Рашад Ширинов

Гражданское общество Азербайджана: тестирование альтернативных теорий

Введение

Для участников политического и общественного обсуждения гражданского общества в контексте постсоветского развития одной из сложнейших задач остается определение гражданского общества как такового. Данный феномен отнюдь не является спецификой политических и общественных дебатов в бывших социалистических странах. Зато он смог стать предметом всеобщей озабоченности до такой степени, что некоторые ученые попросту отказались от попыток определения.

При обсуждении гражданского общества постсоветского периода и попытке дать ему определение важно учесть несколько аспектов. Так, первый вопрос, который, вероятно, стоит задать в этой связи: «Кто дает определение?». Ответ на этот вопрос позволяет пролить больше света на то, что за гражданское общество выступает объектом дальнейшего обсуждения.

Прежде всего, существует гражданское общество индивидуумов, полагающих, что именно они - гражданское общество. Это — группа (не связанных друг с другом формальными рамками) индивидуумов, представленных в различных добровольных объединениях и институтах общества, но не только. Интеллигенция, ученые, журналисты, гражданские активисты, политики, правозащитники и некоторые другие категории вправе считать себя представителями гражданских обществ.

Тем не менее важно подчеркнуть, что в контексте постсоветского пространства превалировало приравнивание гражданского общества к некоей сумме неправительственных организаций (иногда

даже в лице *одного* человека), существующих в конкретной обсуждаемой стране. Создается впечатление, что это — неожиданное (или непреднамеренное) последствие кооперации между так называемым международным сообществом (правительствами других стран, международными организациями, спонсорами и другими) и различными автономными группами внутри постсоветских государств.

Следовательно, существует и другое гражданское общество — гражданское общество правительств зарубежных государств и спонсоров. В их понимании, гражданское общество — это, прежде всего, олицетворение некой функции, например функции независимого сообщества добровольных объединений, противостоящих власти сверху и продвигающих демократию. Главным образом речь идет в данном случае об игроках с Запада. Их курс на демократизацию, кажущийся центральной темой в дискурсе о гражданском обществе, однако, не является одинаково важным для других «внешних» игроков в регионе (Россия, Иран, Турция), чей политический курс по отношению к гражданскому обществу отличается от западного.

Государство и правительство — другие действующие лица, рассматривающие, в свою очередь, гражданское общество в качестве одного из объектов их политического курса. Многие из лишь недавно ставших независимыми государств не рассматривают гражданское общество в разрезе противовеса государственной власти, скорее видя его неотъемлемой частью государства. Институты гражданского общества видятся при этом дополнением государственных, а не их критиком и оппонентом. В более авторитарном проявлении государство пытается включить гражданское общество в сферу своего контроля и влияния. Домрин предполагает: «В русской интерпретации гражданское общество просто не может быть сформировано в ущерб государства. Государство несет ответственность за поддержание социальной справедливости в стране и, более или менее, равный уровень благосостояния его граждан. Выполняя функции защитника в области внешней политики и политики в области обороны, государство выступает и в роли высшего гаранта существования гражданского общества и нации в целом» (Domrin, 2003, с. 201).

В связи с этим заслуживает внимания следующий существенный аспект. Хотя у упомянутых внешних акторов, на первый взгляд, роятся цели и повестки дня (продвижение демократии либо постро-

ение государства), и те, и другие соотносят определение понятия и места гражданского общества со своей конечной целью, а именно формированием демократии или государства, соответственно. Этой центральной идеей обусловлена и важность подхода Грамши, утверждающего, что гражданское общество — область борьбы за верховенство.

В данной статье делается попытка объяснить, каким образом протекает взаимодействие различных акторов и понятий в общественной сфере Азербайджана, и тем самым бросить вызов некоторым центральным тезисам либерально-демократического (токвильского) подхода к гражданскому обществу. Перед этим предлагаем внимательнее рассмотреть две парадигмы анализа гражданского общества. Первая из них — парадигма Токвиля, доминировавшая дискурс о гражданском обществе в постсоциалистическом пространстве. Взгляды Токвиля, по сути, стали заменой идеологии коммунизма, поскольку все, включая бывших коммунистов, их поначалу отстаивали. Вторая парадигма — теория гражданского общества Грамши — до сих пор не нашла систематического применения в постсоветском контексте. Поэтому нет и соответствующих крупных исследований.

Концепции гражданского общества Токвиля и Грамши

С поражением коммунизма и развитием либеральной демократии в период после окончания холодной войны концепция гражданского общества начала меняться (или формироваться), его определение стало требованием дня. Новое видение гражданского общества было токвильанским: новые лидеры верили в общественные объединения, способствовали их развитию и считали, что это будет удачным решением многих унаследованных болезней прошлого. Новыми либеральными элитами гражданское общество задумывалось как практически независимый игрок на общественной арене — противовес государственной власти. Гражданское общество стало собирательным понятием для активных объединений и организаций, не относящихся ни к правящей партии либо элите, ни к политической оппозиции. Его синонимом стало понятие «третий сектор» — термин, выдвигающий на передний план отсутствие принадлежности целого ряда организаций государственному или частному сектору.

Такое понимание гражданского общества исторически сложилось в границах бывших социалистических государств. Его повсеместное распространение произошло в несколько этапов, связываемых с тремя главными кризисами коммунистической идеологии, сопровождаемыми всплеском диссидентских движений: Венгерское восстание 1956 года, Пражская весна 1968 года, а также польское профобъединение «Солидарность» 1980–81 годов (Rupnik, 1999). Один из азербайджанских диссидентов в этой связи однажды заметил: «После Праги мы все поняли, что пути назад нет». Это — проявление той самой диссидентской, оппозиционерской, антигосударственной природы как самого понятия, так и определяемой им действительности, сформировавшей то, что мы называем гражданским обществом, в том числе и в современном его понимании и восприятии. *Такому* гражданскому обществу присущ дух диссидентства, присущи политические амбиции.

Антонио Грамши понимает гражданское общество совершенно иначе, нежели в вышеописанной перспективе, и предлагает единственную в своем роде и нестандартную структуру анализа. Для него гражданское общество является сферой не свободы, а *гегемонии*. Политическое общество (государство) всегда находится в противостоянии с различными политическими и социальными группами — с целью добиться гегемонии в гражданском обществе. Гегемония при этом основывается не на принуждении, включая и физическое, а на принятии постулатов государства. В этой связи гражданское общество (под которым понимаются все виды объединений, включая церкви, школы, профессиональные объединения и иногда политические партии) является объектом влияния государства и других политических групп. Никакая власть не может выжить без опоры на эти институты общества, без *гегемонии над гражданским обществом*.

Азербайджанское гражданское общество с точки зрения Грамши

Борьба за контроль над гражданским обществом (в трактовке Грамши) началась в Азербайджане в ранние 1990-е. Она развернулась главным образом между двумя политическими силами: устаревшей советской номенклатурой и только что появляющимися либерально-демократическими силами в политике и за ее пределами.

Рассмотрим на примере религии, образования, профессиональных объединений и неправительственных организаций (НПО), какие соперничающие силы были вовлечены в борьбу.

Религия. Возвращение свободы вероисповедания в начале 1990-х годов привело к росту числа религиозных объединений — тенденция, которая заставила установившиеся после распада Советского Союза режимы почувствовать свою уязвимость по отношению к столь значительным и широко распространенным мнениям. Таким образом, вторая половина 1990-х и начало 2000-х годов стали периодом, когда государство задействовало свой административный аппарат для усложнения жизни религиозных организаций. Не всегда доступные для понимания (и неясные) регистрационные процедуры, требования к перерегистрации, произвольной повторной регистрации, а также запреты стали типичным явлением для практически всех постсоветских государств (Safronov, 2013, с. 204). В Азербайджане на протяжении 1990-х и 2000-х годов Исламская партия была запрещена, религиозные общины были раздроблены, некоторые мечети даже закрыты. Правительство строго отслеживало распространение религиозной литературы. Вера начала восприниматься как угроза государству. Религиозные лидеры подверглись тюремному заключению, что привело к восприятию их как политических заключенных даже в среде секуляризованных оппозиционеров — тенденция, ранее не присутствующая. Оппозиционные партии также начали пользоваться религиозной риторикой, чтобы заручиться поддержкой верующих. Некоторые политические лидеры даже совершили хадж (паломничество в Мекку), чтобы улучшить свой имидж среди мусульман. С другой стороны, правительство инвестировало значительные суммы в строительство новых и восстановление старых мечетей в Баку и других населенных пунктах Азербайджана.

Образование. В сфере образования новые формы (сосредоточенные внутри и около независимых университетов, научно-исследовательских институтов, журналов и т. д.) при поддержке посольств иностранных государств и международных организаций стали серьезным соперником прежних элит в борьбе за авторитет в обществе (Garova, 2009, с. 278). Прежним элитам было важно воспитать молодое поколение в русле консервативных, патриархальных ценностей: в уважении существующей власти и официальной идеологии азербайджанизма, а также в соблюдении исконных нравственных ценностей (*milli mənəvi dəyərlər*). Контроль над

студентами отчасти осуществлялся административным путем, например деканы и администрация вузов наставляли студентов не посещать встреч оппозиции, и в целом не вести оппозиционной деятельности и не использовать оппозиционной риторики. Со своей стороны, политические и социальные силы, находящиеся вне правящих элит, использовали различные платформы неформального образования (политические партии, НПО, молодежные движения) для прививания молодежи западных ценностей — с целью поддержать развитие демократии, повышение степени открытости, прозрачности и свободы. Одним из самых успешных примеров неформального образования до закрытия в 2013 году был так называемый Университет Свободомыслия (*Azad Fikir Universiteti*), учрежденный молодежным движением «О!».

Профессиональные объединения. Все виды профессиональных объединений — *профсоюзов* в терминологии советских времен (*həmkarlar ittifaqları* на азербайджанском языке) — остаются под строгим контролем государства. Большинство из них — государственные, частных почти нет. Конфедерация Профсоюзов Азербайджана — это публично-правовая структура, объединившая все официальные профсоюзы бюджетных организаций, являющихся по сути формальными и псевдопредставительскими органами. Многие поначалу активные профессиональные объединения, возникшие по частной инициативе, такие как Общественное объединение ветеранов Карабахской войны во главе с Этимадом Асадовым (основано в 2002 году) и Конфедерация работодателей Азербайджана (основана в 1999 году), снизили свою активность либо были «поглощены» правительством.

Неправительственные организации. Неправительственные организации возникли в 1990-х годах и смогли выжить главным образом за счет западного финансирования. При отсутствии за редким исключением азербайджанских доноров, финансирование деятельности НПО практически полностью шло с Запада — обстоятельство, сделавшее НПО по отношению к органам власти очень уязвимыми. Государственная политика постепенно сменилась в сторону отчуждения и преследования НПО как иностранных агентов, осуществляющих разрушительную для государства деятельность.

Законодательная основа также подверглась корректировке с целью затруднения получения НПО денежных средств. Другая стратегия заключалась в наводнении сферы НПО организациями, созданными государством (так называемых правительствен-

ных неправительственных организаций — ПНПО, или GONGO на английском языке), — с целью противостоять идеологическому влиянию противников. Ирония ситуации заключается в том, что финансируемые Западом НПО титуловали себя «независимыми», при этом полностью завися от средств зарубежных правительств.

Часть правительственной стратегии заключалась в финансировании НПО. В 2007 году Указом Президента Азербайджанской Республики был создан Совет государственной поддержки неправительственных организаций. Веский довод в пользу его создания: «Если западные правительства считают, что финансировать НПО — это правильно, мы обязаны обеспечить это своими силами».

Заключение

Более двух десятилетий политической независимости и развития гражданского общества Азербайджана оцениваются чаще всего с либерально-демократической позиции Токвиля. Данный краткий обзор является попыткой нового видения данного феномена.

Представление о гражданском обществе как области оспаривания первенства различными силами основывается на понимании, что сказка о «злом государстве» и «добром гражданском обществе» является чрезмерно упрощенным подходом. Подход Грамши открывает перспективу идеологической и культурной борьбы различных взаимоисключающих групп, полных разногласий по поводу того, каким должно быть положение дел в стране. Безусловно, одновременно это — и борьба между старым и новым. Впрочем, целый ряд так называемых «новых сил» породило старое окружение.

Одной из характерных черт политических реалий после распада Советского Союза явилось противостояние двух типов индивидуумов, их групп и объединений: тех, кто желает сохранить свой статус и власть, и их оппонентов нового типа, притязающих на влияние, положение и пространство в новом постсоветском контексте. В данном ракурсе противопоставление либерализма и этатизма — просто часть идеологической борьбы.

Таким образом, при рассмотрении азербайджанского гражданского общества с позиции Грамши мы видим нечто абсолютно иное, чем при использовании либерально-демократического подхода. Складывается впечатление, что правящие политические круги выиграли борьбу за гегемонию над различными элементами

гражданского общества. Напротив, оппозиционные политические и социальные силы, кажется, утратили позицию первенства, а их влияние на общественные организации и группы значительно ослабла. Политические партии, активисты, интеллектуалы и т. п. обладают лишь незначительным влиянием на университетскую среду, религиозные объединения и другие сферы гражданского общества. Консервативная патриархальная культура, поддерживаемая правящей элитой, укрепила свои позиции, что нашло свое выражение в ее принятии и одобрении со стороны общества. В то же время ревизионистский, реформистский, революционный подход противостояния политических групп и индивидуумов имеет лишь незначительное влияние на то же самое общество, к тому же избалованное повсеместным потребительством.

Похоже, именно консервативные силы одержали победу в идеологическом (или культурном) противостоянии новым силам, и именно их концепция культуры в настоящее время доминирует в общественной и частной сферах. Безусловно, это — не отдельно взятая игра, это поражение западной идеологии в подавляющей части постсоветского пространства.

Остается неясным, когда проявят ли себя появляющиеся в гражданском обществе Азербайджана новые группы, сумеют ли они в будущем оказать ощутимое воздействие на гегемонию или по меньшей мере перезапустить гонку за первенство. Пока сохраняется тенденция в сторону консервативных кругов, по-прежнему остающихся у власти.

Перевод с английского: Наталия Буш.

Впервые опубликовано в «Caucasus Analytical Digest», 73, с. 6–8 (2015).

Рашад Ширинов — исследователь Университета имени св. Радбода Утрехтского в Неймегене (Нидерланды). За его плечами — более десятилетия исследований в области гражданского общества, демократии и организации управления, а также проведения выборов и участия молодежи в общественных и политических процессах. В настоящее время ведет научные исследования в области гражданского общества и общественных пространств постсоветских городов. Окончил магистратуру Босфорского университета в Стамбуле. В прошлом — аспирант Йоркского университета в Великобритании и стипендиат Института международных исследований в Монтерее (США).

Литература

- Domrin, A. N. (2003). Ten Years Later: Society, «Civil Society», and the Russian State. *The Russian Review*, 62, pp. 193–211.
- Гапова, Е. (2009). Post-Soviet academia and class power: Belarusian controversy over symbolic markets. *Wither the Intelligentsia: The End of the Moral Elite in Eastern Europe*. *Studies in East European Thought*, 61(4), pp. 271–290.
- Rupnik, J. (1999). The Postcommunist Divide. *Journal of Democracy*, 10 (1), pp. 57–62.
- Safronov, S. G. (2013). Territorial Structure of the Confessional Space in Russia and Other Post-Soviet States. *Regional Research of Russia*, 3(2), pp. 204–210.

Лия Цуладзе

Грузия: анализ гражданской активности в социальных медиа

Введение

Последние годы в Грузии были отмечены резким повышением популярности социальных медиа, что проявилось в растущем количестве блоггеров и пользователей социальных сетей. Одно из основных преимуществ социальных медиа — их способность сопротивляться монополии политических элит на инфраструктуру связи и активно содействовать вовлечению граждан в общественно-политические процессы. Такое преимущество определяет также взаимосвязь власти и присутствия в медиа-среде. Социальные медиа позволяют значительно увеличить степень присутствия политических лидеров в медиа-среде, побуждая их предстать перед своей аудиторией в форме и масштабе, невозможных ранее. Некоторые исследователи полагают, что данное свойство социальных медиа полностью трансформировало современную систему политической коммуникации (Negrine & Parathanassopoulos, 2011).

Несмотря на то, что политики уже начали активно использовать эту новую информационную платформу, создавая страницы в социальных сетях и пользуясь различными онлайн-форматами, такими как веб-конференции, и что в социальных медиа циркулирует значительный объем разноплановой политической информации, рост популярности социальных медиа, вероятно, никак не отражается на процессах принятия решений. Необходимо учитывать тот факт, что сообщество пользователей новых медиа все еще малочисленно и, можно даже сказать, ограничено рамками некой «киберсекты», «членами» которой в таких странах, как Грузия, преимущественно являются немногочисленные «родившиеся в цифровой век» (Prensky, 2011). С другой стороны, реальность уже неодно-

кратно подтвердила утверждение Питера Далгрена (Peter Dahlgren), что политическая жизнь в Интернете отчуждает от политической жизни вне социальных сетей. Лишь небольшая доля гражданской деятельности, планируемой в рамках социальных сетей, находит осуществление вне их, в реальном мире.

Что можно сказать об активности грузинского гражданского общества в социальных медиа и ее влиянии на реальную социально-политическую деятельность? Эти вопросы рассматриваются ниже на основе как качественных (40 интервью с грузинскими экспертами в области средств массовой информации, весна 2012 года), так и количественных (общенациональный опрос 1000 грузинских Интернет-пользователей, осень 2012 года) данных.¹ Исследование было проведено на основе трехступенчатой гнездовой выборки в столице (Тбилиси) и шести крупнейших городах Грузии с самым высоким уровнем использования Интернета — трех на востоке и трех на западе страны. Ошибка выборки по всей совокупности составила не более 4%, а надежность результатов опроса — не менее 95%.

Цели и частота использования Интернета

Прежде чем обсуждать степень гражданской активности грузинских пользователей в сети, обобщим вкратце, с какими целями и как часто они пользуются Интернетом. Согласно результатам опросов, частота использования Интернета в выборке Интернет-пользователей составляет не менее 4–5 часов в день для пользователей моложе и не менее 2–3 часов в день для пользователей старше 40 лет. Каких-либо значительных отклонений в зависимости от пола, образования или формы занятости обнаружено не было, то есть данные факторы практически не оказывают влияния на частоту пользования Интернетом.

Даже беглое рассмотрение ответов респондентов выявляет тот факт, что большинство Интернет-пользователей, независимо от социодемографических показателей, выходят в сеть для общения с друзьями и знакомыми. В данном опросе рассматривалось использование Интернета в целом, а не с разбивкой на конкретные социальные сети. Поэтому такие данные свидетельствуют о том, что для большинства (примерно 70%) грузинских пользователей Интернет связан с социальными сетями и преимущественно ограничен межличностным взаимодействием. Второй по частоте причиной

использования Интернета для мужчин является развлечение, для женщин — чтение новостей. Оказывается, что почти вдвое больше мужчин (47,2%), чем женщин (24,1%), пользуются Интернетом в целях развлечения.

Результаты исследования показывают, что грузинские пользователи не используют Интернет для проявления гражданской активности, которая одинаково малопопулярна среди мужчин и женщин (1,1% и 1,9%, соответственно). Эти данные являются еще одним показателем низкого уровня развития гражданской культуры в Грузии.

Заслуживает внимания расхождение между тем, как грузинские пользователи представляют ключевые функции социальных медиа, и тем, как они фактически ими пользуются. Так, только 32,3% респондентов считают межличностное взаимодействие главной функцией социальных медиа. 33,2% считают их основной функцией распространение альтернативной информации, а 20,3% — развитие гражданской культуры населения. Таким образом, более половины опрошенных считают, что социальные медиа в Грузии способствуют развитию демократических процессов. Большинство опрошенных не отождествляют желаемые функции социальных медиа с их фактическим использованием: данные исследования показывают, что 80% грузинских пользователей никогда не принимали участия в каких-либо проявлениях гражданской активности в сети.

Социальные медиа и политическая сфера

Несмотря на описанные факты, опрошенные нами эксперты по-прежнему уверены в растущем влиянии социальных медиа в политической сфере, которое они в основном связывают с растущим числом Интернет-пользователей, включая пользователей социальных медиа. Сам факт увеличения числа Интернет-пользователей в последние годы и неуклонно растущая популярность Facebook мотивируют политиков обосновываться в этом пространстве и напоминать той части электората, которая представлена в социальных сетях, о своем существовании. Вероятнее всего, государственные учреждения и политики создают профили в Facebook для закрепления своего присутствия, увеличения охвата аудитории и привлечения избирателей. Однако, по мнению экспертов, такие страницы в Facebook практически ничем не отличаются от продуктов тради-

ционных средств массовой информации, поскольку выдают сухую, «вылизанную» информацию и неспособны создать площадку для обсуждения, необходимую для повышения эффективности политического диалога и уровня политической культуры общества в целом. Кроме неспособности грузинского Интернет-пространства послужить стимулом политической дискуссии, эксперты указывают на недостаток в нем расходящихся или противостоящих друг другу позиций. По словам экспертов, онлайн-конференции, организуемые грузинскими политиками, по большей части не отличаются от аналогичных мероприятий в традиционных средствах массовой информации, поскольку любые нежелательные вопросы удаляются и озвучить иную точку зрения невозможно (та же тенденция отмечается в опубликованном в 2012 году докладе Института развития свободы информации о вовлечении грузинского гражданского общества в электронное пространство). Таким образом, по заключению экспертов, ни страницы в Facebook, ни онлайн-конференции политиков не вызывают особого интереса среди электората.

Статистические данные лишь подтверждают это утверждение. На вопрос, посещают ли респонденты хоть иногда страницы грузинских политиков в Facebook, более 2/3 опрошенных ответили «никогда» (68,7%). Большинство респондентов (72,3%) никогда не интересовались веб-конференциями, проводимыми грузинскими политиками. А среди тех, кто следил за ходом подобных мероприятий, лишь 2,5% проявляли активное участие и задавали вопросы. Кроме того, выяснилось, что более половины опрошенных не читают никаких публикаций политического содержания в электронной форме. Поэтому предположение, что причиной низкого интереса зачастую является схожесть доступной в сети информации и информации, предлагаемой традиционными СМИ, в частности телевидением, применимо ко всем видам политической информации.

Гражданская активность в сети

Рассмотрим теперь вопрос иницируемой грузинскими пользователями гражданской активности в сети. Какие акции характеризуются наиболее высокой степенью участия?

Прежде всего, общенациональный опрос показал, что положительно к гражданской активности в сети относятся 43,7% респон-

дентов, а отрицательно — 50,3%. Таким образом, общественное мнение разделилось на два практически равных по численности лагеря. Примечательно распределение результатов по возрасту: респонденты в возрасте 18–22 лет чаще одобряют участие в акциях протеста, чем другие возрастные группы. Этот факт может быть объясним недавними политическими событиями, особенно теми, которые привели к выборам 1 октября 2012 года, когда самой активной группой — как в сети, так и на улицах — оказались молодые люди, в особенности студенты.

На вопрос о личном участии в гражданской деятельности, например, в проводимых в социальных медиа акциях протеста, лишь 20% опрошенных заявили, что когда-либо участвовали в них. Несмотря на то, что социальные сети придают пользователям смелости и проявлять гражданскую активность онлайн действительно легче, ответы пользователей в очередной раз подкрепляют наше предположение о том, что в Грузии социальные медиа не являются значимой платформой для общественно-политической деятельности. Гражданская активность в социальных медиа достигает пика лишь в предвыборные периоды либо при обострении определенных социально-политических вопросов, приводящих к поляризации общества. Данный вывод подтверждают и данные проведенного нами раз в полгода анализа социальных блогов и электронных публикаций на предмет их содержания и обсуждавшихся тем, которые совпали по времени с предвыборным и выборным периодами. В отношении участия в общественно-политических акциях наиболее активны были молодые люди в возрасте 18–22 лет, 34,4% которых уже принимали участие, в то время как в других возрастных группах доля составила приблизительно 15%. Рабочая гипотеза находит еще большее подтверждение при анализе результатов опроса с учетом уровня образования. 39,8% опрошенных студентов заявляют о своем участии в гражданской деятельности в сети, значительно превосходя числом респондентов с неполным средним и средним образованием (9,8% и 19,2%, соответственно).

Ответы на вопрос, в какой конкретно гражданской акции участвовали опрошенные, показали, что они были наиболее активны в политических протестах (59,4%), при этом примечательно гендерное распределение результатов. Мужчины оказались склонны проявлять политический протест чаще, чем женщины, тогда как активность в культурных мероприятиях и мероприятиях, направленных на защиту прав человека, оказалась практически одинаковой для

обоих полов, с небольшим перевесом на стороне женщин. Наблюдается интересная закономерность в возрастном распределении результатов. Активность в разнообразной гражданской деятельности в сети, будь то политические протесты, защита прав человека или культурная деятельность, почти одинакова для респондентов обоих полов моложе 30 лет. Опрошенные старше 30 лет участвуют преимущественно в политических протестах. Однако с учетом того, что данные выводы основаны на опросе лишь небольшой части (20%) населения, которая участвовала в гражданской деятельности в сети, их значимость, по-видимому, весьма невелика.

Опрошенные эксперты отмечают, что, несмотря на недостаточность масштабов и частоты гражданской активности в грузинских социальных медиа, наблюдается их постепенный рост по мере общего роста использования социальных медиа, что, в свою очередь, увеличивает и их влияние на социальную и политическую деятельность граждан. Тбилисский государственный университет дает хороший пример акции, организованной через социальные сети: сотни студентов собрались на митинг протеста после избития нескольких студентов представителями местной власти, а сделанная видеозапись активно распространялась в социальных сетях. Нечто подобное произошло после применения насилия грузинскими властями в День независимости (26 мая), когда люди в течение суток собрались на многочисленный митинг протеста. Экспертами также отмечается инцидент, когда в рамках конкурса, проведенного Министерством охраны окружающей среды, несколько блоггеров выложили в сеть фотографии вырубке парка Киквидзе, вызвавшие сильную реакцию среди Интернет-пользователей. Среди других хорошо известных примеров: протесты, организованные через Facebook непосредственно перед октябрьскими выборами 2012 года (которые в конечном счете привели к смене правительства), онлайн-петиция, собравшая несколько тысяч подписей после разгона митинга против гомофобии 17 мая 2013 года; а также недавняя онлайн-кампания против вырубки парка Ваке.

Выводы

Несмотря на приведенные факты, целый ряд экспертов считает, что подавляющая часть гражданской активности не покидает пространства социальных сетей и не имеет ощутимого влияния на реалии

Грузии. Они отмечают, что, хотя в Facebook и наблюдались многократные «всплески» вокруг определенных событий, они не привели к каким-либо ощутимым последствиям: уличным шествиям, распространению призывов или листовок и др. Однако некоторые исследователи утверждают, что социальные медиа нельзя рассматривать исключительно в контексте масштаба их неvirtуальных «проявлений». Социальные медиа сравнимы с древнегреческой агорой, на которой представляются разные точки зрения, существующие в обществе. Для общественных групп они выступают в качестве проводника, что в долгосрочной перспективе отражается и на общественном мировоззрении. Таким образом, существование социальных медиа, несмотря на их непродолжительную историю в Грузии, играет определенную роль в формировании и пересмотре политических и социокультурных ценностей, в том числе и в развитии гражданской культуры. Возможно, изменения пока не столь заметны, но они уже происходят.

Перевод с английского: Наталия Буш.

Впервые опубликовано в «Caucasus Analytical Digest», 61–62, с. 6–8 (2014).

Лия Цуладзе — доцент кафедры общественных и политических наук Тбилисского государственного университета.

Литература

- Dahlgren, P. (2009). *Media and Political Engagement: Citizens, Communication and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Negrine, R., Papathanassopoulos, S. (2011). *The Transformation of Political Communication*. In: Papathanassopoulos, S. (Ed.), *Media Perspectives for the 21st Century*. London: Routledge, pp. 41–54.
- Prensky, M. (2011). *Digital Natives, Digital Immigrants*. In: Bauerlein, M. (Ed.). *The Digital Divide*. New York: Penguin, pp. 3–11.
- Tsuladze, L., Berdzenishvili, A., Esebua, F., Kakhidze, I., Macharadze, N., Kvintradze, A., et al. (2013). *Social Media development Trends in Georgia — Power of the Real Virtual?* Tbilisi: Meridiani.
- Turashvili, T., Kechakmadze, M., Chukhua, S., Tolodrava, T. (2012). *Developing Electronic Engagement in Georgia*. Tbilisi: Institute for Development of Freedom of Information, Post-Soviet Research Center, USAID.

Примечание

- 1 Данные были собраны в рамках проекта по изучению тенденций развития социальных медиа в Грузии, проводившегося при поддержке Швейцарско-кавказской академической сети (Academic Swiss Caucasus Net, ASCN).

Гражданское общество как актор гражданского образования в Украине

Сьюзан Стюарт

Гражданское общество в Украине: структура, окружение и тенденции развития

Структура украинского гражданского общества

В своей книге «The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe» (Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе) Марк Морье Ховард (Howard, 2003) определяет гражданское общество следующим образом: «Гражданское общество представляет собой независимые и конституционно защищенные общественные организации, группы и ассоциации, добровольно созданные рядовыми гражданами»¹. Это широкий спектр, однако он не включает спонтанных и ситуационных акций граждан.

В последние годы дискуссия о развитии гражданского общества в Украине по различным причинам была сосредоточена на эволюции неправительственных организаций (НПО). Во-первых, после распада СССР некоторые организации прекратили свое существование, тогда как другие порядком дискредитировали себя в глазах населения из-за ассоциации с советскими структурами. Так, некоторые организации в Украине, в частности профсоюзы, хоть и смогли удержаться, однако их осуждают за кооптацию в свои ряды правящих элит. (Образовались и новые профсоюзы, но пока они не имеют существенного влияния.) Во-вторых, в последние 10–15 лет при поддержке западных стран возникли многие НПО, которые в значительной степени, особенно за рубежом, отождествляются с украинским гражданским обществом.

Так как отчеты и другие источники информации, на которые опирается данный анализ, обычно акцентируют внимание на категории НПО, эта статья фокусируется именно на таких организациях. Однако сразу нужно отметить, что украинское гражданское

общество являет собой сложный феномен, выходящий за пределы сферы деятельности НПО. В то время как НПО стали неотъемлемой составляющей гражданского общества в Украине, современные тенденции развития показывают, что и спонтанные акции и быстро организованные протесты приобретают все большее значение, если речь заходит об общественном давлении на политические круги. Вероятно, в будущем характер украинского гражданского общества будет определять сочетание ситуативных акций и систематического подхода со стороны НПО и других общественных группировок.

Число зарегистрированных общественных организаций в Украине непрерывно растет, так же, как и численность задействованных в них людей. Однако эти цифры можно считать информативными только условно. Украинская НПО «Counterpart Creative Center» исходит из того, что только 5–7% зарегистрированных организаций действительно активны, если иметь в виду регулярную реализацию проектов. Численный состав многих НПО невелик (до 30 членов), в то время как немалое количество других вообще не имеют официального членства. То есть так называемый третий сектор в Украине довольно ограничен. Даже официальные данные показывают, что Украина имеет гораздо более низкие показатели участия в общественных организациях на душу населения, чем в среднем по Европейскому союзу (ЕС). Можно предположить, что фактическая разница существенно выше, хотя в ЕС тоже имеются зарегистрированные, но неактивные объединения. С другой стороны, по сравнению со своими постсоветскими соседями, такими как Молдова, Грузия и Армения, Украина довольно активна в общественной сфере. В отношении сфер деятельности почти половина общественных организаций занимается вопросами, касающимися детей и юношества. От 25 до 30% указывают, что они работают в одной из следующих областей: политическое образование, права человека и социальные вопросы.

Региональная структура украинских НПО свидетельствует о централизованном характере украинского государства. Абсолютное большинство активных организаций сконцентрировано в столице. Однако сейчас и некоторые другие города развились в центры с существенным количеством НПО. После Киева на первом месте следует назвать Львов, за ним следуют Запорожье и Одесса — в каждом из этих городов существует примерно 1000 организаций. То есть географическое расширение общественной активности проис-

ходит, хотя и довольно медленно. Медленный темп, помимо прочего, связан также со стратегиями зарубежных спонсоров, которые обычно содержат свои офисы только в столице и считают, что им проще сотрудничать с небольшой группой зарекомендовавших себя НПО, которые, со своей стороны, тоже работают преимущественно в Киеве (подробнее об этом ниже).

Политическое окружение

В начале президентского срока Виктора Януковича появилось несколько тревожных сигналов, связанных с отношением политического руководства к представителям общественных организаций. Эти примеры показали, что подобно тому, как это происходит в России, некоторые украинские политические деятели были склонны видеть в сотрудничестве с западными странами возможную угрозу. Подтверждением может служить арест Нико Ланге, тогдашнего руководителя украинского представительства Фонда Конрада Аденауэра, в июне 2010 года в аэропорту Борисполь, а также допрос украинскими службами безопасности некоторых сотрудников, которые работали в проектах, финансируемых международным фондом «Возрождение» (International Renaissance Foundation — IRF). IRF был создан по инициативе американского финансиста Джорджа Сороса и частично продолжает финансироваться им. Кроме того, политическое руководство при Януковиче старалось и старается любыми методами подавить протесты, носящие серьезный характер, как случилось с некоторыми организаторами выступлений против нового налогового закона осенью 2010 года. Янукович встретился с протестующими и внес затем в закон некоторые изменения. Так как протесты не прекратились, полиция демонтировала палаточный городок, развернутый противниками закона. Некоторых из главных организаторов арестовали по необоснованным обвинениям и приговорили к тюремному заключению.

Однако на законодательном уровне наблюдалось несколько оптимистичных для украинского гражданского общества событий. Конечно, важнейшим из них стало принятие в марте 2012 года закона «Об общественных объединениях». Закон, вступивший в силу только в начале 2013 года, представляет собой украинский ответ на международное, а также внутреннее давление. Он был разработан при поддержке украинских экспертов в сфере граж-

данского общества и содержит несколько важных улучшений по сравнению с предыдущими законами. В частности, следует назвать: упрощение процедуры регистрации; право зарегистрированной организации действовать во всех регионах Украины; возможность для общественных организаций самостоятельно вести хозяйственную деятельность без цели получения прибыли. Кроме того, «Закон о доступе к публичной информации», принятый в январе 2011 года украинским парламентом, важен для украинского гражданского общества, так как он, к примеру, помогает многим организациям целесообразно и эффективно вести мониторинг государственной деятельности. Однако в процессе реализации этого закона нередко возникали проблемы, которые влекли за собой обращение (не всегда удачное) в суд.

При Януковиче нормативно-правовая среда для гражданского общества в определенном смысле улучшилась, и существовавшие изначально проблемы в обращении государства с представителями общественных организаций, по крайней мере, не усугубились. Консультационные органы (громадські ради), состоящие из представителей гражданского общества и функционирующие на всех уровнях украинской политики, продолжают свою деятельность. Тем не менее большинство ведущих политиков страны относятся к гражданскому обществу сдержанно или отрицательно. Конструктивные предложения общественных организаций часто не принимаются всерьез. Кроме того, случается, что серьезные организации, нередко обладающие многолетним опытом и весьма значительными познаниями в определенной области, заменяются другими, не обладающими такими качествами, однако готовыми поддержать генеральную линию правительства. Однако есть и обратные примеры, особенно если позиция соответствующих НПО поддерживается иностранными дипломатами и международными организациями.

Экономическое окружение

Экономическое положение Украины непрерывно ухудшается. Это связано как с международной конъюнктурой, сложившейся с началом финансового и экономического кризиса, так и с неготовностью к реформам со стороны украинского правительства. Ситуация имеет некоторые — отчасти противоречивые — последствия для развития украинского гражданского общества.

В нынешней экономической ситуации многие украинские граждане все больше заняты тем, чтобы свести концы с концами. Это оставляет мало времени и энергии для общественной активности. К тому же и так слабо выраженная в Украине традиция филантропии или же индивидуальных пожертвований благотворительным или другим организациям в трудных условиях экономического развития совсем не получает поддержки. Однако у такого развития событий есть и обратная сторона: если положение продолжит ухудшаться и все больше людей не будут видеть перспектив на будущее, так как в существующем экономическом (и политическом) контексте они не движутся вперед, может вырасти их готовность действовать в рамках общественных акций.

Экономическая ситуация осложняется и тем, что влиятельные политики и бизнесмены (в том числе так называемые олигархи) используют деньги в своих частных интересах. В результате складывается непрозрачная ситуация, в которой в распоряжении других действующих лиц остается меньше финансовых средств. Влияние этого на гражданское общество состоит, например, в том, что на столь важных для него региональном и коммунальном уровнях оно практически лишено возможности (успешно) вносить свои предложения в рамках государственных тендеров. Некоторые украинские бизнесмены готовы финансировать общественные проекты, целесообразные с их точки зрения. Особенно это имеет место в видимой для общества социальной сфере (дети, здравоохранение), так как главной целью является повышение имиджа финансирующего предприятия. Поэтому организации и проекты политической направленности редко принимаются во внимание, особенно если они считаются оппозиционными. Кроме того, некоторые бизнесмены предпочитают создавать собственные структуры, а не поддерживать уже существующие общественные организации. Даже если эти структуры формально относятся к гражданскому обществу, они скорее представляют интересы одной фирмы или промышленной группы.

Вышеназванные сложности с местными источниками финансирования украинских НПО ведут, помимо прочего, к тому, что зарубежные спонсоры все еще играют главную роль в сфере финансирования. Важнейшими среди них являются ЕС (как на уровне Брюсселя, так и на уровне некоторых отдельных государств-членов) и США (в особенности Агентство США по международному развитию — USAID). В обоих случаях значение имеют как госу-

дарственные, так и частные источники. Существенная часть этих денег тратится на содействие демократии. Поэтому в Украине могут финансироваться и проекты политической направленности. Денежные средства из-за рубежа сделали возможными многие проекты, которые иначе не были бы реализованы. Однако они в определенном смысле исказили развитие украинского гражданского общества. Различные наблюдатели указывают на то, что многие НПО, финансируемые из зарубежных источников, со временем все сильнее ориентируются на спонсоров и теряют обратную связь с украинским обществом. Кроме того, некоторые НПО возникли, главным образом, для получения доступа к деньгам из западных стран. В конечном счете формируется элита НПО, которая сконцентрирована в столице и разрабатывает программу, в значительной мере оторванную от насущных потребностей других регионов страны. Эту проблему уже заметили как в ЕС, так и в Украине; некоторые шаги, противодействующие такой тенденции, уже предприняты. Тем не менее к настоящему времени прочно закрепились модели отношений, которые нельзя изменить за год или два — они требуют средне- или долгосрочного подхода.

Социальное окружение

Во время Оранжевой революции значительная часть украинского общества убедилась в том, что объединенными усилиями можно добиться изменений в политической жизни страны. Однако результаты этой «революции» оставили чувство глубокого разочарования у многих украинских граждан. Очевидные и внезапные изменения произошли главным образом на поверхности, тогда как политические и экономические структуры, а также модели поведения элиты, по сути, остались прежними. Так, многие люди по меньшей мере на время утратили надежду на то, что существенные перемены можно инициировать «снизу».

Тем не менее в последние годы можно было наблюдать, что небольшие группы неоднократно выступали за решение местных вопросов, например, за сохранение парка или против строительства очередного высотного дома. Подобные вопросы касаются протестующих непосредственно и конкретно. Иногда общественная организация с самого начала оказывает поддержку, оставаясь в тени, или подключается на более поздней фазе. В других же

случаях лица, интересы которых затронуты, организуют протестные мероприятия спонтанно и без всяких организующих структур. Если достигается успех, это может воодушевить участников на деятельность в организованном гражданском обществе. Но ситуативные акции, вероятно, останутся на повестке дня и в будущем, так как произвол административных структур не перестанет вызывать возмущение граждан. Такие акции тоже могут считаться составляющей украинского гражданского общества, даже если они соответствуют цитированному выше определению Ховарда лишь с оговорками. Развитие социальных сетей облегчает проведение таких акций и указывает на необходимость более широкого понимания гражданского общества.

Сдерживающим фактором, добавившимся при Януковиче и отчасти парализующим развитие гражданского общества, является страх. За последние три года увеличилась готовность политической элиты применять силу как средство решения проблем. Это заметно, например, по насильственным методам так называемых «рейдеров», которые отбирают процветающие фирмы, чтобы передать их тем, кто поддерживает режим. Или же по росту насилия в отношении представителей СМИ при Януковиче, о чем сообщает Международная федерация журналистов. Страх перед неприятными последствиями в случае критики режима способствует скорее бездействию граждан, чем их участию в одном из общественных проектов.

То есть растет осознание того, что объединившись в рамках конкретных акций, можно добиться цели, важной для повседневной жизни. Однако к такому опыту приобщается лишь ограниченная часть населения и распространение его зависит от региона. Кроме того, доверие населения к НПО и их работе скорее низкое. Этому способствует и высокая доля зарубежного финансирования, что в глазах многих людей делает НПО чужеродным элементом. И все-таки в последние годы значительно распространилось представление о том, что НПО играют немаловажную роль в обществе. По данным Международного фонда избирательных систем (IFES), количество респондентов, разделяющих такое мнение, увеличилось с 41% в 2005 году до 76% шесть лет спустя. Кроме того, сейчас экспертные заключения представителей общественных организаций оцениваются СМИ выше, чем раньше, и эти представители чаще выступают в различных СМИ. Вследствие этого условия для расширения влияния сферы гражданского общества выполняются хотя бы отчасти.

Перспективы

Согласно оценке Freedom House, данной в отчете «Транзитные нации», уровень развития гражданского общества в Украине за последние шесть лет оставался неизменным, набирая в рейтинге 2,75 (по шкале от 1 до 7, где 1 является наивысшей оценкой). Из всех восьми сфер, исследованных в отчете «Транзитные нации», гражданское общество в эти годы стабильно получало самую высокую оценку. Количество зарегистрированных общественных организаций непрерывно увеличивается, и эта тенденция, вероятно, сохранится при новом законодательстве, так как оно облегчает регистрацию НПО. С ростом использования Интернета и социальных сетей в Украине краткосрочные протестные мероприятия последних лет, пожалуй, станут приобретать большую важность, в частности потому, что политическая и экономическая элита не собирается менять свое поведение и отстаивать интересы более широких слоев населения. Будет любопытно наблюдать за тем, как хорошо организованные и опытные НПО смогут взаимодействовать со спонтанными гражданскими инициативами для совместного достижения как политических, так и социальных целей.

Перевод с немецкого: Алла Кюршнер.

Впервые опубликовано под названием «Zivilgesellschaft in der Ukraine: Struktur, Umfeld und Entwicklungstendenzen» в «Ukraine-Analysen», 114, с. 2–5 (2013).

Сьюзан Стюарт — заместитель руководителя исследовательской группы «Россия и Евразия» фонда «Наука и политика» в Берлине.

Литература

Freedom House: Nations in Transit. www.freedomhouse.org/report/nations-transit/2012/ukraine (дата обращения: 21.11.2015).

Howard, M. M. (2003). *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge: University Press.

Lutsevych, O. (2013). *How to Finish a Revolution: Civil Society and Democracy in Georgia, Moldova and Ukraine*. Chatham House Briefing Paper, https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0113bp_lutsevych.pdf (дата обращения: 21.11.2015).

Примечание

¹ Цитировано по русскому изданию: Ховард, М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. Москва: Аспект Пресс, 2009, с. 51.

Сузанн Воршех

С Майдана — в парламент, с Майдана — в провинцию: новые пути украинского гражданского общества

Спустя год после начала Евромайдана стало ясно: украинское гражданское общество многого достигло. Но самые сложные задачи — построение демократического государства и утверждение демократической политической культуры — ему еще предстоит решить. Только справившись с этим, оно может показать свою силу.

Год тому назад, с началом протестов на Киевском Майдане, тезис о слабости украинского гражданского общества был окончательно опровергнут. И в самом деле, Евромайдан может считаться шедевром политической самоорганизации: он зародился внутри социальных сетей, поддерживался активистами, которые получили опыт проведения подобных кампаний и управления их логистикой в различных неправительственных организациях, и поддерживался представителями всех слоев населения, профессий и регионов Украины.

Интенсивное и непрерывное совершенствование гражданского общества со времен Оранжевой революции, наряду с другими факторами, обусловило срабатывание этого сценария. Тогда собственный успех оказался не по плечу гражданскому обществу, оно было слишком слабым для того, чтобы преобразовать демократический порыв в демократический процесс. Однако разочарование трансформировалось в развитие, которое поддержали также внешние силы, содействующие демократии. И все же это содействие было скорее неявным и противоречивым, чем последовательным и целенаправленным. В последние годы внешние спонсоры реализовывали в Украине преимущественно две стратегии: с одной стороны,

профессионализацию гражданского общества, а с другой — содействии становлению политической культуры. В области профессионализации поддерживались, в первую очередь, проекты, которые были направлены преимущественно на улучшение менеджмента кампаний, сетевых связей и внутренних структур организаций — некоторые спонсоры оказывали поддержку при условии успешного окончания бухгалтерских курсов. Значительно меньшая часть спонсоров проводила стратегию, ориентированную на развитие демократической политической культуры, на тематические «ниши» или местные инициативы. В результате таких вспомогательных стратегий украинское гражданское общество поначалу оставалось замкнутым внутри себя кружком хорошо образованных и заинтересованных людей, деятельность которых, однако, не распространилась на широкие слои общества.

Только на Майдане обе стратегии встретились: заинтересованные студенты, активисты и профессиональные организаторы кампаний образовали костяк протестов всех тех сотен тысяч, которые не хотели мириться с авторитарной системой Януковича. В эти месяцы украинское гражданское общество показало свою силу. Но еще рано говорить об успехе гражданского общества, так как мобилизация протестов — только начало демократизации со стороны гражданского общества. В послереволюционную фазу институционализации и консолидации демократии перед гражданским обществом встают три главные задачи: оно поддерживает рост демократической политической культуры, контролирует прозрачность деятельности государственных институтов и служит «школой демократии», из которой выходят новые, демократически ориентированные силы и те, кто будет принимать политические решения в будущем.

Последний пункт уже реализован: в октябре 2014 года на парламентских выборах около тридцати активистов, а также ведущих расследования журналистов впервые выдвинули свои кандидатуры в Верховную Раду. Девятнадцати из них удалось пройти в парламент по спискам партии Порошенко, «Национального фронта», «Самопомощи» и партии «Батькивщина». Среди них журналисты Мустафа Найем или Сергей Лещенко, которые в минувшие годы вели расследования и смело сообщали о фактах коррупции при автократии Януковича, а также явились инициаторами Евромайдана. В число депутатов вошли и активисты, например, Светлана Залищук — успешный организатор кампаний, инициированных

неправительственными организациями; Анна Гопко — руководитель, пожалуй, самой важной в настоящее время неправительственной организации, которая разрабатывает предложения для государственных проектов реформ и представляет их на рассмотрение парламенту; или же Егор Соболев, который неумоимо выступает за люстрацию и надлежащую оценку авторитарного прошлого. С этими людьми связана надежда на то, что они привнесут в парламент новую культуру прозрачности и правдивости. Во всяком случае, до сих пор их биографии указывают на то, что они являются убежденными демократами и, кроме того, поддерживают тесные связи друг с другом.

Однако сейчас, прежде всего, важно формирование стабильного и дифференцированного партийного ландшафта. Даже в Польше, образцовой стране с переходной экономикой, на консолидацию партийной системы потребовалось более десяти лет. Украина в ее нынешнем состоянии не может позволить себе такой фазы обучения, тем более что война с Россией существенно парализует готовность к реформам. Сосредоточенность на войне препятствует также внутреннему, содержательному развитию партий, а это является важнейшим условием для выработки политики и создания коалиций. В настоящее время все ведущие партии Украины делают ставку на одно: патриотизм. Поэтому в стране не только отсутствует серьезная политическая конкуренция, но, так как партии остаются лишенными внутреннего содержания, недостает также движения партий от площадки для карьерного роста до структуры, формирующей политическую волю.

Смогут ли новые лица в парламенте способствовать становлению плюралистического партийного ландшафта, остается под вопросом. Первые конфликты, такие как выход Соболева из им же основанной партии «Воля» и возможный раскол молодой партии, не дают поводов для оптимизма. Известно, что переход из гражданского общества в политику редко осуществляется без трений, однако активисты не могут позволить себе слишком больших потерь на трение. Остается надеяться, что лица, которым выдан такой кредит доверия, используют свой профессионализм в каждодневной политической деятельности и в деле формирования настоящих партий.

Вторая важная задача гражданского общества — дальнейшее критическое отслеживание деятельности правительства и парламента. После перехода некоторых самых его опытных представите-

лей в политику гражданское общество должно развиваться дальше и в персональном плане, а также по-новому позиционировать себя по отношению к парламенту и правительству. Сюда входит не только интенсивное лоббирование реформ и настойчивое требование их проведения, но и критичное наблюдение за «собственными» парламентариями.

Однако самой сложной (ввиду своей долгосрочности) задачей является развитие демократической политической культуры. Именно сейчас, в условиях войны на востоке Украины, украинцы развивают единство, совместную альтруистическую деятельность, которая два года назад была немыслимой. Собираются деньги и пожертвования для армии, люди добровольно предлагают свою помощь в уходе за ранеными, кажется, что во многих регионах и населенных пунктах гражданское общество образуется снизу. Но действительно ли это гражданское общество? Какой бы впечатляющей не была активность в данное время, гражданское общество, формирующееся вокруг таких понятий как война и экстренная помощь, чревато радикализацией в скором времени и крахом в более отдаленной перспективе. Для демократизации проблематично и то, и другое. Диалог между «старым» политическим гражданским обществом и новыми активистами необходим для сохранения возникшего сейчас единения и для трансформации его в гражданское общество, когда настанут мирные времена.

Те, кто оказывает поддержку извне, могут помочь в установлении такого диалога. Профессионализация организаций продвинулась далеко вперед, прежде всего, на национальном уровне. Теперь важно разработать новые стратегии и, к примеру, курировать новые местные инициативы, предоставляя ноу-хау и ресурсы, чтобы опыт в изменении ситуации к лучшему подкреплялся заинтересованностью на местах.

Перевод с немецкого: Алла Кюршнер.

Впервые опубликовано под названием «Vom Maidan ins Parlament, vom Maidan in die Provinz: neue Wege der ukrainischen Zivilgesellschaft» в «Ukraine-Analysen», 142, с. 9–10 (2014).

Сузанн Воршех — научный сотрудник Европейского университета Виадрина во Франкфурте-на-Одере.

Татьяна Журженко

Мемориальные войны. Политика памяти в постсоветском Харькове

Больше года спустя после «Русской весны» очевидно, что пик противостояния пророссийских и проукраинских сил в Харькове уже пройден. И все-таки политическая напряженность сохраняется, а вместе с ней — и страх перед эскалацией насилия на улицах города, особенно после теракта во время демонстрации за национальное единство Украины 22 февраля 2015 года, который унес жизни четырех человек. На столь трагическом фоне непрекращающаяся в Харькове война с памятниками кажется вторичной и даже безобидной. Тем не менее, она отражает степень поляризации и радикализации общества, а также уровень насилия в городе.

В конце сентября 2014 года после проукраинской демонстрации с молчаливого согласия областной администрации был снесен памятник Ленину на площади Свободы — несмотря на сопротивление городского совета и к возмущению местных коммунистов. В апреле 2015 года была осуществлена попытка подрыва стелы с украинским флагом, и несколько дней спустя органы власти сообщили о задержании гражданина России, якобы организовавшего данный теракт. В этом же месяце, вскоре после принятия Верховной Радой законов о декоммунизации, радикально настроенные проукраинские силы снесли памятники коммунистическим деятелям Серго Орджоникидзе, Николаю Рудневу и Якову Свердлову.

Еще ни разу после 1991 года политический, культурный и территориальный статус Харькова как украинского города не подвергался такой серьезной угрозе. Политическая поляризация и общая атмосфера нестабильности в городе делают его идеальной мишенью для гибридной войны, которую ведет Россия. Нынешняя напряженность — это также результат нарастающих конфлик-

тов вокруг исторической и коллективной идентичности, которые имели место в последние десять лет. Эти конфликты, или «мемориальные войны», как они именуется в данном тексте, на первый взгляд, казалось бы, имеют локальный характер; однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что они отражают не только геополитическое пограничное расположение города, но также противоречия между периферией и центром, между местными элитами и киевскими властями. На самом деле эти конфликты связаны не столько с исторической памятью как таковой, сколько с антагонистическими символами (Ленин и Сталин с одной стороны и Степан Бандера и Украинская повстанческая армия — УПА — с другой). Эти «пустые означающие» служат для мобилизации людей против политики, которая воспринимается как угроза их идентичности. В мемориальных войнах нет победителей; следовательно, решения следует искать не внутри, а за пределами этого конфликта: в преодолении идеологического противостояния, в развитии исторических исследований и в переносе внимания с героев на жертв. В конце концов, в интересах Харькова — да и Украины в целом — преодолеть мемориальные войны и найти путь к диалогу и примирению.

Оспариваемый город

Каковы же структурные причины, движущие силы и специфические местные предпосылки харьковских мемориальных войн? Прежде всего, следует назвать три аспекта: символические ресурсы, которые могут использовать местные элиты; локальные источники политического плюрализма и политических конфликтов, а также приграничное расположение города.

Символическая основа

История Харькова и региона дает материал для формирования различных, порой взаимоисключающих форм локальной идентичности. С одной стороны, Харьков предстает как изначально украинский город: он был центром Слободско-Украинской губернии, где позже возник современный украинский национализм; однако, в первую очередь, он был колыбелью украинского культурного ренессанса 1920-х годов и одновременно местом мученичества украинской культурной элиты, уничтоженной сталинским режимом. С

другой стороны, Харьков (по-украински: Харків) был важным промышленным и научным центром Российской империи, а позже — Советского Союза, социалистическим городом, гордящимся своими пролетарскими традициями. Кроме того, он являлся первой столицей советской Украины, центром индустриализации, культурных преобразований и формирования оптимистического духа раннего советского периода. Историк Владимир Кравченко (2009) писал, что Харьков «внес огромный вклад как в современную украинскую, так и в советскую национальную культуру и мифологию» (с. 220).

В конце 1990-х — начале 2000-х годов местные политические элиты предприняли попытку сплавить эти различные символические ресурсы в некую локальную разновидность «украинскости». Бренд «Первая столица», который использовался также в официальной саморепрезентации и однозначно опирался на наследие советской культурной модернизации и индустриализации, был одним из таких амбивалентных конструкторов:¹ будучи «первой столицей», Харьков естественно принадлежал Украине, однако его украинский характер был особым, квази-советским и находился в скрытом противостоянии к мнимому киевскому «национализму» (Kravchenko, 2009). Однако на тех этапах развития, когда в стране и в особенности в восточных регионах преобладала политическая поляризация (например, во время президентства Виктора Ющенко с 2005 по 2010 год), эти различные символические ресурсы использовались для конструирования альтернативных, даже взаимоисключающих версий коллективной памяти и идентичности.

С началом Евромайдана и последующим свержением Виктора Януковича в феврале 2014 года политическая поляризация приобрела совсем иные масштабы. Кроме того, территориальная целостность страны впервые за историю независимой Украины была поставлена под вопрос. В этих условиях альтернативные толкования истории и идентичности Харькова обретают далеко идущие политические и даже геополитические последствия. Многие ведущие российские политики и СМИ рассматривают Харьков как один из центров возрожденной «Новороссии». Харьковский журналист Константин Кеворкян, один из авторов бренда «Первая столица», не принял ни Майдан, ни новое киевское правительство, а позже и вовсе перебрался в Россию. 5 февраля 2015 года сепаратистская «Донецкая народная республика» (ДНР) приняла меморандум, согласно которому ДНР провозглашалась правопреемницей Донецко-Криворожской советской республики, создателем кото-

рой был большевик Артем (Сергеев), а исторической столицей — Харьков (Дергачев & Карцев, 2015). Проект пророссийской «Харьковской народной республики» нашел общественную поддержку со стороны известных представителей русской культуры, таких как Эдуард Лимонов, который сам родом из Харькова.

Плюрализм и конфликты

Какие источники политической дифференциации и поляризации питают мемориальные войны в Харькове? Со времен перестройки общественная жизнь города отличалась идеологическим плюрализмом: «Народный Рух», «Мемориал» и Харьковская Правозащитная Группа образовали либерально-демократическую проукраинскую среду; одновременно в городе существовала питательная почва для консервативных сил, как советско-ностальгической, пророссийской, так и радикально-националистической направленности. Недаром пресловутая пророссийская группировка «Оплот», как и правозащитная организация «Патриот Украины» возникли в Харькове.

Местные деловые круги с их конкурирующими интересами и политическими амбициями создали экономическую базу для плюрализма. В отличие от других регионов, в Харькове имелся не один главный олигарх, как, например, Ринат Ахметов в Донецке, а сразу несколько. Даже во время президентства Януковича Партии регионов не удалось полностью взять под свой контроль харьковский бизнес. Оранжевая революция, как и Евромайдан, показали, что политическая оппозиция в Харькове оказалась бы невозможной без такого плюрализма локальных экономических интересов.

Наконец, политическая система Украины, которая обеспечивает Киеву значительное влияние на регионы, также рождает политическую напряженность и конфликты. Правительство нередко пытается влиять на локальную политику идентичности через областные администрации. Дальше всего пошел в этом отношении президент Ющенко, который возложил на областные власти ответственность за выполнение своего амбициозного проекта по увековечению памяти о Голодоморе 1932–33 годов.

В Харькове это привело к конфликту между областной администрацией, поддерживаемой местными проукраинскими организациями, и городским, а также областным советами, в которых доминировали представители Партии регионов, поддерживаемые «молчаливым большинством» населения. Конфликт между главой

областной администрации Арсеном Аваковым и городским головой Харькова Михаилом Добкиным стал олицетворением этого противостояния. После Майдана структура конфликта оказалась очень похожей на противостояние «оранжевых» и их противников в 2005–2010 годах. Только сегодня облминистрация, возглавляемая представителем Блока Петра Порошенко, находится под сильным давлением проукраинских активистов, а городской совет и его нынешний голова Геннадий Кернес представляют оппозицию киевской власти, однако после провала «Русской весны» не решаются открыто бросить ей вызов. В то же время уровень конфликтности и степень поляризации мнений в городе резко возросли по сравнению с периодом после Оранжевой революции.

Третья причина того, что Харьков стал плацдармом мемориальных войн, заключается в его географической близости к России и в неослабном интересе большого соседа к городу. В конце 1990-х годов Харьков был объявлен «столицей украинско-российского сотрудничества». Совместно с соседней российской Белгородской областью был создан трансграничный еврорегион «Слобожанщина». В то же время местные политические элиты занялись актуализацией и политическим применением постмодернистских категорий гибридности, двуязычия и культурной амбивалентности, связанных с концепцией пограничья. «Пограничная идентичность» стала оправданием «инаковости» региона и сопротивления местных элит «украинизации». После Оранжевой революции Харьков стал полем битвы «конфликтующих друг с другом национальных нарративов, исторических мифов и политических проектов» (Kravchenko, 2009, с. 220). Тогда же Москва поддержала ряд пророссийских городских организаций, специализировавшихся на «антиющенковских» акциях, среди которых были и протесты против героизации УПА, Степана Бандеры и Юрия Шухевича.

Местные лидеры Партии регионов нашли в России поддержку своей идеологической оппозиции Оранжевой коалиции. Так, в ноябре 2008 года в Харькове состоялась международная конференция на тему «Голод в СССР 30-х годов: исторические и политические оценки». ² Ее организатором выступила Партия регионов, которая таким образом выразила свое несогласие с интерпретацией Голодомора как геноцида, отстаиваемой президентом Ющенко. С российской стороны соорганизаторами стали фонд «Историческая память» и Федеральное архивное агентство (Росархив); среди участников были многочисленные российские политики и исто-

рики. Конференция проходила на пике политических разногласий по проблеме Голодомора, в преддверии Дня Памяти жертв Голодомора и через два дня после официального открытия нового мемориала в Харькове президентом Ющенко.

Спустя год состоялась вторая конференция в том же формате, на этот раз посвященная 70-летию со дня подписания пакта Молотова-Риббентропа. Она пропагандировала официальную российскую точку зрения на пакт и завершилась провозглашением «антифашистского фронта», направленного против Ющенко и его союзников. Это лишь два примера того, как Харьков стал мишенью идеологической экспансии России из-за своего расположения и амбивалентной идентичности.

Динамика эскалации в мемориальных войнах

Для понимания нынешних конфликтов, вызванных различными оценками истории и идентичности в Харькове, особое значение имеют последние десять лет. Это десятилетие можно подразделить на три фазы. Первая, так называемая Оранжевая эра Виктора Ющенко (2005–2010), началась с политизации исторической памяти и вследствие критического отношения президента к советскому прошлому именно в Харькове имела поляризующий эффект. За ней наступило время авторитарной ответной реакции, начавшееся с победы Виктора Януковича на выборах 2010 года и завершившееся Евромайданом в 2013 году. Начало этой фазы совпало в Харькове с назначением Михаила Добкина председателем обл администрации и избранием Геннадия Кернеса городским головой. В эти годы новации команды Ющенко были частично упразднены, частично игнорировались, когда, например, ведущие политики не являлись на дни памяти.

Третья фаза началась с Евромайдана и свержения режима Януковича. В условиях «Русской весны» и военного конфликта на Донбассе вопрос отношения к советскому прошлому обрел невиданную остроту, поскольку Антимайдан и позднее пророссийские ополченцы выступили его защитниками.

«Оранжевая» политика памяти

В 1990-е годы Харьков избежал «посткоммунистической чистки ландшафта» (по выражению польского социолога Мариуша Чеп-

чиньского (2008, с. 109). В отличие от Львова (Hrytsak & Susak, 2003), десоветизация и украинизация городского пространства проводилась здесь фрагментарно и осталась незавершенной. Альтернативная советскому мифу историческая память существовала в виде анклавов, внутри все еще советского мемориального ландшафта. Примерами таких анклавов могут служить, например, Молодежный парк и украинско-польский Мемориал жертвам тоталитаризма. Молодежный парк — бывшее харьковское кладбище и тайное место захоронения жертв политического террора и голода 1932–33 годов — в 1970-х годах был переоборудован в парк культуры. В конце 1980-х годов он стал локальным пантеоном украинских жертв тоталитаризма и одновременно символом исторической амнезии. В отличие от этого места, которое своим появлением обязано, в первую очередь, инициативе местных общественных групп и отдельных активистов, украинско-польский мемориал был межгосударственным проектом. Однако в постсоветском Харькове оба эти места памяти остались маргинальными, они мало что изменили в доминирующей идентичности города.³

Лишь с началом Оранжевой революции ситуация изменилась. Политика памяти, проводимая Ющенко, была направлена на переопределение украинской нации через переоценку исторической памяти. Президент и его политические союзники хотели отбросить советские символы и мифы (в которых они видели искусственную, навязанную извне, фальшивую память), и надеялись на возрождение «подлинной» национальной памяти. Тема Голодомора, который теперь официально рассматривался как геноцид украинского народа, и реабилитация ОУН (Организации украинских националистов), а также УПА и ее вождей вызвали много споров в обществе.

Радикальные намерения нового киевского правительства встретили в Харькове сопротивление со стороны большей части местных политических элит. Оранжевая революция пошатнула установившийся на тот момент относительный политический мир и привела к политической и идеологической поляризации. Бывший глава обладминистрации Евгений Кушнарев вскоре возглавил «антиоранжевый» лагерь. Партия регионов, объединившая большинство противников «оранжевой коалиции», стала самой влиятельной политической силой в Харькове и области. Однако с 2005 года новым главой обладминистрации Арсен Аваков, харьковский предприниматель и член партии «Наша Украина», стал олицетворять власть киевского правительства в регионе. Он поддержал критическое отношение

Ющенко к советскому прошлому не только из соображений политической лояльности, но также из личных убеждений. На выборах 2006 года Партия регионов получила большинство голосов как в харьковском облсовете, так и в городском совете. Вновь избранный городской голова Михаил Добкин, поддерживаемый Партией регионов и известный своей резкой «антиоранжевой» риторикой, был бескомпромиссным противником инициатив Ющенко в сфере политики памяти. Из-за напряженности между двумя политическими силами, которая еще больше усилилась вследствие Оранжевой революции, обострение конфликтов на почве исторической памяти и коллективной идентичности города было неизбежным.

Главными эпизодами этих войн памяти в «оранжевую» фазу стали, во-первых, разногласия по поводу нового Мемориала жертвам Голодомора, установленного в 2008 году по случаю 75-летия голода 1932–33 годов в Украине, а во-вторых — спор вокруг мемориального камня УПА в Молодежном парке. В первом случае место Голодомора в национальной памяти и его интеграция в городской ландшафт стали предметом политической дискуссии (Zhurzhenko, 2011). Комиссия по подготовке мероприятий, посвященных 75-летней годовщине Голодомора, созданная при обладминистрации указом президента настаивала, что новый мемориал заслуживает места в сердце города; только здесь он может выполнять свою символическую и просветительскую функцию. Противоположная сторона (голова и городской совет) предлагала установить памятник за чертой города, мотивируя это тем, что именно сельское население пострадало от голода больше всего. В действительности же муниципальные власти стремились убрать напоминание о темных страницах истории с глаз долой. Первоначальный проект, поддерживаемый комиссией и главой обладминистрации Арсеном Аваковым, предусматривал установку памятника в уже упомянутом Молодежном парке и включение в новый архитектурный ансамбль уже имевшегося там мемориального креста жертвам Голодомора. Однако городской совет не одобрил представленный проект, а вместо этого предложил возвести памятник в новой промышленной зоне Салтовка, расположенной далеко от центра. В решении четко отразилось желание муниципальных органов деполитизировать и маргинализировать память о Голодоморе. После длительной политической дискуссии и долгих переговоров обладминистрация, наконец, решила установить мемориал в третьем месте: у северной границы Харькова, недалеко от трассы на Москву.

Скульптурная композиция, изображающая крестьянскую семью — мужчину, женщину, и двоих детей, которые символизируют страдание и надежду, была открыта в ноябре 2008 года президентом Ющенко. Поскольку городской совет не дал разрешения на строительство в Молодежном парке, землю под мемориал выделил облсовет, который, несмотря на преобладание в нем представителей Партии регионов, оказался более готовым к диалогу. Уже после победы на президентских выборах 2010 года Виктора Януковича преемник Авакова Михаил Добкин, назначенный главой обладминистрации в 2010 году, отказался обеспечивать дальнейший уход за Мемориалом жертвам Голодомора, возведенным его предшественником.

Мемориал памяти жертв Голодомора, Харьков, ноябрь 2008 года. © Татьяна Журженко.

Связанный с мемориалом конфликт развивался на местном уровне, однако поводом для него послужила инициатива киевских властей. Провозглашенный президентом Ющенко «Год памяти жертв Голодомора» был попыткой утвердить единое, обязательное для всех толкование прошлого при помощи административных методов. Для Ющенко Харьков имел большое символическое и политическое значение — как бывшая столица Советской Украины и центр региона, особенно пострадавшего от

голода, но в еще большей мере как оплот Партии регионов. Новый мемориал должен был отразить роль города в новой украинской истории и одновременно показать местным «антиоранжевым» элитам, за кем остается решающее слово.

Тогда как конфликт, связанный с Мемориалом жертвам Голодомора, был вызван инициативой Киева и отражал традиционную

напряженность между центром и харьковскими элитами, второй случай — спор вокруг мемориального камня УПА в Молодежном парке — в значительной мере представлял собой конфликт проукраинских активистов с одной стороны и советских ветеранов войны и коммунистов — с другой. Этот конфликт был вызван решением городского совета убрать мемориальный камень. Установленный в 1992 году по инициативе «Народного Руха», он долгое время не привлекал к себе внимания, однако на фоне ожесточенной дискуссии о роли УПА в украинской истории, которая вспыхнула с новой силой с 2005 года, камень стал важным символом как для местных противников, так и для симпатизирующих УПА. В декабре 2006 года члены радикального «Евразийского союза молодежи» (ЕСМ), управляемого из России, похитили камень и закопали его неподалеку.⁴ В 2008 году городской голова Михаил Добкин заявил, что намерен перевезти камень в Ивано-Франковск и предложил установить на его месте памятник (восточно-украинским) жертвам УПА. Год спустя он решил оставить памятник на месте «ради сохранения спокойствия в городе», однако в 2013 году памятник был снова похищен неизвестными, предположительно членами пророссийской организации «Оплот».⁵

Два приведенных примера демонстрируют, что в маргинальном статусе альтернативной исторической памяти, которая противоречила советскому мифу, мало что изменилось и после Оранжевой революции. Кроме того, вопреки указу президента Ющенко от 2009 года, который предписывал «демонтаж памятников и памятных знаков, посвященных лицам, причастным

Памятник УПА в Молодежном парке Харькова, октябрь 2007. Фото: Павло Подобед.

к организации и совершению Голодомора 1932–33 годов в Украине и политических репрессий», большинство советских памятников и эмблем остались нетронутыми. Пожалуй, единственным исключением стала мемориальная доска Феликсу Дзержинскому на здании Харьковского отделения СБУ (ранее КГБ) — ее сняли после того, как польский режиссер Анджей Вайда приехал со своим фильмом «Катынь» в Харьков и был крайне удивлен, натолкнувшись на профиль Дзержинского в центре города.

Эра Януковича

С 2010 по 2013 год Виктору Януковичу и его клану удалось практически полностью монополизировать власть в Украине и максимально потеснить оппозицию. Арсен Аваков проиграл выборы на пост городского головы Харькова Геннадия Кернесу и вынужден был покинуть город и страну после того, как против него было возбуждено уголовное дело. Таким образом, Партия регионов смогла взять под контроль местную политику. Подобная консолидация власти привела к тому, что теперь эта партия могла отказаться от агрессивной антинационалистической позиции. Такие спорные темы, как УПА, отошли на второй план; Партия регионов позиционировала себя как идеологически нейтральная политическая сила, обеспечивающая стабильность и представляющая интересы большинства харьковского населения — в отличие от незначительной группы «украинских националистов», которая, как утверждалось, не имела никакой поддержки в городе.

В связи с чемпионатом Европы по футболу в 2012 году модернизация городской инфраструктуры была объявлена приоритетом муниципальных органов власти, хотя харьковские чиновники в действительности использовали это событие преимущественно в целях личного обогащения. Многие советские памятники, которые не вписывались в «европейский» имидж города, практически незаметно исчезли в ходе реконструкции центра Харькова. Так, бюст Максима Горького не вернулся на свое место после обновления парка Горького. Действительно, будучи характерным образцом советской послевоенной эстетики, он выглядел бы чужеродно в новом парке аттракционов, отвечающим западным стандартам. Еще одним примером может служить аллея Комсомольцев-героев, расположенная в небольшом сквере, где находится также «Зеркальная струя» — один из самых известных символов города. Аллея с

бюстами комсомольцев в свое время была символически связана с расположенным рядом зданием областного комитета комсомольской организации. На протяжении десяти лет неоднократно велись дискуссии о возможном переносе бюстов в другое место. Эти планы вызвали противодействие со стороны Коммунистической партии, однако в 2013 году скульптуры все-таки убрали: на их месте построили новую православную церковь — довольно спорный проект, вызвавший протесты местных жителей.

Площадь Конституции в Харькове до реконструкции: демонстрация, организованная Евгением Кушнаревым, весна 2005 года. © Татьяна Журженко.

Один из самых значимых советских памятников в Харькове был посвящен провозглашению Советской власти в Украине. В 2011 году монумент, который в народе окрестили «Пятеро несут холодильник из ломбарда», убрали с площади Конституции и намеревались установить в промышленной зоне Тракторного завода, однако до настоящего времени его местонахождение неизвестно. Харьковские власти поручили скульптору Александру Ридному создать памятник для реконструированной площади, который символизировал бы независимость Украины. Результатом стала довольно традици-

онная скульптура, представляющая Украину в виде богини победы Ники. В целом художественный вкус местных политических элит, очевидно, находится под влиянием российско-имперской символики, историзма и популизма (одержимость городского головы Геннадия Кернеса лавочками давно стала предметом шуток среди харьковчан).

Действительно, понятие «ностальгическая модернизация», использованное Ильей Калининым в отношении периода президентства Дмитрия Медведева в России, довольно точно описывает мемориальную и культурную политику харьковских властей при Януковиче: некоторые памятники советских времен незаметно убрали, другие отреставрировали как демонстративный жест великодушия по отношению к ветеранам. Оставшиеся в деполитизированном постсоветском городском ландшафте советские памятники оказа-

Площадь Конституции после реконструкции: митинг в память об украинских солдатах, погибших на Донбассе, 22 февраля 2015 года. © Татьяна Журженко.

лись всего лишь «культурным наследием». Монументальная статуя Ленина на площади Свободы осталась нетронутой, однако в официальном рекламном видеоролике города она отсутствует: ее удалили при помощи Фотошопа.⁶

Накануне чемпионата Европы по футболу прагматичные местные власти даже могли себе позволить демонстративный жест примирения между «востоком» и «западом» страны. В ответ на личную просьбу львовского головы Андрея Садового Добкин и Кернес согласились восстановить мемориальную доску, посвященную греко-католическому епископу Иосифу Слипому, который после Второй мировой войны провел несколько недель в харь-

ковской тюрьме. В 1941 году Слипый поддержал «Акт возобновления украинской государственности» в занятом нацистами Львове, а позже участвовал в формировании дивизии СС «Галичина». Установленную после Оранжевой революции мемориальную доску сняли в 2010 году под давлением коммунистов и ветеранов войны, которые видели в Слипом пособника нацистов. (Бытует мнение, что это был акт мести за снятие по требованию проукраинских организаций мемориальной доски харьковскому историку, монархисту и русскому националисту Андрею Вязигину.⁷) Доску Иосифу Слипому снова установили в феврале 2011 года по случаю визита в Харьков львовского головы и председателя львовской облгосадминистрации. Вопреки своей прошлой «антифашистской» риторике, Михаил Добкин теперь расценивал Слипого не столько как украинского националиста, сколько как священнослужителя, который храбро боролся за свои убеждения. И все-таки эта церемония, которая была представлена как акт примирения между сторонниками различных толкований украинской истории, оказалась, скорее, исключением — харьковские мемориальные войны продолжались.

Один из относительно недавних эпизодов — ожесточенный конфликт, разразившийся в 2013 году по поводу мемориальной доски Юрию Шевелеву и расколовший элиты и общественность Харькова, — оказался особенно трудно разрешимым. Он уходит корнями в коллективную память города, сформировавшуюся в XX веке, и связан, в частности, с травмами, нанесенными сталинским террором и нацистской оккупацией, а также с советским мифом о Второй мировой войне, который любое проявление украинского национализма клеймил как «фашизм», а любую антисоветскую деятельность — как «сотрудничество с нацистами». С конца 2013 года этот «антифашистский» дискурс оказывается очень действенным инструментом антиукраинской мобилизации. Конфликт вокруг памяти родившегося в Харькове лингвиста и филолога Юрия Шевелева, преподавателя Колумбийского университета и Гарварда, которого местные власти обвинили в сотрудничестве с нацистами, так как во время оккупации он писал статьи для украинской газеты «Нова Україна», с позиции сегодняшнего времени можно рассматривать как начало так называемой Русской весны — пророссийского восстания против якобы фашистской хунты в Киеве.

Инициатива почтить память Шевелева в его родном городе исходила от небольшой группы историков, журналистов и местных активистов. После того, как в феврале 2011 года Оксана Забужко

опубликовала свою переписку с ученым и представила книгу в Харькове, эта группа организовала публичные дискуссии на харьковских радио- и телеканалах, подготовила к публикации сборник эссе Шевелева и обратилась в городской совет за разрешением установить мемориальную доску на доме, где он некогда проживал. Топонимическая комиссия одобрила это намерение, городской голова Кернес также дал свое согласие. Проект финансировался из частных пожертвований; одной из первых финансово поддержала проект Оксана Забужко, а писатель и музыкант Сергей Жадан, родом из Харькова, устроил концерт для сбора средств.

3 сентября 2013 года мемориальную доску открыли — за два дня до назначенного срока, так как пошли слухи, что городские власти намерены пересмотреть свое решение.⁸ Глава обладминистрации Михаил Добкин, который еще во время пребывания на посту городского головы снискал себе славу борца с «оранжевой чумой», высказал свое радикальное неприятие личности Шевелева и назвал его, как и всех, кто пришел на открытие мемориальной доски, «фашистскими мерзавцами». До тех пор практически неизвестный местный «Антифашистский комитет» потребовал от городского головы пересмотра его решения. 25 сентября городской совет постановил, что доску следует снять, и тогда же трое неизвестных среди бела дня разбили ее вдребезги молотками и топорами.⁹ Общественное возмущение данным актом вандализма вышло далеко за пределы местной политической жизни, этой теме даже было посвящено популярное украинское телешоу «Шустер live». Известные представители интеллигенции выступили с обращением к харьковским властям в защиту Шевелева, международное научное сообщество также поддержало инициативу почтения его памяти.¹⁰ Первая харьковская конференция, посвященная Шевелеву¹¹, состоялась 30 октября 2013 года при поддержке оппозиционного политика Арсена Авакова, который после избрания его в Верховную Раду вернулся из своего итальянского изгнания.

Общественное признание и увековечение памяти Юрия Шевелева являлась одной из целей харьковских протестов против режима Януковича, и неслучайно защитники Шевелева составляли ядро местного Евромайдана, одна из первых демонстраций которого даже была специально посвящена Шевелеву и конфликту, связанному с мемориальной доской. Студент юридического факультета и активист Ростислав Небельский подал судебный иск, и в декабре 2014 года харьковский апелляционный административный

Мемориальная доска Юрию Шевелю, демонтирована в сентябре 2013 года.
Фото: Надия Ли. Wikimedia Commons (cc) CC BY-SA 3.0.

суд отказал городскому совету и городскому голове Кернесу в праве на демонтаж доски (Соупаш, 2015). Полученное в 2011 году разрешение на ее установку сохранило свою силу и таким образом потребность в новом разрешении отпала.¹² Юридическую битву проукраинские активисты выиграли, однако конфликт все еще далек от разрешения. Хотя мемориальная доска уже отреставрирована, она все еще не установлена — в нынешней атмосфере политического противостояния она, вероятно, не провисела бы и недели.

Евромайдан и его последствия

Евромайдан, протестное движение, начавшееся в конце 2013 года, открыл новую фазу и в сфере политики памяти. Когда 8 декабря 2013 года в центре столицы был сброшен памятник Ленину, это вызвало целую серию подобных акций по всей Украине. Вскоре акции приобрели ироничное название «ленинопад». В глазах радикально настроенных демонстрантов статуи Ленина, бывшие некогда символами коммунизма и Советской власти, служили символами

режима Януковича, который, по их убеждению, базировался на неосоветских и пророссийских политических принципах. Однако на востоке страны памятники Ленину продержались дольше. В Харькове война с памятниками достигла своего апогея с началом «Русской весны» и привела к невиданной доселе поляризации общества.

Евромайдан ознаменовал новую революционную фазу, которая в отличие от Оранжевой революции, исходившей преимущественно от элит, была протестным движением снизу. Поэтому неудивительно, что мемориальные войны, которые до сих пор велись в первую очередь посредством президентских указов и судебных решений, с 2014 года переместились на улицы города.

Идея демонтажа памятника Ленину на харьковской площади Свободы возникла 22 февраля 2014 года после массовой демонстрации против пророссийского сепаратизма и привела к ожесточенным столкновениям между активистами Майдана и сторонниками Антимайдана.¹³ Однако большинство лидеров Майдана, хотя и выступали, в принципе, за демонтаж, хотели отложить эту акцию до того момента, пока «декоммунизация» не будет узаконена решением парламента.¹⁴ Чтобы предотвратить насильственное разрушение памятника, коммунисты при поддержке пророссийских активистов организовали круглосуточную охрану памятника. С точки зрения пророссийских демонстрантов, «бандеровцы» и «националисты» из Киева и Западной Украины хотели разрушить «наши памятники» и «лишить нас нашего прошлого». Памятник Ленину стал центром и символом пророссийской мобилизации — «пустым означающим», который не представляет ни для кого идеологического содержания (за исключением, пожалуй, коммунистов), но, будучи «антикиевским», маркирует локальную идентичность.

Физическая конфронтация между пророссийскими защитниками памятника, которые разбили палаточный городок на площади Свободы, и активистами Евромайдана, занявшими здание обладминистрации, расположенное на той же площади, достигла своей кульминации 1 марта 2014 года — когда пророссийски настроенная толпа атаковала здание обладминистрации. Активисты Евромайдана (среди них и писатель Сергей Жадан) подверглись избиениям и унижениям, а над зданием на непродолжительное время был поднят российский флаг. В последующие месяцы памятник Ленину стал точкой кристаллизации пророссийской активности и тем самым — мишенью для проукраинских радикалов. Харьковский Евромайдан остался разделенным: умеренное крыло, опасаясь

дальнейшей поляризации и радикализации, предложило демонтировать памятник легальным, цивилизованным образом, другие же не соглашались с этим, считая, что дальнейшее промедление как раз и приведет к усилению поляризации и радикализации.

Пророссийская демонстрация перед монументом Ленину, весна 2014 года. © Татьяна Журженко.

Вторая, успешная попытка сноса памятника Ленину состоялась 28 сентября 2014 года: в конце массовой проукраинской демонстрации (которая снова-таки была реакцией на митинг коммунистов, проведенный днем раньше) радикальная часть демонстрантов, в том числе футбольные фанаты и проукраинские радикалы (прежде всего, организация «Громадська Варта») двинулись к площади Свободы и начали готовить памятник к демонтажу.

Депутаты от партии Свобода и активисты из других регионов (например, из Сум и Полтавы) поспешили в Харьков для поддержки этой акции. Председатель облминистрации Игорь Балута высказывался против насильственного демонтажа — он и его союзники из партии Народный фронт были обеспокоены вопросом общественного порядка в городе и уровнем поддержки демократических сил

накануне предстоящих выборов в парламент. Силовики (милиция и СБУ) опасались уличных беспорядков. Одним из аргументов противников демонтажа было опасение, что массивная статуя может вызвать обрушение расположенной ниже станции метро (необоснованное беспокойство, так как скульптура оказалась полой). Однако демонстранты не хотели дожидаться официального разрешения и начали демонтаж статуи. Некоторые очевидцы сообщали, что демонстранты предварительно изучили проектную документацию к памятнику и действовали довольно продуманно. В техническом отношении их поддержали харьковские альпинисты, которые в 2010 году уже участвовали в протестах против вырубki деревьев в Парке Горького.

Основание демонтированного монумента Ленина на площади Свободы и алтарь в память о солдатах, павших на Донбассе, февраль 2015 года. © Татьяна Журженко.

За немедленный демонтаж памятника высказалась также Инна Богословская — бывший депутат от Партии регионов, покинувшая ее в начале Евромайдана, и рассматривавшаяся на тот момент как главный соперник Геннадия Кернеса на следующих выборах городского головы. Наконец, облминистрация уступила давлению и не

стала препятствовать свержению памятника. Эту акцию обладминистрация узаконила задним числом, сославшись на старый указ Виктора Ющенко от 2009 года, который предписывал «демонтаж памятников и памятных знаков, посвященных лицам, причастным к организации и совершению голодомора 1932–33 годов в Украине и политических репрессий». Городской голова Геннадий Кернес публично пообещал восстановить памятник, а городской совет обратился в суд, однако не смог выиграть дело.

Не только коммунисты и сторонники Антимайдана были возмущены свержением памятника Ленину, эта акция вызвала споры и в других общественных группах. Примечательно, что дискуссионный форум, учрежденный общественным Фондом местной демократии для преодоления политической поляризации в городе, свое первое заседание в октябре 2014 года посвятил вопросу «Что делать с Лениным?». На нем звучали и голоса тех, кто видел в демонтаже памятника провокацию и акт вандализма. Некоторые из лидеров харьковского Евромайдана также согласились с тем, что к вопросу подошли неверно, и что это подрывает доверие к новому руководству.

В целом, конфликт привел к тому, что дебаты о дальнейшей судьбе советских и коммунистических символов и памятников стали еще интенсивнее. Конфликт продемонстрировал политические границы радикальных акций и, не в последнюю очередь, привел к возникновению ряда инициатив общественных организаций, которые целенаправленно работали с радикальными и националистическими группами для предотвращения дальнейшего несанкционированного демонтажа и вандализма.

На этом война с памятниками в Харькове не закончилась: в январе 2015 года был снесен бюст Павла Постышева — первого секретаря Харьковского обкома партии в 1930-х годах. Принятие 9 апреля Верховной Радой законов о «декоммунизации», очевидно, придало подобным акциям новый размах: через несколько дней в Харькове снесли еще две статуи Ленина. В том же месяце за ними последовали памятники коммунистическим деятелям Серго Орджоникидзе, Николаю Рудневу и Якову Свердлову.

Выводы

В конечном счете Евромайдан, пусть и радикальным, насильственным образом, реализовал одну из главных целей правления

Ющенко — десоветизацию публичного пространства. Этот радикализм отчасти был реакцией на такие же насильственные и противоправные действия местных властей в эпоху Януковича, например, уничтожение мемориальной доски Юрию Шевелеву. Война с памятниками велась с особой жесточенностью на востоке Украины, в частности, в Харькове, за который все еще идет политическая и идеологическая борьба. Вопрос состоит в том, каким образом можно преобразовать этот радикализм в легальные политические действия.

Харьков нуждается в публичном пространстве, в котором различные группы могут обсуждать будущий облик города, его культурный ландшафт и учиться договариваться. Однако сохраняющаяся политическая поляризация, угроза пророссийского сепаратизма и вмешательства России, а также относительная слабость проукраинских сил в городе препятствуют достижению нового компромисса. Кроме того, обещанная децентрализация, которая должна дать регионам и муниципальным образованиям большую свободу в принятии решений, плохо сочетается с новыми законами о «декоммунизации», которые ограничивают права городских советов и дают им всего шесть месяцев на полное устранение советских памятников и символов, а также соответствующее изменение названий населенных пунктов и улиц.

Перевод с немецкого: Алла Кюршнер.

Статья базируется на докладе для конференции Kharkiv — City of Ukrainian Culture, проведенной Институтом Гарримана при Колумбийском университете, Нью-Йорк, 12–13.03.2015.

Татьяна Журженко — политолог, руководитель проектов «Россия в глобальном диалоге» и «Украина в европейском диалоге» при Институте гуманитарных наук (IWM) в Вене.

Литература

- Coynash, H. (2015). Kharkiv court defends Shevelyov memorial against Kharkiv authorities. www.khpg.org/en/pda/index.php?id=1420374538 (дата обращения: 26.11.2015).
- Czepczynski, M. (2008). Cultural Landscapes of Post-Socialist Cities: Representation of powers and needs. Aldershot: Ashgate.
- Hrytsak, Y., Susak, V. (2003). Constructing a National City: The case of L'viv. In: J. J. Czaplicka, B. A. Ruble, Crabtree, L. (Eds.), Composing Urban History

and the Reconstruction of Civic Identities, Washington, D. C.: Woodrow Wilson Center Press, pp. 140–164.

Kravchenko, V. (2009). Kharkiv: a borderland city. In: J. Czaplicka, N. Gelazis, B. A. Ruble (Eds.), *Cities after the Fall of Communism. Reshaping Cultural Landscapes and European Identity*, Baltimore: John Hopkins University Press, pp. 219–252.

Zhurzhenko, T. (2011). «Capital of Despair»: Holodomor Memory and Political Conflicts in Kharkiv after the Orange Revolution. *EEPS — East European Politics and Societies*, 25(3), pp. 597–639.

Дергачев, В., Карцев, Д. (2015): ДНР нашла себе историю. *Gazeta.ru*. www.gazeta.ru/politics/2015/02/06_a_6402557.shtml (дата обращения: 17.11.2015).

Кеворкян, К. (2002). *Первая столица*. Харьков: Folio.

Примечание

1 Выпущенный харьковским журналистом Константином Кеворкяном документальный телесериал «Первая столица» был такой амбивалентной попыткой по-новому рассказать местную историю. На основе этого сериала позже был издан сборник исторических статей: Константин Кеворкян: *Первая столица*. Харьков, 2002. Хотя название «Первая столица» относится к 1919–1934 годам, когда Харьков был столицей Советской Украины, Кеворкян датирует «золотую эпоху» города концом XIX века. Это было время стремительного экономического роста и культурного расцвета. В такой перспективе рассмотрения истории города советские и российско-имперские нарративы сочетаются с локальными украинскими нарративами и символами. По Кеворкяну ключ к новому благосостоянию и культурному возрождению Харькова находится в экономической регионализации; город должен стать «теневого столицей русскоязычной культуры на Украине» — цель, на пути к которой стоят в первую очередь «украинские националисты», не принимающие культурных особенностей города. Являясь крупным центром торговли и посредником между Украиной и Россией, Харьков мог бы стать «малым тигром» — либеральным, мультикультурным и нейтральным в отношении вопросов национальной идентичности.

2 См. Zhurzhenko, «Capital of Despair».

3 См. Zhurzhenko, «Capital of Despair».

4 Снос памятника УПА: Евразийский союз молодежи мстит за Эстонию, <http://kharkov.dozor.ua/news/1000488.html>.

5 В похищении памятника УПА харьковчане обвиняют «Оплот», www.day.kiev.ua/ru/news/260413-v-pohishchenii-pamyatnika-upa-harkovchane-obvinyayut-oplot.

6 О сносе памятника в сентябре 2014 года см. ниже.

7 Зняли Сліпого, Україна молода, www.umoloda.kiev.ua/print/91/45/63259.

- 8 У Харкові попри перешкоди відкрили дошку Юрію Шевельову, Історична правда, 4.9.2013, www.istpravda.com.ua/short/2013/09/4/135743/.
- 9 У Харкові сокирою знищили дошку Шевельову, Історична правда, 25.8.2013, www.istpravda.com.ua/short/2013/09/25/136684.
- 10 Хмельовська, О. Протистояння у Харкові: влада послідовно радянлізує місто. Інтелігенція чинить опір, Тиждень, 27.9.2013, <http://tyzhden.ua/Society/90288>.
- 11 У Харкові розпочались «Шевельовські читання», Тиждень, 30.10.2013, <http://tyzhden.ua/News/92740>.
- 12 Kharkiv court defends Shevelyov memorial against Kharkiv authorities. Human Rights in Ukraine, www.khpg.org/en/pda/index.php?id=14274538.
- 13 У Харкові тривають сутички біля велетенського пам'ятника Леніну, Радио «Свобода», 23.2.2014, www.radiosvoboda.org/content/article/25273890.html.
- 14 Харьковский Евромайдан отказался сносить памятник Ленину, «Сегодня», 25.2.2014, www.segodnya.ua/regions/kharkov/harkovskiy-evromaydana-otkazalsya-snosit-pamyatnik-leninu-498532.html.

Серджиу Мустьяцэ

Преподавание истории в Украине: итоги двадцати лет общественного, научного и политического обсуждения

Введение

Распад СССР дал ставшим независимыми республикам возможность построения демократического общества, оживления и переписывания своей истории — процесс, описанный К. Дженкинсом в его книге «Refiguring History. New thoughts concern an old discipline» («Переписывание истории. Новые мысли о старой дисциплине») (Jenkins, 2003). Большинство общественных преобразований в этих странах в начальной стадии проводилось под влиянием национальных движений. В некоторых случаях обстоятельства привели к новым конфликтам между различными этническими и религиозными группами. В ретроспективе можно отметить целый ряд ошибок, допущенных первыми правительствами при построении новых демократических государств. Самые спорные решения касаются политического дискурса о новом кризисе идентичности и государственности. Политическая и экономическая ситуация привели к резкому снижению бюджетного финансирования системы образования. Во всех государствах были созданы новые системы образования, основанные на ценностях нового общественного строя, были изданы новые законы об образовании, выпущены учебные программы и учебники, отвечающие требованиям к профессионализму. Тем не менее во многих случаях государства пытались использовать учебники (в частности, учебники по истории и обществознанию) для пропаганды государственной идеологии. Таким образом, на рубеже веков учебники стали важным инструментом в сферах образования, социализации и политики (Kalmus, 2004)

Курс истории, реформирование учебников и общественные дискуссии в Украине

Процесс смены образовательной системы в целом и преподавания истории в частности начался в советских республиках в конце 1980-х годов, в эпоху гласности и перестройки М. С. Горбачева (Krylač & Kul'cickii, 1999, с. 163). В 1989 году Центральный комитет Коммунистической партии Украины и Академия наук Украинской ССР утвердили программу развития исследования истории Украины (Кульчицкий, 1995). Академия наук приняла решение открыть доступ ко всем работам М. С. Грушевского и работе «История Украины» и использовать их в качестве основы изучения и преподавания истории Украины (Krylač & Kul'cickii, 1999)¹.

Распад СССР и образование независимой Украины послужили сигналом к началу демократических реформ во всех сферах жизни. Все политические, экономические и социальные изменения непосредственно связаны со сферой образования, поскольку советские идеология и менталитет должны были быть заменены новыми. Конституцией, Законом об образовании и прочими законодательными актами была сформирована новая законодательная база образовательной системы Украины. Важнейшими актами в сфере образования являются Закон Украины «Об образовании», принятый в 1991 году², и государственная программа «Образование. Украина XXI века», принятая в 1992 году на первом Национальном конгрессе учителей³. Конституция и законы Украины, уклад украинского общества основаны на принципах демократии и отказа от методов авторитарного советского режима. По сей день образование в Украине остается в сфере ответственности государства, центральных государственных органов, определяющих контуры образовательной политики. Таким образом, украинская система образования по сей день остается в существенной степени централизованной. Министерство образования является центральным органом принятия решений о содержании образовательных программ и издании учебников (Dietsch, 2006, с. 79, 88). Что касается национальностей, представленных в Украине, закон «О гражданстве Украины» присвоил статус гражданина всем, кто на момент принятия закона проживал на территории Украины (октябрь 1991 года), и удалил строку «национальность» из паспортов. Закон «О национальных меньшинствах в Украине» (июнь 1992 года), основанный на Декларации прав национальностей в Украине (ноябрь 1991 года), «гаран-

тирует всем национальным группам право использовать родной язык во всех сферах общественной жизни, включая образование, деловой оборот, а также получение и распространение информации» (Janmaat, 2000, с. 64–65). В то время как законы о правах национальностей в Украине кажутся очень либеральными, реальность выглядит иначе: для нее характерны огромные усилия государства по украинизации общественной жизни. Новая Конституция Украины, утвержденная 1 июня 1996 года, закрепила статус украинского языка как единственного государственного языка, хотя Конституцией гарантированы «свобода развития, использования и защиты русского и иных языков национальных меньшинств в Украине»⁴.

В конце 1980-х годов в Украине начался процесс переписывания и пересмотра истории, отражавшей идеологию Советского Союза. 1990-е годы в Украине были отмечены движением в сторону суверенитета и создания независимого государства и нации. История стала мощным политическим инструментом в руках политиков и интеллигенции в процессе легитимации государства (Dietsch, 2006, с. 8–9, 49–50). После получения Украиной независимости стратегическим приоритетом стало создание национального исторического имиджа. Поскольку до 1991 года Украина никогда не являлась автономным государством, «Украинский проект» (Украинская народная республика, УНР образца 1918 года) (Dietsch, 2006, с. 50–51), то есть создание новой идеологии и истории, которое привело бы к легитимации украинской государственности, приобрел первостепенное значение. По точному наблюдению Дж. Дитша (J. Dietsch), независимая Украина все еще испытывает сильное влияние давнего прошлого. В современной интерпретации украинскими историками Киевская Русь была первой попыткой создания украинского государства (Dietsch, 2006; Гількес, 2000; Гирич, 2000; Грицак, 2000; Ильге, 2000; Кармазіна, 2000). Таким образом, создание нации в Украине является частью официальной образовательной политики на всех уровнях⁵.

Повторное открытие и новая интерпретация украинской истории

С 1991 года, когда Украина стала независимым государством, усилился и процесс написания и переписывания истории. Этот процесс оказывает непосредственное влияние на содержание школьного

курса истории и учебников истории. Одним из первых украинских методических пособий для учителей и учеников по украинской истории стала работа О. Субтельного (1988), переведенная на украинский язык и опубликованная в 1991 году. Другое пособие было опубликовано Ф. Н. Турченко (1994). Две эти работы привлекли также украинскую диаспору к процессу повторного открытия национальной истории Украины. В 1991 году был опубликован один из первых экспериментальных учебников для старших классов средней школы (Коваль и др., 1991). Фактически это был первый украинский учебник, в котором авторами рассматривалась исключительно национальная история. Этот учебник используется в образовании с 1991–1992 учебного года. История России стала частью мировой истории. Учебник был издан на украинском и русском языках тиражом 760 000 экземпляров (Krylač & Kul'cickii, 1999, с. 164). В 1993–1994 учебном году на украинском и русском языках был издан другой экспериментальный учебник для старших классов, который был основан на концепции преподавания истории, разработанной Институтом истории при Академии наук Украины (Кульчицкий, Курносков & Коваль, 1993). Учебник был издан тиражом 500 000 экземпляров для школ Украины, а позднее был переведен для представителей национальных меньшинств на русский (1994–1995 годы, 300 000 экземпляров), венгерский и румынский (Krylač & Kul'cickii, 1999, с. 164). В качестве альтернативы в 1994–1995 учебном году появился еще один учебник для старших классов, изданный Heneza Publishing House (Турченко, 2014; Турченко, Панченко & Тимченко, 2015). Книги были подготовлены в соответствии с новым учебным планом «История Украины» и включали в себя большее число карт, иллюстраций, ссылок на источники и т. п., чем предыдущие учебники. Эти учебники были изданы тиражом около миллиона экземпляров. Первое поколение украинских учебников истории отличается от советских: в новых учебниках основное внимание уделяется истории Украины как государства, силы и политического движения, что связано с процессом построения национального самосознания. Отношения между «коренными жителями» и «иностранцами» характеризуются такими терминами, как «оккупация», «угнетение», «эксплуатация», «противостояние» и т. п. (Hurych & Verbytska, 2010). Новые учебники не оправдали надежд и были раскритикованы рядом политических деятелей⁶.

Официальная программа курса истории в украинских школах, утвержденная Министерством образования в 1996 году, предус-

матривала, что урок № 42 в десятом классе посвящен «оккупационному режиму и возникновению антифашистского движения в Украине», что должно было сформировать «базовую концепцию», с которой нужно было ознакомиться всем ученикам (Dietsch, 2006, с. 164; Міністерство освіти і науки України, 1996). Согласно школьной программе, история является одним из важнейших школьных предметов в украинской системе образования, а одной из целей курса является «воспитание в учениках духа патриотизма, возвращение любви к своей нации» (Janmaat, 2006, с. 361; Міністерство освіти і науки України, 1996, с. 9). С 1998 года в курс истории включены аспекты образовательного и социального развития на основе принципов гуманизма и демократии, таких как «толерантность, непредвзятое и положительное отношение к другим национальностям» (Міністерство освіти і науки України, 1998, с. 3–4). Такую структуру курс истории также имел и в советское время, когда в одном курсе изучалась история СССР, в другом — мировая история, а в третьем — история Украинской ССР).

Программа истории разделена на два обязательных курса — «История Украины» и «Всемирная история», а также дополнительный курс, посвященный истории региона или населенного пункта («История родного края») (Dietsch, 2006, с. 150). Каждый учитель может самостоятельно решать, какой объем времени уделить данной теме, и добавлять темы, связанные с конкретным регионом. К примеру, в Одессе ученики изучают историю Болгарии, в Крыму — историю татар и т. д. (Bennett, 1999), а в учебниках для регионов Полтавы, Запорожья, Каменец-Подольска описываются история региона с доисторических времен или же только события XX века (Білоусько & Супруненко, 2004; Рибак, 2004а; 2004b; Ігнатуша, Ткаченко & Турченко, 2003). Программа 1998 года больше внимания уделяет политической истории, нежели вопросам социальной, культурной и повседневной жизни (Давлетов, 2000).

История XX века была и остается бурно обсуждаемой темой во всех европейских странах. Например, в Украине было организовано несколько семинаров и тренингов для учителей по данному вопросу. В июне 1997 года во Львове прошел семинар «Начальное повышение квалификации учителей истории в странах Европы по вопросам демократических реформ», затем в октябре 1997 года в Черновцах прошел другой семинар — «Центральная и Восточная Европа как исторически сложившийся регион: проблемы интеграции в мировую историю XX века». В следующем 1998 году Совет

Европы и власти Украины организовали еще один семинар в Ялте под названием «Реформа программы курса всемирной истории XX века в средних школах с особым вниманием к противоречивым и болезненным вопросам и роли знаменитых исторических фигур» (Pometun, 1998).

В дискуссиях о содержании новых учебников истории участвовал и Парламент Украины⁷. В мае 1997 года В. Куев и Е. Красняков, члены Верховной Рады, обратились к президенту Верховной Рады Украины А. Морозу с письмом, в котором отмечалась заведомо неверная интерпретация исторических фактов в новых учебниках. В этой ситуации Министерству образования пришлось провести научную экспертизу содержания учебника, составленного Ф. Г. Турченко и др. Институт истории Украины созвал комиссию, состоящую из С. Кульчицкого, В. Верстюка, В. Даниленко и М. Ковалю. В конечном итоге члены комиссии объявили, что члены Парламента были правы в одном из своих заявлений: «В учебниках исторические факты необходимо освещать без эмоциональной окраски». Авторы учебника показали, что прежняя советско-сталинская интерпретация истории является ложной, и дали новую интерпретацию истории XX века. Члены Верховной Рады не указали на конкретные ошибки в учебнике, и скорее всего их инициатива связана с ностальгией, свойственной всем, кто родился и получил образование в советское время.

В 2005 году инициатива депутатов Рады от Коммунистической партии спровоцировала широкое общественное обсуждение роли СССР во Второй мировой войне и истории XX века. В ответ группа широко известных историков направила Президенту и Председателю Верховной Рады Украины открытое письмо с резкой критикой политической кампании коммунистов (Janmaat, 2011, с. 89). После опубликования новой Концепции преподавания истории Украины и всемирной истории в 2009 году между учителями и политиками, включая членов Верховной Рады Украины, продолжилась дискуссия о преподавании истории в Украине⁸.

В рамках действующего учебного плана Украины история является обязательным предметом в перечне выпускных экзаменов в 11 классе. История преподается в форме регулярного курса «История Украины с древних времен до современности» раз в неделю, начиная с 5 класса. По замыслу школьной программы, этот курс призван «подготовить учеников к успешному освоению знания истории в последующих классах, сформировать в сознании детей

начальное представление о самых важных вехах истории украинского народа, заинтересованность прошлым Украины и желание узнать больше, а также пробудить в учениках любовь к истории как науке о прошлом человечества» (Міністерство освіти і науки України, 1998, с. 5). В 6 классе ученики продолжают изучение всемирной истории с древности до падения западной части Римской империи. С 7 по 11 класс ученики параллельно посещают два курса: историю Украины и всемирную историю.

В 1998 году Ю. Темиров, Н. Теморвская и И. Тодоров, научные сотрудники Донецкого государственного университета, попытались составить объединенный курс истории Украины для 10 класса (период с 1914 по 1945 год) без существенного участия и поддержки со стороны своих коллег и школьной аудитории (Давлетов, 2000, с. 169). В том же году участники семинара по вопросам преподавания истории XX века обсуждали и концепцию общего курса всемирной и национальной истории, не нашедшую, однако, поддержки украинских властей и историков (Pometun, 1998).

По наблюдению Дж. Дитша, структура учебного плана, содержание программы и учебников имитируют советскую систему и «украинская Оранжевая революция (2004 год) была связана не только с политической ситуацией в стране, но и с определением того, какой является и должна являться украинская нация» (Dietsch, 2006, с. 64). Программа курса предписывает в масштабе всей страны, какие темы должны преподаваться в какой последовательности, в каком классе и на каком уроке. Кроме этого, как и в советские времена, школьная программа указывает, что должно быть включено в учебники, в каких главах и т. п. Таким образом, хотя содержание курса истории в Украине и изменилось за последние десять лет, их структура недалеко ушла от своего советского прошлого. Учителям истории рекомендуют пробуждать национальную гордость и патриотизм, подчеркивать важность борьбы украинского народа против иностранных захватчиков, осуществлять формирование украинской нации и т. п. (Dietsch, 2006, с. 150–151). Но одним из самых сложных периодов остается история XX века (Dietsch, 2006, с. 152).

Для каждого курса истории имеется один комплект учебников, утвержденных Министерством образования, которое продолжает отвечать за содержание учебной программы, утверждение и выпуск учебников и т. д. Министерство образования, Национальная академия наук Украины и Академия педагогических наук Украины вместе с издательствами ежегодно проводят конкурсы на новые

учебники (Dietsch, 2006, с. 89). Ежегодно Министерство образования утверждает и публикует перечень учебников, рекомендуемых к использованию в каждом классе. Перед включением в этот список учебник должен пройти процедуру рассмотрения, проверки, редактирования и получения рекомендации к использованию. В процессе рассмотрения учебников истории принимают участие научные сотрудники и эксперты из различных образовательных и исследовательских учреждений.

Таблица: Структура преподавания истории в Украине⁹

№	Степень образования	Классы	Дисциплина	Содержание
1.	Начальное звено	3 (4)	История	Общий курс
2.	Среднее звено	5	Введение в историю Украины	Средние века, XIX — XX века
		6	Всемирная история	Древний мир
		7	Всемирная история	Средневековье
			История Украины	Средневековье
		8	Всемирная история	Первая половина XVI — конец XVIII века
			История Украины	От Люблинской унии до середины XVIII века
		9	Всемирная история	Вторая половина XVIII — начало XX века
			История Украины	XIX — начало XX века
3.	Старшее звено	10	Всемирная история	Первая половина XX века
			История Украины	1914–1939 годы
		11	Всемирная история	После 1939 года
			История Украины	После 1939 года

В 2010 году министр образования Д. Табачник заявил, что новая концепция преподавания истории в Украине должна быть более дружественной по отношению к России. В этом контексте Ю. Болдырев, член

Верховной Рады, указал, что на протяжении двадцати лет концепция преподавания истории фокусировалась на факте 300-летнего доминирования России над украинцами, теперь же стало понятно, что это не так. Поэтому новая концепция должна быть основана на том, что украинцы вместе с русскими создавали Российскую империю, а затем СССР. Однако А. Герман (2010) из администрации Президента Украины был против инициативы Министерства образования, считая, что украинская история не должна испытывать влияние советской идеологии (Шишкин, 2010, с. 194–195). Этот пример — наглядное подтверждение того, что политические дебаты вокруг преподавания истории в Украине остаются острыми.

Выводы

История как школьная дисциплина остается частью централизованной системы образования¹⁰. Все учебные программы и учебники должны быть утверждены и рекомендованы Министерством образования. Несмотря на это, имеется множество заметных изменений в процессе преподавания истории в Украине и в учебниках в 2000-х годах по сравнению с 1990-ми годами — переход «от достаточно сильного национализма к меньшей этноцентричности» (Касьянов, 2011, с. 27). Общей характерной чертой украинских учебников истории остается недостаточное упоминание этнических меньшинств и низкий интерес к соседним странам. К примеру, Румыния и Молдова упоминаются от случая к случаю, зачастую в контексте военных конфликтов. Отсутствует описание общественного уклада, культуры, религии, повседневной жизни в регионе. Не упоминается ни наличие румынской диаспоры в Украине, ни диаспоры этнических украинцев на территории современных Молдовы и Румынии. В Украине проживают представители более ста национальностей, но учебники истории уделяют больше внимания идее одной страны, одной нации и одной истории. И. Хырых и П. Вербыцка очень точно описали то, чего не хватает украинским учебникам: «Мы не должны подавать историю Украины как историю украинского этноса. Исходя из постулата о политической нации и тезисе принятия достижений «иностранной» культуры на территории Украины как «коренных», мы нуждаемся в толерантной к судьбе польских, русских, еврейских и прочих национальных меньшинств в Украине» (Нурч & Verbytska, 2010, с. 366).

Наталья Яковенко (Yakovenko, 2008a) также очень хорошо подметила ситуацию с «образом чужих» в украинских учебниках, составленных на основе советской историографии. Марьян Мудрый считает, что история Украины построена по советским образцам (Mudryi, 2008). В этом контексте Ж. Г. Янмат считает: «тот факт, что в Украине никогда не было периода стабильной независимости, «жестоко» прерванного российской/советской «оккупацией», означает отсутствие каких-либо оснований для особого отношения (то есть никакой «исторической несправедливости», требующей урегулирования, просто не было). Это делает понятным выбор политики включения» (Janmaat, с. 84).

Показательны результаты опроса выпускников школ, проведенного Ассоциацией «Нова Доба» совместно с Фондом демократических инициатив в 2008–2009 годах: «По мнению учащихся, факторами, объединяющими Украину, являются: желание улучшить жизнь в стране — 50%, равноправие граждан Украины, общий государственный язык, патриотические чувства граждан, общая история — 25,3%; всего 20,6% опрошенных чувствуют свою принадлежность Украине, что свидетельствует о низком уровне развития понимания политической нации. Многие учащиеся являются сторонниками более сильной центральной власти в Украине» (Verbytska, 2009, с. 227). В то же время большинство опрошенных той же возрастной группы считают, что «их целью является совместное строительство лучшего будущего» (Hyrych & Verbytska, 2010, с. 359).

Украинский институт национальной памяти учредил в 2008 году комиссию по отслеживанию украинских учебников истории с целью провести анализ того, каким образом существующая программа курса истории и учебники развивают критическое мышление. Результаты работы отмечают «парадоксальное несоответствие между сегодняшними задачами и школьными учебниками» (Yakovenko, 2008a). П. Вербыцка очень хорошо характеризует эту ситуацию:

«В большинстве существующих сегодня учебников основное внимание уделяется этноцентрическому взгляду на историю в обход принципов многонациональности, мультикультурности и мультиконфессиональности — приоритетных направлений современной школьной дидактики в открытых обществах; подчеркивается единство украинского общества как этнического, лингвистического и религиозного сообщества; провозглашается идентичность монокультурного сообщества некогда угнетенного низ-

шего класса. Эти учебники формируют пессимистический образ Украины как колонии и комплекс неполноценности. В учебниках общество Украины представляется угнетенным нижним социальным слоем, мотивам различных социальных групп не уделяется никакого внимания. В итоге комиссия пришла к выводу, что современные учебники истории не соответствуют ни современному состоянию истории как науки, ни потребностям общества, ни государственным стандартам. Современные учебники не предлагают варианта коллективной идентичности, который мог бы отвечать потребностям интеграции и консолидации украинского общества и вызовам современности. Соответственно, необходимо ликвидировать этот парадоксальный временной пробел между современными задачами и школьными учебниками»¹¹.

В учебниках истории основное внимание уделено этноцентрическому взгляду на историю с превалированием политической и военной истории (Hyrych & Verbytska, 2010, с. 359). Но самая большая проблема описывается следующим образом: «Учебники истории дают мифологизированную версию происхождения украинской нации и смешивают понятия этноса и нации, представляя существование нации как линейного, телеологического, постоянного и непрерывного процесса, развивающегося с доисторических времен»¹².

В последнее время украинские власти также поддерживают другие принципы и перспективы в образовании. В частности — развитие исторического мышления, дальнейшее обучение патриотов Украины и европейских граждан. Но история также должна учить тому, что ученики являются гражданами своей страны, Европы и всего мира (Dietsch, 2006).

В работе И. Качановки (2005 год) проведен сравнительный анализ татар и гагаузов, двух турецких меньшинств Украины и Молдовы, имеющих множество исторических аналогий и различий:

«Система образования в Советском Союзе была направлена на сближение политической культуры различных этнических групп. Однако в случае крымских татар этот механизм социализации только усилил их отличие от русских, украинцев и гагаузов. Советские учебники истории и литературные источники выпячивали военные конфликты между крымскими татарами и украинскими и российскими казаками, охоту крымских татар за рабами и военную помощь, оказывавшуюся российским прави-

тельством гагаузам, болгарам и прочим православным народам Оттоманской империи. История Второй мировой войны в советских учебниках представляла крымских татар как соотрудников нацистов и игнорировала факты этнических чисток среди крымских татар, проводившихся советским правительством. Советские средства массовой информации и источники популярной культуры пропагандировали схожий исторический образ крымских татар и гагаузов» (Katchanovski, 2005, с. 891).

При Президенте В. Януковиче политика исторической памяти вернулась к рудиментарному советскому дискурсу. С 2010 года система образования вернулась от 12-классной системы к 11-классной, что привело к изменению учебных программ и учебников. Согласно учебной программе старшего звена (2010 год), история преподается один урок в неделю. Учебники для 11 класса стали короче и приблизились к «классической советской историографической схеме»; к примеру, глава «Украина во Второй мировой войне» в новом учебнике называется «Великая отечественная война». П. Вербыцка характеризует ситуацию с преподаванием истории в Украине следующим образом: «В наших учебниках, особенно по истории Украины, все еще имеются элементы ксенофобии, культурно-этнической нетерпимости и гендерного шовинизма»¹³.

С 2011 года в соответствии с образовательными стандартами начального и среднего образования в преподавании истории были приняты новые подходы, подчеркивающие усиление роли истории как основного формирующего идентичность предмета, дающего учащимся представление о достоинстве, правах человека и демократии, развивающего положительное отношение к общеевропейским ценностям¹⁴. В этой ситуации, при отсутствии консенсуса в украинском обществе в отношении общего исторического прошлого, программа курса истории и учебники должны быть переписаны украинскими историографами в соответствии с требованиями и нуждами демократизации (Верстюк, 2011) и уделять больше внимания другим меньшинствам, проживающим в Украине, а также соседним странам. «Вместе на одной земле. Мультикультурная история Украины» — новый учебник, изданный Всеукраинской ассоциацией учителей истории и обществознания в издательстве «Нова Доба», — хороший пример достижения этой цели¹⁵.

Перевод с английского: Наталия Буш.

Серджиу Мустьяцэ — декан факультета истории и географии Государственного педагогического университета имени Иона Крянгэ, Кишинев.

Литература

- Baidaus, E. (2009). Mihail Hruşevskişi istoria Ucrainei-Rusi. *Revista istorică XX*, 3–4, 309–324.
- Baidaus, E. (2010a). Relațiile româno-ucrainene în istoria Ucrainei-Rusiei. *Considerente Istoriografice (I)*. *Revista istorică XXI*, 1–2, 167–182.
- Baidaus, E. (2010b). Relațiile Româno-Ucraînene În Istoria Ucrainei-Rusiei. *Considerente Istoriografice (II)*. *Revista istorică XXI*, 3–4, 331–536.
- Bennett, S. (1999). Seminar on «History Curricula for Secondary Schools in the Black Sea Countries». Constanța, Romania, 6–8 May 1999, Report by S. Bennett. Council of Europe. Activities for the Development and Consolidation of Democratic Stability (Adacs), Decs/Edu/Hist (99) 59, 25.
- Dietsch, J.(2006). Making Sense of Suffering. Holocaust and Holodomor in Ukrainian Culture. Lund: Media Tryck.
- Hyruch, I., Verbytska, P. (2010). Historical education in Ukraine: The Evolution from Ethnocentrism to the Concept of Multiculturalism in the Textbooks. *Analele Asociației Naționale a Tinerilor Istorici din Moldova*, 9.
- Janmaat, J.G. (2000). Nation-Building in Post-Soviet Ukraine. Educational Policy and the Response of the Russian-Speaking Population. Utrecht: Royal Dutch Geographical Society.
- Janmaat, J.G. (2006). History and National Identity Construction: The Great Famine in Irish and Ukrainian Textbooks. *History of Education*, 35(3), pp. 345–368.
- Janmaat, J.G. (2011). The Ethnic «Other» in Ukrainian History Textbooks: The Case of Russia and the Russians. In: Касьянов, Г. В. Исторична освіта в полікультурному суспільстві: виклики та перспективи для України. Матеріали міжнародного круглого столу, Київ, 14 липня 2010 р. Київ: Інститут історії України НАН України.
- Jenkins, K. (2003). *Refiguring History. New Thoughts on an Old Discipline*. London: Routledge.
- Kalmus, V. (2004). What Do Pupils and Textbooks Do with Each Other?: Methodological Problems of Research on Socialization through Educational Media. *Journal of curricula studies*, 36(4), pp. 469–485.
- Katchanovski, I. (2005). Small Nations but Great Differences: Political Orientations and Cultures of the Crimean Tatars and the Gagauz. *Europe-Asia Studies*, 57(6), pp. 877–894.
- Krylač, E., Kul'cickii, S. (1999). Die Diskussionen in der Ukraine über die Schulbücher zur Vaterländischen Geschichte. In: I. Keghel, R. Maier

- (Hrsg.), *Auf den Kehrlichthaufen der Geschichte? Der Umgang mit der Sozialistischen Vergangenheit*, Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, S. 161–170.
- Mudryi, M. (2008). The Topic of «Colonial Status» of Ukraine in History Textbooks. In: N. Yakovenko (Ed.), *School History through the Eyes of Scholars-Historians (the Materials of the Working Meeting on Monitoring the School Textbooks in History of Ukraine)*. Kyiv: Olena Teliha Publishing House. <http://osvita.khpg.org/index.php?id=1224505574> (дата обращения: 22.10.2015).
- Pometun, E. (1998). Seminar on the Reform of 20th Century History Curricula in Secondary Schools with Special Reference to Controversial and Sensitive Subjects and the Role of Famous Historical Persons: Yalta, Ukraine, 12–14 May 1998. Report by E. Pometun. [Council of Europe; the Secretary General's New Initiative], Decs/Edu/Hist (98) 58. 17.
- Subtelny, O. (1988). *Ukraine: a History*. Toronto: Toronto University Press.
- Verbytska, P. (2009). *Civic Upbringing of Student Youth. Modern Aspects of Development*. Kyiv: Geneza.
- Volovič, V. (1998). Neue Tendenzen im Bildungssystem der Ukraine. *Internationale Schulbuchforschung. International Textbook Research*, 20(4).
- Yakovenko, N. (2008a). The Image of Self — the Image of the Other in School History Textbooks. In N. Yakovenko (Ed.), *School History through the Eyes of Scholars-Historians (the Materials of the Working Meeting on Monitoring the School Textbooks in History of Ukraine)*. Kyiv: Olena Teliha Publishing House, pp. 64–81. <http://osvita.khpg.org/index.php?id=1224511000> (дата обращения: 22.10.2015).
- Yakovenko, N. (Ed.). (2008b). *The Materials of the Working Meeting on Monitoring the School Textbooks in History of Ukraine*. Compiled and edited by Natalia Yakovenko. <http://osvita.khpg.org/index.php?id=1224512202> (дата обращения: 23.10.2015).
- Білоусько, О. А., Супруненко, О. Б. (2004). *Давня історія Полтавщини (XX тисячоліття до н. е. — V століття): Підруч. для 6 кл. загальноосвітньої школи*. Полтава: Оріяна.
- Верстюк, В. (2011). В: Д. Рибаків, Чому і як треба переписувати історію України www.istpravda.com.ua/articles/2011/01/31/20201/ (дата обращения: 23.10.2015).
- Верховна Рада. (1996). *Конституція України*. Ст. 10.
- Давлетов, А. (2000). Национал-социализм в современных украинских и немецких учебниках по истории: какое место в них отведено показу повседневной жизни? В: *Гісторыя штодзённасці і правы чалавека*, Мінск: Тэхналогія, с. 167.
- Герман, А. (2010). *Вслед за Тойнби. Зеркало недели*, 13(793).

- Гількес, П. (2000). Політика і практика в українській освіті: між радянським спадком та «українізацією». В: Українська історична дидактика: Міжнародний діалог (Фахівці різних країн про сучасні українські підручники з історії), Київ: Генеза, с.134–144.
- Гирич, І. (2000). Чи суперечить національний міф *історичній правді?* // Українська історична дидактика: Міжнародний діалог (Фахівці різних країн про сучасні українські підручники з історії), Київ: Генеза, с. 47–54.
- Грицак, Я. (2000). Як викладати історію України після 1991 року? В: Українська історична дидактика: Міжнародний діалог (Фахівці різних країн про сучасні українські підручники з історії), Київ: Генеза, с. 63–75.
- Ігнатуша, О. М., Ткаченко, В. Г., Турченко, Г. Ф. (2003). Історія рідного краю (Запоріжжя): 1914–1939 рр. 10 клас. Підручник. Запоріжжя: Прем'єр.
- Ільге, В. (2000). Національна історія на прикладі зображення доби Київської Русі в українських підручниках з історії. В: Українська історична дидактика: Міжнародний діалог (Фахівці різних країн про сучасні українські підручники з історії), Київ: Генеза, с. 76–108.
- Кармазіна, М. (2000). Ідеї української державності кінця ХІХ - початку ХХ ст. та їх відображення в шкільних підручниках. В: Українська історична дидактика: Міжнародний діалог (Фахівці різних країн про сучасні українські підручники з історії), Київ: Генеза, с.109–114
- Касьянов, Г. В. (ред.). (2011). Історична освіта в полікультурному суспільстві: виклики та перспективи для України. Матеріали міжнародного круглого столу, Київ, 14 липня 2010 р. Київ: Інститут історії України НАН України.
- Коваль, М. В. та ін. (1991). Історія України. Київ: Освіта.
- Красников, Е. (1995). Новейшая история или новейший обман. Товарищ, 38–39.
- Кульчицький, С. В. (1995). Програма розвитку історичних досліджень, поліпшення вивчення і пропаганди історії УРСР на 1991–2000 роки як історіографічне явище. В: Історична наука на порозі ХХ століття: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (Харків, 15–17 листопада 1995 р.). Харків, 1995, 139.
- Кульчицький, С., Курносов, Ю. А., Коваль, М. В. (1993). Історія України. Пробний підручник для 10–11 класів середньої школи. — Частина 2. Київ: Освіта.
- Міністерство освіти і науки України. (1996). Програми для середньої загальноосвітньої школи: Історія України 5–11 класи, Всесвітня історія 6–11 класи. Київ: Перун.
- Міністерство освіти і науки України. (1998). Програми для загальноосвітніх навчальних закладів: Історія України, Всесвітня історія (нова редакція). 5–11 класи. Київ: Міністерство освіти і науки України.

- Рибак, І. В. (2004а). Історія рідного краю від найдавніших часів до новітньої доби. Навчальний посібник учнів 7–8–9 класів. Кам'янець-Подільський: Абетка-НОВА.
- Рибак, І. В. (2004б). Історія рідного краю, новітньої доби. Навчальний посібник учнів 10–11 класів. Кам'янець-Подільський: Абетка-НОВА.
- Самарин, А. (1995). Что вдалбливают в голову нашим детям. Товарищ, 47.
- Шишкин, И. С. (2010). Фальсификация истории Великой Отечественной войны в учебниках и процесс национально-государственного строительства на постсоветском пространстве. В: Т. С. Гузенкова, В. Н. Филянова (ред.), Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках стран СНГ и ЕС: Проблемы, подходы, интерпретации (Москва, 8–9 апреля 2010 года.): Материалы международной конференции. М: Российский институт стратегических исследований.
- Субтельный, О. (1991). Україна. Історія. Київ: Либідь.
- Турченко, Ф. Г. (1994). Новітня історія України. 1917–1945. Частина 1. Київ: Генеза
- Турченко, Ф. Г., Панченко, П. П., Тимченко, С. М. (1995). Новітня історія України. Частина 2. 1945–1995. Підручник для 11 класу середньої школи. Київ: Генеза

Примечания

- 1 См. обзор последних переизданий трудов М. Грушевского в Baidaus (2009); Baidaus (2010a); Baidaus (2010b).
- 2 Закон Украины «Об образовании» // Ведомости Верховной Рады, 34, 1991, с. 451–452. За последние десять лет к нему был принят ряд поправок.
- 3 См. также Государственная национальная программа «Образование. Украина XXI столетия», утверждена постановлением Кабинета министров Украины от 3 ноября 1993 года.
- 4 Подробнее см. Janmaat (2000), с. 58–84 и 111–116.
- 5 Подробнее о связи между образованием и формированием нации см. Janmaat (2000).
- 6 См. газету Социалистической партии Украины: Красников (1995); Самарин (1995).
- 7 См. интервью с С. Довганем, сентябрь 1996 года, Киевские ведомости (6.09.1996).
- 8 Концепція та програми викладання історії України в школі (проекти). Матеріали IV та V Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України «Концепція історичної освіти»/Н. Яковенко, Л. Ведмідь. Київ: ВД «Стилос», 2009.
- 9 Таблица составлена согласно общеобразовательным программам Министерства образования и науки Украины.

- 10 См. главу «The implementation of central policy» («Реализация централизованной политики»), Janmaat (2000).
- 11 Verbytska, P. History teaching in Ukraine.
- 12 См. Yakovenko (2008b).
- 13 Verbytska, P. The Conflict of Historical Memory as Reflected in History Teaching, country report: case of Ukraine.
- 14 Постановление Кабинета министров Украины «Об утверждении Государственного стандарта начального и полного среднего образования». 23 ноября 2011 года. № 1392, Киев. <http://zakon.nau.ua/doc/?uid=1053.24.0> (дата обращения: 20.10.2015).
- 15 Комаров, Ю. та ін. (2004). Історія епохи очима людини. Україна та Європа у 1900–1939 роках, Навчальний посібник з історії України та всесвітньої історії.

Отношения между
государством и акторами
гражданского общества в
России, Украине и Беларуси

Дмитро Мешков

Историческая политика в Украине после смены власти весной 2014 года

Введение

Как и в большинстве республик бывшего Советского Союза, историческую политику в Украине со времени обретения ею независимости в 1991 году можно охарактеризовать как противоречивую. Глубокий кризис общественных наук, а также отсутствие соответствующих институтов привели к усилению государственного доминирования над культурой памяти, которое особенно в 2000-х годах вызвало несколько историко-политических смен курса, например после «Оранжевой» революции 2004–2005 годов или после вступления в должность Виктора Януковича в 2010 году. В те годы различные политические группировки бесцеремонно использовали ключевые моменты исторического прошлого в собственных целях, что существенно затрудняло не только их объективное осмысление, но и процессы достижения согласия в обществе.

Хотя прошлогодние события в Украине и изменили позицию негосударственных организаций в дискуссиях о прошлом, государство по-прежнему остается главным действующим лицом в этой сфере, тем более что в последнее время его историческая политика может опираться на поддержку большинства.

Испытанным средством усиления идентичности и внедрения определенных точек зрения на историю остаются государственные праздники. Президент или законодательная власть определяют календарь праздников, куда входят официальные государственные праздники, юбилеи и памятные даты, а государственные органы планируют и проводят праздничные мероприятия.

Те немногочисленные важные государственные праздники, которые можно считать, так сказать, каноническими праздниками

и составляющей культуры празднования, могут быть изменены или перетолкованы лишь в ограниченном объеме. Неслучайно они демонстрируют определенное постоянство на всем постсоветском пространстве.

По этой причине в начале каждого года украинский парламент (Верховная Рада) дополняет праздничный канон списком юбилейных и памятных дат, которые должны праздноваться или отмечаться на национальном уровне. 2015 год не стал исключением: указом от 11 февраля Верховная Рада приняла дополнительный список памятных дней, включающий около 60 событий — торжественных или юбилейных дат. Достойные подражания биографии избранных личностей (деятелей культуры, ученых, военных или политиков) или же знаменательные события в течение года будут учтены в массовой и воспитательной работе — в форме публичных выступлений, выставок и пр., в том числе для школьников и студентов. О них также будут сообщать местные и центральные средства массовой информации. Сравнение с подобными парламентскими решениями прошлых лет позволяет сделать выводы о целях и развитии исторической политики нового правительства в последнее время. Наряду с этим списком, в наших наблюдениях будут учтены указы президента, а также соответствующие решения правительства, которые были опубликованы после смены власти год тому назад или же еще находятся в стадии подготовки. Четыре закона об отношении к истории тоталитарных режимов, истории освободительной борьбы в Украине и Второй мировой войне, принятые незадолго до подписания данной статьи в печать, рассматриваются здесь очень кратко.

Историческая политика в тени российско-украинского конфликта

7 января 2015 года премьер-министр Украины Арсений Яценюк вызвал бурю возмущения своим интервью передаче «Tagesthemen» немецкого канала ARD, сравнив нынешний российско-украинский конфликт с наступлением советских войск на Украину и на Германию. Поскольку правительственная пресс-служба не высказала своей позиции в ответ на последующие вопросы, разъяснения вынужден был давать директор Украинского института национальной памяти Владимир Вятрович. Он пояснил, что Яценюк

имел в виду события января 1918 года, когда войска большевиков из Советской России вошли в Украину. Остается неясным, насколько эта интерпретация соответствует тому, что имел в виду Яценюк. Однако данное Вятровичем разъяснение отчетливо показывает, как трактуется российско-украинский конфликт с историко-политической точки зрения.

Согласно этой трактовке, бои на Донбассе и аннексия Крыма преподносятся и понимаются как решающая битва в столетней освободительной войне против российского колониализма и против великодержавных притязаний Москвы. При этом охотно проводятся исторические параллели с судьбой недолго просуществовавшей Украинской Народной Республики (УНР), армия которой сражалась с «российско-большевистскими» войсками. Очень сложные общественные процессы, происходившие на украинских территориях с 1918 по 1921 год, в популярных исторических интерпретациях сводятся к военным и этническим аспектам и представляются как война украинцев за независимость против российских большевиков. При таком рассмотрении значимость УНР существенно повышается, в отличие от Украинской Советской Социалистической Республики. В законе «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического тоталитарных режимов ...» от 9 апреля 2015 года коммунистический режим, существовавший в Украине с 1917 по 1991 год, назван преступным, а восстановленная в 1991 году независимость должна продолжить историю УНР.

Стоит ли удивляться тому, что 11 февраля 2015 года парламент принял решение почтить память еще четырех военачальников армии УНР, а также ознаменовать 95-летие Варшавской битвы, в которой Красная Армия потерпела поражение, сражаясь с польско-украинскими войсками. Превознесение победных исторических моментов, а также их медийная пропаганда относятся к правительственной программе по укреплению украинской армии.

После аннексии Крыма и начала военного конфликта на Донбассе президент принял и другие решения в отношении государственных праздников, которые должны были подчеркнуть отход Украины от советского наследия. Два из этих решений особенно символичны. Во-первых, наряду с 9 мая, традиционным Днем Победы в «Великой Отечественной войне» (по-украински «День Перемоги»), Порошенко своим указом от 8 мая 2015 года ввел «День памяти и примирения». Во-вторых, он отменил «День защитника отечества» (изначально отмечавшийся как «День Советской Армии и Воен-

но-Морского флота»). По старой советской традиции этот праздник отмечался в Украине, как и в России, 23 февраля. Новый «День защитника Украины» был введен тем же указом, он должен был отмечаться 14 октября. В этот день православные христиане и униаты празднуют Покров пресвятой Богородицы, которую, в частности, почитали запорожские казаки как свою защитницу. С 1999 года праздник Покрова пресвятой Богородицы одновременно является и днем украинского казачества. На эти традиции указал Порошенко в своем обращении после подписания указа. Хотя праздник Покрова не менее известен также как день Украинской повстанческой армии (УПА), этот факт в обращении президента не был упомянут, так как отношение к УПА неоднозначно в различных регионах Украины.

Еще не совсем ясно, насколько прочно войдет новый праздник в украинский календарь, потому что 23 февраля — в тандеме с Международным женским днем (8 марта) — был одним из самых любимых советских праздников. Предварительно можно отметить, что общественная реакция на решение президента с учетом роли российской армии в аннексии Крыма, а также в конфликте на Донбассе, довольно позитивна.

Украинский институт национальной памяти

Важнейшие институциональные рамочные условия для проведения новой исторической политики были созданы в 2014 году после досрочных президентских и парламентских выборов. Партии Порошенко и Яценюка, имеющие большинство в новом парламенте, обязались в своих программах укреплять украинскую идентичность и национальную память. Для разработки соответствующих законов в парламенте было создано межфракционное депутатское объединение «Память и взаимопонимание», которое тесно сотрудничает с Институтом национальной памяти.

Этот институт был основан в 2006 году по инициативе президента Ющенко. Во время президентства Януковича им руководил коммунист, и деятельность этого учреждения практически сошла на нет. Заново учрежденный после недавней смены власти институт теперь имеет гораздо большие полномочия и является центральным государственным ведомством по историко-политическим вопросам. С марта 2014 года им руководит Владимир Вятро-

вич, украинский историк и архивариус. Основная тема его научной деятельности — история украинского национального движения во время Второй мировой войны. Его последняя книга по данной тематике вызвала критические оценки как среди западных, так и среди российских историков.

Так как Украинский институт, в отличие от его польского аналога (*Institut Pamięci Narodowej*), до сих пор не располагает собственным архивом документов, основную задачу своей деятельности он видит в «воссоздании национальной памяти и национального сознания». Он активно участвует в десоветизации общественного пространства (демонтаж памятников Ленину, переименование улиц и т. д.), в подготовке целого ряда парламентских и правительственных решений, а также в разработке принятых 9 апреля указов. Один из этих законов — «О доступе к архивам репрессивных органов» — предусматривает создание специального архива при институте. Защиту личных данных при использовании архивных документов закон отменяет. Более ранние планы директора института собрать в институтском архиве (частичные) фонды из локальных архивов критикуются в профессиональных кругах как нарушение принципа неделимости сохранившихся фондов, а также как практическая невыполнимая задача в плане логистики; недавно такая критика была высказана в открытом письме Союза архивистов Украины.

История средневекового государства Киевская Русь остается спорной

Решение украинского парламента от 11 февраля о том, чтобы в этот день торжественно почтить память киевского князя Владимира по случаю тысячелетия со дня его смерти утвердил опубликованный две недели спустя указ президента. В этом документе не только в очередной раз отмечается важная роль средневекового государства и князя Владимира в возникновении украинской нации и в тысячелетней традиции государственности, но также впервые в официальном тексте используется название «Украина-Русь», которое в начале XX века украинский историк и политик Михаил Грушевский применил в своем фундаментальном труде, чтобы выразить непрерывность исторического развития на украинских территориях от Средних веков до Нового времени.

Эти решения резко критиковались в Москве как попытка использовать историю Киевской Руси в своих целях, в частности, представителями антимайданного движения. После высказывания президента Путина о сакральном значении Крымского полуострова для всех русских, так как на нем якобы крестился причисленный к лику святых князь Владимир, эта тема дала еще больше поводов для конфликта. Предварительно согласованный с президентом Януковичем праздник под эгидой православной церкви московского патриархата в Украине не состоялся. Летом следует ожидать повышенного интереса к этой теме в украинских и российских средствах массовой информации.

История крупного города, прочитанная заново

Еще один пункт из списка памятных и юбилейных дат говорит многое о новейших тенденциях в украинской исторической политике.

Каждый год в сентябре отмечается праздник основания города Одессы. Однако с 2015 года, ссылаясь на документальные записи, датой возникновения города считают не 1794 год, а 1415. Ранее на месте Одессы находилось небольшое поселение Кочубей (по-тюркски: Хаджибей), которое позже, под османским владычеством, стало крепостью. Возникновение и существование портового поселения задолго до присоединения к России никогда не подлежало сомнению и хорошо задокументировано письменными свидетельствами и археологическими находками. И все-таки в коллективной памяти основание Одессы связано исключительно с осадой Хаджибея российской армией и с присоединением к России всего Северного Причерноморья.

Предложение отпраздновать в текущем году 600-летие Одессы не ново и является гражданской инициативой местных жителей, среди которых есть и несколько одесских историков. За решением парламента поддержать эту инициативу и организовать юбилейные торжества можно усмотреть попытку поощрить проукраински настроенных горожан, противодействовать спекуляциям о Новороссии, которая должна «вернуться» в Россию, а также поставить под вопрос миф об Одессе как «русском городе». При этом история Одессы имеет значение лишь постольку, поскольку в период с 1820-х по 1870-е годы город был центром Новороссийского генерал-губернаторства. Эта политико-административная единица охватывала

тогда три губернии — Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую — то есть, все нынешние украинские территории у Черного и Азовского морей. При переносе даты основания города почти на 400 лет назад отправная точка истории города оказалась бы совсем в иной эпохе, а именно в эпохе Польско-Литовского государства, которое занимает центральное место в украинском национальном нарративе, служа мостом между Киевской Русью и досовременным казачьим государством.

С научной точки зрения городские юбилеи редко имеют надежное обоснование, но в широких слоях населения они пользуются огромной популярностью как масштабные, хорошо посещаемые народные гуляния. Остается только ждать, удастся ли в этот раз организаторам убедительно преподнести людям новое историческое содержание. С учетом напряженной ситуации в городе вследствие трагических событий 2 мая 2014 года нельзя исключить того, что намерение отметить юбилей поляризует общество. Симптомом такого развития событий можно считать новость, что городской совет пытается подстраховаться, заручившись решением суда. Горсовет поручил местному суду проверить решение парламента, прежде чем приступить к подготовке праздника. Беспокойство вызывает и сообщение, что историк, входящий в инициативную группу, недавно подвергся нападению на улице.

Память о войне становится войной символов

Действующий с 2000 года закон «Об увековечивании победы» закрепил традиционную с советских времен точку зрения на события Второй мировой войны. Эта точка зрения базировалась на представлении о народе-победителе, одержавшем решающую победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 годы).

В законе «Об увековечивании победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов», который был инициирован правительством и 9 апреля 2015 года принят парламентом, Великая Отечественная война и народ-победитель больше не упоминаются. С вступлением в силу нового закона прежний закон от 2000 года отменяется. День победы в Великой Отечественной войне, отмечаемый 9 мая, согласно новому закону, переименовывается в «День победы над нацизмом во Второй мировой войне» и низводится до одной из многих форм увековечивания победы. Теперь 8 мая должен праздни-

ваться «День памяти и примирения». Тогда как в этот день должно вспоминать о жертвах войны, 9 мая следует почитать еще живущих ветеранов, как сказал в интервью президент Порошенко. С уходом из жизни ветеранов войны значимость этого праздника снизится.

Такое преобразование государственных празднеств, посвященных победе союзников в Европе во Второй мировой войне, следует рассматривать как попытку преодоления советской традиции путем примыкания к (восточно-)европейской традиции памяти. Для Украины это важно постольку, поскольку это позволяет ей включить в свой военный нарратив события, происходившие на восточно-польских территориях с 1939 по 1941 годы, а также освободительную борьбу УПА во время германо-советской войны и после нее.

С принятием нового закона украинское правительство явно дистанцируется от Дня Победы, который в последнее время используется в целях пропаганды и мифологизируется. Этим украинские власти недвусмысленно противостоят притязаниям режима Путина на монополию в истолковании военных событий. Данная полемика ведется и на визуальном уровне. Примерно в течение года черно-оранжевой полосатой георгиевской ленточке, которая из России порой агрессивно распространяется и за рубежом, на Украине противопоставляется новая символика памяти о жертвах войны. На прошлой неделе Владимир Вятрович и первая леди страны представили символ, очень похожий на британский мак, известный как знак памяти о жертвах Великой войны. Эта символика должна заменить георгиевскую ленточку, которая после начала войны на Донбассе и так отвергается большинством украинцев.

Заключение

Российско-украинский конфликт, не в последнюю очередь, обусловлен различными представлениями о прошлом, поэтому является существенным фактором при анализе украинской исторической политики. Ее реализация при этом чревата двояким эффектом: с одной стороны, эта политика мобилизует, поддерживая и укрепляя идентичность, с другой же, связанный с ней риск для и так нестабильной украинской государственности ведет к тому, что в исторической политике поддерживающая государственный порядок, а теперь также подчеркнута военная риторика постоянно выдвигается на передний план, часто за счет других важных аспектов.

Однако этот конфликт также облегчил принятие некоторых политических решений. После отмены в октябре 2014 года «Дня Советской армии» преобразование и перетолкование «Дня Победы» стало важнейшим вмешательством в традиционный украинский праздничный канон, сформированный в советское время. Какое влияние окажут эти решения на культуру памяти в Украине, еще нужно выяснить. В любом случае, такие изменения представляют собой самую решительную попытку со времен обретения независимости отказаться от (пост)советского календаря или же от постсоветского прошлого и, тем самым, уменьшить влияние России.

Законы от 9 апреля 2015 года являют собой водораздел в украинской исторической политике и будут определять ее в обозримом будущем. Без сомнения, эти законы будут в скором времени подписаны президентом и вступят в силу. А изучить их еще предстоит.

Перевод с немецкого: Алла Кюршнер.

Впервые опубликовано под названием «Die Geschichtspolitik in der Ukraine seit dem Machtwechsel im Frühjahr 2014» в «Ukraine-Analysen», 142, с. 17–21 (2014).

Дмитро Мешков — сотрудник проекта и внештатный преподаватель Института новой и восточно-европейской истории Фрайбургского университета.

Литература

- Bredies, I. (2010). Volle Fahrt zurück! Richtungswechsel in der Geschichts- und Identitätspolitik. *Ukraine-Analysen*, 75, S. 2–10. www.laender-analysen.de/ukraine/pdf/UkraineAnalysen75.pdf (дата обращения: 22.11.2015).
- Alwart, J.M. (2010). Umdeutung des «nationalen Heiligtums». Aktuelle erinnerungskulturelle Kontroversen um Taras Schewtschenko. *Ukraine-Analysen*, 81, S. 2–7. www.laender-analysen.de/ukraine/pdf/UkraineAnalysen81.pdf (дата обращения: 22.11.2015).
- Liebich, A. & Myshlovska, O. (2014). Stepan Banderas Nachleben wird gefeiert. *Ukraine-Analysen*, 140, S. 2–6. www.laender-analysen.de/ukraine/pdf/UkraineAnalysen140.pdf (дата обращения: 22.11.2015).

Таблица 1: Нормативно-правовые акты, определяющие украинскую историческую политику после смены правительства в феврале 2014 года

Дата	Нормативно-правовой акт	Номер	Название
21.07.2014	Указ президента	608/2014	О праздновании 23-й годовщины независимости Украины
14.10.2014	Указ президента	806/2014	О Дне защитника Украины
28.10.2014	Указ президента	829/2014	Об установлении отличия Президента Украины – медали «70 лет освобождения Украины от фашистских захватчиков»
29.10.2014	Указ президента	830/2014	О мероприятиях в связи с Днем памяти жертв голодоморов
22.12.2014	Указ президента	948/2014	О праздновании в 2015 году Дня Соборности Украины
11.02.2015	Постановление Верховной Рады	1752	О праздновании памятных дат и юбилеев в 2015 году
25.02.2015	Указ президента	107/2015	О чествовании памяти князя Киевского Владимира Великого создателя средневекового европейского государства Руси-Украины
18.03.2015	Указ президента	148/2015	О Дне Национальной гвардии Украины*
24.03.2015	Указ президента	169/2015	О мероприятиях по празднованию в 2015 году 70-й годовщины Победы над нацизмом в Европе и 70-й годовщины окончания Второй мировой войны
09.04.2015	Закон	2538-1	О правовом статусе и чествование памяти борцов за независимость Украины в XX веке
09.04.2015	Закон	2539	Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов
09.04.2015	Закон	2540	О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов
09.04.2015	Закон	2558	Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики

* Празднование проходит 26 марта. Указ отменил День в внутренних войск Министерства внутренних дел Украины.

Источник: Составлено автором.

Таблица 2: Результаты голосования о принятии законов Украины, регулирующих историческую политику, 9 апреля 2015 года

Нормативно-правовой акт	Инициатор	Дата внесения	За	Из них члены коалиции*	Против	Воздержались	Отсутствовали
О правовом статусе и чествование памяти борцов за независимость Украины в XX веке	Юрий Шухевич (Радикальная партия Олега Ляшко)	07.04.2015	271	241	0	52	99
Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов	Арсений Яценюк (премьер-министр Украины)	03.04.2015	261	231	0	53	108
О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов	Арсений Яценюк (премьер-министр Украины)	03.04.2015	261	232	0	57	102
Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики	13 депутатов (7 от Радикальной партии Олега Ляшко; 3 от Самопомичи; по одному от Народного фронта, «Родины» и блока Петра Порошенко)	06.04.2015	254	229	0	53	115

* Блок Петра Порошенко, Народный фронт, Объединение Самопомич, партия «Родина» и Радикальная партия Олега Ляшко

Источник: www.rada.gov.ua. Составлено редакторами «Ukraine-Analysen».

Константин Кель, Беньямин Куммер, Фолькер Тен

Как поддержать гражданское общество России в беспокойные времена? Результаты опроса стейкхолдеров

Введение

На фоне украинского кризиса и решений российских законодателей, все больше сводящих некоммерческий неправительственный сектор в России к формуле «социальный или политический», на Западе вновь активно ведутся дискуссии о роли и потенциале развития гражданского общества в России. Вслед за законом об иностранных агентах, вступившим в силу в 2012 году, в прошлом году были приняты новые законодательные нормы, разграничивающие некоммерческие организации (НКО) на «социально ориентированные» и «политические», а также облегчающие установление статуса «иностранного агента». Все это можно интерпретировать как попытку разделить гражданское общество на «хорошее» и «плохое». Поэтому для некоторых наблюдателей современных событий становится очевидным, что инициативы и организации вокруг оппозиционного движения нуждаются в поддержке. Однако, поговорив с представителями организаций, которые занимаются благотворительной деятельностью в стране или же иным образом вносят свой вклад в решение социальных проблем, вполне можно найти и альтернативные стратегии (предлагаемые также компетентными специалистами российского гражданского общества). По сути, эти стратегии, опираясь на разграничение между представителями сферы (социальных) услуг и политическими акторами в широком смысле этого слова, нацелены на наращивание профессионального потенциала первых.

Гражданское общество и третий сектор в России

Понятия «гражданское общество» и «третий сектор» часто употребляются как синонимы, хотя они описывают две различные грани гражданской самоорганизации и два разных направления деятельности организаций. Так, концепция третьего сектора подразумевает предоставление социальных услуг и концентрируется на негосударственных и нерыночных (бесприбыльных) организациях, которые вносят вклад в общее благо с помощью социальных и благотворительных услуг и не рассматривают получение экономической прибыли как свою приоритетную цель. Термин «гражданское общество», в свою очередь, отсылает скорее к представлению о политике, подчеркивающему права и возможности граждан — как каждого в отдельности, так и в организованной форме — выступать за свое общество, за свои интересы и ценности. Данный род деятельности неправительственных организаций (НПО) можно в первую очередь отделить от иерархических государственных структур.

Две вышеназванные концепции отсылают к двум полюсам *идеального* континуума, между которыми формируется организация, занимающаяся общественной деятельностью. В то время как третий сектор отличается «системно-функциональным» подходом и располагается между государством, рынком и семьей, концепция гражданского общества, ориентированная скорее на действие и взаимодействие, обращается к вопросам самоорганизации, участию в принятии решений и защите прав и интересов. В то же время эти два способа интерпретации не противоречат друг другу, а лишь подчеркивают тот или иной лейтмотив в общественном дискурсе. Поэтому отдельные организации, как правило, не относятся исключительно к одному из данных типов, а сочетают в своих действиях и уставных целях элементы обеих концепций в различных комбинациях. Однако в целях упрощения их можно условно причислить к одному из этих руководящих принципов деятельности.

Мы воспользуемся этим разграничением для того, чтобы провести аналитическую грань в масштабном и неоднородном гражданском обществе и третьем секторе в России. Итак, мы предполагаем, что большинство российских организаций, ориентированных на общее благо, относятся к одному из двух типов:

1. Организации, предоставляющие *социальные услуги*: помощь престарелым, попечительство о бедных, профилактика зависимости и др. Подобные услуги могут предоставляться также социаль-

ными учреждениями, коммерческими предприятиями, а также неформально частными лицами (см. Anheier, 2014).

2. Организации, которые могут быть названы *политическими* в широком смысле слова. Они выступают в общественных дискуссиях или же в конкретных процессах принятия решений непосредственно в поддержку определенных идей, интересов, социальных групп *либо* косвенно приводят к изменению восприятия и толкования проблем, создавая общественное пространство для совместной реализации стилей жизни, личных пристрастий, убеждений и мировоззрений, т. е. в конечном итоге создают предпосылки для накопления социального и культурного капитала.

Эти организации придают легитимность такому пониманию гражданского общества, при котором во взаимосвязях между политической и общественностью есть место для личного (см. Offe, 2000).

В России за последние два десятилетия появился широкий спектр организаций, занимающихся различными вопросами общего блага. В отличие от организаций третьего сектора, посвящающим себя прежде всего социальной и благотворительной деятельности, истинным акторам гражданского общества сложно укрепить свои позиции ввиду сложившихся исторических и культурных традиций (особенно как следствие советского периода), а также из-за современной политической ситуации в целом. Вот почему западные наблюдатели задаются вопросом, как лучше поддержать российское гражданское общество, учитывая социальные и политические условия в стране и не пытаясь импортировать переполненные нормативами (западное) представление о солидарности и гражданском обществе.

Было бы слишком поверхностно, исходя из проблем некоторых организаций, делать выводы о необходимости поддержки *исключительно* организаций, занимающихся активной политической деятельностью, например в оппозиционной или профсоюзной среде. Нельзя с уверенностью сказать, что подобные стратегии будут увенчаны успехом. В любом случае их успех был бы трудно измерим и скорее всего связан с рисками. В качестве альтернативы можно предложить долгосрочную поддержку секторной инфраструктуры по принципу общего *наращивания потенциала* (*Capacity Building*), которое, выходя за рамки поддержки устоявшихся структур сферы услуг, косвенно имело бы также положительное влияние на гражданское общество (то есть способствовало бы дальнейшему развитию публичного пространства для самоорганизации гражданского общества и формированию характерной для России

культуры общего блага). К такому выводу мы пришли в результате нашего исследования, в основе которого лежали десять полуформализованных интервью, проведенных нами в прошлом (2014) году, на тему гражданского общества и третьего сектора в России (см. Kehl, Kummer, Then, 2015). В интервью участвовали исследователи и признанные специалисты из фондов, неправительственных и благотворительных организаций. Большинство респондентов живут в Москве и/или обладают соответствующим городским и «политическим» взглядом.

Слабость гражданской активности

Стейкхолдеры — то есть акторы, которые, являясь представителями фондов, неправительственных и благотворительных организаций, интересуются российским гражданским обществом и/или как компетентные специалисты могут рассказать о представлениях в данной сфере, — считают неопровержимым фактом, что не в последнюю очередь Советский Союз оставил глубокий след в коллективном самосознании и в институциональных предпосылках форм самоорганизации гражданского общества. На политической и гражданской культуре отразилось как сильное влияние государства, так и гражданское самосознание, которому, в общем-то, чужда активность во имя общего блага, выходящая за пределы местных и личных контекстов. В результате в России по сей день существует лишь незначительное пространство для общественной самоорганизации, а там, где оно существует, население не всегда использует его. Это подтверждают исследования, согласно которым всего около 6% населения России регулярно жертвует деньги на благо гражданских организаций (или третьего сектора). По сравнению с другими государствами это крайне низкий показатель. А регулярно проявляет гражданскую активность менее чем каждый пятый россиянин (см. CAF, 2013). Похоже, что сфера гражданского общества в культурном плане (еще) не утвердилась в российском самосознании между государственным, экономическим и личным секторами. Один из наших собеседников выразил это следующим образом:

«Это наследие советского периода: общество не привыкло, что вообще существует нечто между государством и личной жизнью. Этого свободного пространства до сих пор просто не было!»

Другой респондент высказался более жестко:

«Я думаю, что в нашей ментальности — в менталитете россиян — не существует концепции «гражданского общества»».

Неблагоприятное развитие в период трансформации

Годы трансформации принесли с собой небывалые свободы, но в то же время привели большую часть населения в крайнее замешательство. Новая свобода сопровождалась правовой нестабильностью, которая многим внушала страх вместо того, чтобы содействовать их гражданской активности. Поэтому решающим импульсом для развития третьего сектора в 1990-е годы послужили зарубежные фонды, которые взяли на себя подготовительную работу и привели в страну инвестиции. Такое содействие формированию структуры и культуры гражданского общества нередко проходило по нормативной схеме западных финансирующих институтов — это была доброжелательная инициатива, принимающая часто миссионерский характер. Кроме того, третий сектор получил сомнительную репутацию из-за фейковых организаций, преследовавших в действительности личные, коммерческие, а порой и криминальные цели. И без того слабое доверие населения к данному сектору продолжало снижаться; одновременно велась критическая дискуссия об активной деятельности зарубежных фондов в российском обществе. В наших интервью по этому поводу можно прочесть следующее:

«Люди редко доверяют друг другу. Это то, что я замечаю в своей работе: Если приходит кто-то чужой извне и говорит: «Давай возьмемся за это дело», то люди не верят, что это действительно хорошее дело, что никто не пытается заработать на этом деньги, извлечь для себя выгоду, что речь действительно идет о другом человеке, о ближнем, о хорошем деле. То же самое можно сказать и об организациях».

И все же, согласно данным Мерсияновой и Якобсона (Mersijanowa, Jakobson, 2010, с. 10) в России существует 136 тыс. организаций, которые без сомнения можно отнести к третьему сектору. При этом речь идет прежде всего о небольших организациях, многие из кото-

рых сталкиваются с проблемой финансирования. Крупные, финансово обеспеченные организации являются исключением.

Сфера социальных услуг против политических акторов?

Проводя анализ третьего сектора и структур гражданского общества с учетом двух приведенных выше типов организаций — по принадлежности к сфере социальных услуг или к правозащитным структурам, — можно выделить лишь несколько организаций, о которых с точностью можно сказать, что они посвятили себя политическим темам или же публично выступают с критикой системы (как это делают, к примеру, правозащитные организации). Число организаций, которые, работая в сфере социальных услуг, отвечают на вызовы благотворительности в стране, намного больше. Этим организациям, называемым правительством «социально ориентированными», удалось за последние годы благодаря своей деятельности создать себе более хорошую репутацию и вернуть сектору утраченное доверие.

Правда, за время президентства Путина изменился и дифференцировался политический настрой по отношению к третьему сектору. Политическое отношение к гражданскому обществу также можно представить с помощью категорий социальных услуг с одной стороны и защиты прав и интересов — с другой: у «социально ориентированных» организаций теперь появилась возможность получать значительную финансовую поддержку от государства. Организации же, чья деятельность направлена на сохранение структур правового государства или на критику работы правительства, согласно нашим респондентам, напротив, подвергаются строгому контролю и сталкиваются в своей деятельности с серьезными препятствиями.

Правительство Ельцина в 1990-е годы, судя по всему, делало немного *для*, но и немного *против* организаций третьего сектора в России. В период президентства Путина у этих организаций появилась возможность привлечь к себе много внимания (см. Henderson, 2011). Путин часто обращает внимание на значимость третьего сектора, причем данная положительная оценка главным образом относится к «социально ориентированным» организациям. Критическое же гражданское общество, напротив, рассматривается властями

намного критичнее, как часто подчеркивается в наших интервью. В качестве примера приводим здесь следующее высказывание:

«Я думаю, что политические силы России — и здесь прежде всего государство — заинтересованы в сохранении своей монопольной власти и сделали выводы из опыта утраты власти в дружественных коммунистических странах. Везде, где в Восточной Европе дело дошло до утраты власти, она произошла потому, что руководству страны, правительству не удалось удержать сопротивление против политических сил в рамках, остановить его, прежде чем оно стало таким сильным, что могло росчерком пера сдвинуть общественную ситуацию в сторону. А это значит [...]: гражданское общество мешает нынешнему российскому правительству продолжать начатую им работу».

Роль российского государства

Но это лишь одна сторона медали. С другой стороны, уже несколько лет наблюдается массивное расширение деятельности государства по финансированию организаций, занимающихся решением социальных проблем. Этим «социально ориентированным» организациям государство с давних пор предоставляет возможность участия в конкурсах на реализацию собственных общественно значимых проектов. Таким образом, политики и администрация выделяют ориентацию на социальные темы как образцовую модель для третьего сектора и (гражданского) общества, что также подтверждается нашими респондентами:

«Что хотят подчеркнуть российские власти и все эти эксперты в целом — это то, что гражданское общество существует в первую очередь для того, чтобы заниматься социальными темами: социальной безопасностью и помощью нуждающимся. Это, так сказать, лейтмотив гражданского общества. [...] На высшем государственном уровне — то есть президентом — отмечается, что основной целью деятельности организаций третьего сектора являются социальные вопросы. [...] Стало быть, если НПО хочет соответствовать тенденции, она должна придерживаться «социальной ориентации»».

В прошедшие годы правительство Путина начало внедрять соответствующие структуры поддержки проектов. Такая поддержка обеспечивается, с одной стороны, президентскими грантами, с другой стороны, инструментами министерств. В соответствии с данной стратегией в 2014 году были приняты новые законодательные нормы, разграничивающие «социально ориентированные» и «политические» организации и облегчающие установление статуса «иностранный агент». При этом в ходе нашего исследования сложилось впечатление, что кроме прочего предпринимается попытка разделить гражданское общество на «хорошее» и «плохое».

Последствия украинского кризиса

В настоящее время сложно делать прогнозы относительно будущего гражданского общества и третьего сектора в России, особенно на фоне событий в Украине, усиления националистических тенденций, а также отгораживания России от зарубежных акторов, о котором нам рассказали стейкхолдеры во время интервью. И все же приведенные ниже результаты эмпирического исследования дают возможность оценить эту столь нестабильную на данный момент сферу:

- Прежде всего, нужно отметить общее замешательство среди организаций относительно действий правительства, которые отличаются в первую очередь непредсказуемостью. Данное состояние характерно скорее для политических, чем для «социально ориентированных» организаций, что неудивительно. Украинский кризис и усиление националистических тенденций в политике и обществе приводят к тому, что организации, выступающие за общественный плюрализм или занимающиеся критическими темами, все чаще сталкиваются в своей деятельности со сложностями.
- В ходе украинского кризиса существенно ухудшились политические связи России с ее западными соседями. Такое развитие событий привело к существенной утрате доверия и ухудшению атмосферы, которая долгое время была благоприятной.
- Оказание поддержки политическому сектору со стороны зарубежных инвесторов стало (особенно с принятием закона об иностранных агентах в 2012 году) чрезвычайно сложным делом. Вполне вероятно, что данная политика не изменится ни в краткосрочной, ни в среднесрочной перспективах.

- Государственная поддержка «социально ориентированных» организаций будет, скорее всего, продолжаться и, возможно, даже расширяться. Таким образом, акторы, получающие государственные гранты, приобретают дополнительный потенциал развития. Причем существует опасность, что их финансирование будет обуславливаться верностью властям. Дальнейшее развитие данной политики в значительной степени зависит от будущего экономического развития страны, так как вопрос продолжения финансирования решают, прежде всего, поступления из энергетического сектора.

Перспективы гражданского общества и третьего сектора

Каковы возможности поддержки российского гражданского общества и третьего сектора в данном контексте? Обязывает ли «демократическая ориентация» к оказанию особой поддержки организациям, занимающимся политической деятельностью?

Если верить нашим респондентам, то это не лучший путь. Многие наблюдатели действительно считают сотрудничество с частью гражданского общества, занимающейся защитой прав и интересов, весьма желательным. Но на данный момент нет никакой уверенности, что сотрудничество с критично настроенными или оппозиционными акторами в обход административных органов будет увенчано успехом. К тому же такой подход связан с риском для всех сторон. И причина тому — не только, а может быть, даже не столько политика Кремля, сколько общие настроения в стране. Альтернатива заключается в поддержке и дальнейшем развитии сферы услуг данного сектора. Такая стратегия следует идее, согласно которой общее *наращивание потенциала* — то есть расширение возможностей действия с помощью развития компетенций и инфраструктуры — косвенно помогает организациям, занимающимся в первую очередь решением социальных проблем, в формировании «совместного голоса», который опосредованно будет оказывать и политическое влияние. Необходимо придать данным организациям профессионализма, предоставив им тем самым возможность достойно участвовать в «большой игре» — к примеру, в борьбе с государством и рынком за ресурсы. Как раз об этом идет речь в последней цитате из наших интервью:

«Необходимо профессионализировать сектор [...] Ведь действительно существуют люди, которые хотят работать в этом секторе. Не хватает, однако, подготовительных программ. Люди приходят в этот сектор из совсем других областей, необязательно из сферы НПО. И еще: сектор НПО все чаще конкурирует не только с предприятиями, но и с государством, выступающим в роли работодателя, в борьбе за профессиональных сотрудников. А ведь государство — хороший работодатель. Сектор НПО сейчас пытается занять свое место на рынке труда. Поэтому так важна профессионализация сектора».

Следовательно, поддержка необходима в следующих областях:

- **Развитие и профессионализация организаций:** потенциал развития персонала и профессионализации многих акторов находится на весьма низком уровне, несмотря на то, что они берут на себя центральные социальные задачи и при этом подбирают персонал на высококонкурентном рынке труда. Повышение профессионализма в организации процессов и развития может сыграть решающую роль для дальнейшего развития сектора.
- **Вузовские структуры повышения квалификации и кооперации:** курсы подготовки в области некоммерческого менеджмента и филантропии в России практически отсутствуют. Это приводит к сложностям при подборе персонала. Одновременно возникают препятствия на пути передачи знаний, разработки инновационных концепций и развития дискуссий внутри сектора. Необходимо развивать научные институты в стране, но в то же время расширять сотрудничество с зарубежными вузами.
- **Программы международного обмена:** межкультурный обмен приветствуется всеми сторонами и представляет собой эффективную форму достижения взаимопонимания вдали от дипломатического порядка; здесь дружба народов зарождается и становится «реальной» благодаря встречам конкретных людей. Такие формы создания доверительных отношений могут возникать и развиваться благодаря проектам партнерства между городами, программам обмена и грантам мобильности.
- **Объединение организаций в сетевые структуры:** многие организации в России (все еще) видят друг в друге скорее конкурентов, чем партнеров. Сотрудничество и сетевые структуры внутри сектора способствуют передаче знаний, приобретению навыков, делают сектор более видимым для общественности и облегчают

формирование совместного (политического) голоса. Это следует поддерживать.

- **Повышение уровня доверия в обществе:** основной задачей некоммерческих и неправительственных организаций остается повышение уровня доверия в обществе посредством собственной работы. В этом плане уже кое-что сдвинулось с места. Но все же необходимо донести до общества роль и ценности гражданского общества. Это по-прежнему остается непростой задачей.
- **Долгосрочное сотрудничество на равных:** важно планировать сотрудничество с российским гражданским обществом и третьим сектором на длительный срок, видеть в российских организациях стратегических партнеров и ожидать от них именно столько активности, сколько права на самоопределение и свободы действий мы предоставляем им взамен.

Принимая во внимание описанные в начале статьи интервенции западных акторов в 1990-е годы, отчасти воспринимавшиеся впоследствии как (пусть даже доброжелательное) «вмешательство», наши респонденты надеются, что, применяя представленные выше стратегии, зарубежные организации будут более внимательно учитывать местные социальные и политические условия и при этом возьмут на себя скорее роль модератора. Таким образом, данные стратегии представляются нам возможным способом поддержки российского гражданского общества в это весьма неспокойное время. Мы попытались найти возможные способы укрепления гражданских инициатив в обществе, в котором на данный момент царят скорее неблагоприятные в этом плане условия.

Посредством *наращивания потенциала* организации сферы услуг могли бы в рамках нынешней политической системы чаще выполнять действенную «функцию голоса». Подобные стратегии не отвергают гражданское общество, направленное на защиту прав и интересов, и не легитимируют политику Кремля. Как раз наоборот. Благодаря проектам профессионализации и сотрудничества будут укрепляться инфраструктура и силы самоорганизации гражданского общества, что в лучшем случае приведет к формированию политически весомого голоса. При этом могут быть затронуты не только организации, признанные «социально ориентированными», но и весь спектр акторов социальной сферы, чья деятельность нацелена на общее благо. В то же время, сотрудничая с государственными структурами и становясь благодаря своей работе незаменимыми, организации третьего сектора приобретают

влияние. Чем выше уровень профессионализации данных организаций, чем точнее третий сектор выработает свою идентичность, чем настойчивей он выступает с общей программой, тем больше будет возможностей влияния на политические процессы. То есть в какой-то степени речь идет о содействии развитию гражданского общества «окольными путями» — посредством укрепления третьего сектора в роли сильного представителя сферы услуг.

Перевод с немецкого: Ольга Хорн.

Впервые опубликовано под названием «Wie kann die russische Zivilgesellschaft in unruhigen Zeiten unterstützt werden? Antworten aus einer Stakeholder-Befragung» в «Russland-Analysen», 296, с. 7–12 (2015).

Константин Кель — начальник отдела трансфера и консультаций Центра социальных инвестиций (CSI) Гейдельбергского университета.

Фолькер Тен — исполнительный директор Центра социальных инвестиций (CSI) Гейдельбергского университета.

Беньямин Куммер — политолог, сотрудник Центра социальных инвестиций (CSI) Гейдельбергского университета.

Литература

Anheier, H. K. (2014). *Nonprofit Organisations: Theory, Management, Policy*. (2nd ed.). London/New York: Routledge.

Anheier, H. K., Kehl, K., Mildener, G., Spengler, N. (2011). *Zivilgesellschafts- und Engagementforschung: Bilanz, Forschungsagenden und Perspektiven*. In: Priller, E., Alscher, M., Dathe, D., Speth, R. (Hrsg.), *Zivilengagement. Herausforderungen für Gesellschaft, Wissenschaft und Politik*, Münster: Politik und Wissenschaft, S. 119–134.

Charities Aid Foundation (CAF). (2013). *World Giving Index 2013: A global view of giving trends*. www.cafonline.org/docs/default-source/about-us-publications/worldgivingindex2013_1374aweb.pdf?sfvrsn=4 (дата обращения: 16.11.2015).

Henderson, S. L. (2011). *Civil Society in Russia. State-Society Relations in the Post-Yeltsin Era*. *Problems of Post-Communism*, 58(3), pp. 11–27.

Kehl, K., Kummer, K., Then, V. (2015). *Wahrnehmungen zivilgesellschaftlicher Strukturen und Entwicklungspotenziale in Russland: Ergebnisse einer Stakeholder-Befragung, Projektbericht*. www.csi.uni-heidelberg.de/downloads/CSI_Porticus_Bericht_Russland_final_2015.pdf (дата обращения: 16.11.2015).

- Mersijanowa, I., Jakobson, L. (2010). Das Engagement der Bevölkerung in der zivilgesellschaftlichen Praxis und dem Dritten Sektor Russlands (Nach Materialien des Monitorings zur Situation der Zivilgesellschaft). *Russland-Analysen*, 208, S. 8–16.
- Offe, C. (2000). Civil society and social order: demarcating and combining market, state and community. *European Journal of Sociology*, 41(1), pp. 71–94.

Юсси Лассила

Ловушки кремлевского «гласа народа»: Общероссийский народный фронт

Общероссийский народный фронт реагирует на социальные проблемы

В середине сентября 2013 года группа матерей детей-инвалидов из Волгограда и области начала голодовку в знак протеста против местных властей, которые, в свою очередь, были не в состоянии отреагировать на озлобленность и отчаяние матерей. Примерно две недели спустя к протесту присоединились матери многодетных семей. В результате в голодовке участвовали 39 человек. Экстремальные методы давления, предпринятые голодающими для привлечения общественного внимания к своим проблемам, кремлевская партия «Единая Россия» использовала в своих интересах, потребовав от губернатора Волгограда Сергея Боженова подать в отставку. Примерно через неделю после увеличения числа участников голодовки на «Пятом канале» вышел сюжет под названием «Социальный голод», в котором сообщалось, что голодовку удалось остановить. При этом говорилось, что необходимы дальнейшие решения для полного разрешения проблемы. Средства массовой информации широко освещали протест матерей. Упомянулось также, что голодающих поддерживают тысячи многодетных семей области. Вина однозначно возлагалась на местные органы власти, так как они оказались не в состоянии выполнять федеральные законы. Сообщалось также, что Общероссийский народный фронт является инстанцией, которая способствовала временному решению проблемы, заявив «еще в марте на первой конференции ОНФ о необходимости создания в стране комплексной системы по реабилитации детей-инвалидов»¹.

Создание авторитарной легитимности

События в Волгограде, а также способы информирования широкой общественности являются наглядным примером гибридного государственного управления. При том, что все существующие в мире формы государственного правления являются в той или иной степени гибридными, сочетая в себе черты авторитарности и демократичности, путинская Россия представляет собой хрестоматийный случай гибридности. По сути, путинский режим предпринимает попытку достичь авторитарной легитимности при помощи псевдодемократических институтов и скрытого принуждения, а не методом открытых репрессий. Такой подход порождает дилемму: демократические институты (например, выборы, в некоторой степени свободные средства массовой информации, гражданские права, выборочное право на проведение демонстраций), обладают легитимизирующим потенциалом, но представляют собой постоянный «демократический риск» для авторитарного режима. Массовые протесты после парламентских выборов в декабре 2011 года являются наглядным примером такого риска. Кроме того, в случае с Россией один из главных вопросов — каким образом осуществляются политические процессы, посредством которых Кремль пытается решить эту дилемму. Николай Петров, Мария Липман и Генри Хейл (Petrov, Lipman, Hale, 2004) считают, что основной метод Кремля при этом включает «тенденцию к выхолащиванию органов публичной власти, стремительный рост количества [...] «субститутов»² и все большая централизация и персонализация растущего контроля в руках верховного правителя — даже когда дело касается принятия, казалось бы, не столь важных решений». Вместе с тем, указанные процессы не должны носить чрезмерно репрессивный характер, так как это может вызвать недовольство граждан. В свете сказанного явная и массивная антизападная пропаганда, вызванная украинским кризисом, разразившимся в 2014 году, демонстрирует более или менее «классический трюк» авторитарного вождя, который, оказавшись перед лицом растущих внутренних проблем и уменьшающейся поддержки, отвлекает общественное внимание на внешние угрозы. Если посмотреть, насколько выросла поддержка Путина в течение 2014 года, этот маневр можно считать удачным. Приводимый ниже краткий обзор роли ОНФ как организованного якобы независимого народного движения, тем не менее, показывает, что, несмотря на репрес-

сивные, авторитарные тенденции, политический дискурс путинской России не является доминирующим в обществе.

Путинское видение Народного фронта

6 мая 2011 года Владимир Путин, премьер-министр России и лидер «Единой России», хотя и без партийного членства, провозгласил идею создания Народного фронта при партии. Эта идея прозвучала в Волгограде, где проводилась межрегиональная конференция «Единой России». По словам Путина (2011), это не случайно произошло в Волгограде, потому что: «Как без Сталинграда побеждать-то, непонятно!». Нагруженная патриотической символикой города-героя идея создания Народного фронта была недвусмысленно продиктована предстоящими выборами в Думу в декабре 2011 года. В январе 2011 года произошли тревожные для Кремля перемены в существующей псевдопарламентской системе: в течение месяца рейтинг «Единой России» снизился на 10 процентных пунктов — с 45% в декабре 2010 года до 35 в январе 2011 года. В связи с этим цель Путина состояла в обеспечении уверенной победы партии на предстоящих выборах путем создания Народного фронта. По словам Путина (2011), «В процедурах отбора кандидатов должны участвовать не только члены партии, но и беспартийные сторонники «Единой России», участники профсоюзных, женских, молодежных организаций, других общественных объединений, инициативные, неравнодушные граждане». Прогнозируя политическое будущее, Путин снова подхватил идеи, которые Кремль уже использовал в 2005 году, реализуя проправительственные гражданские инициативы, такие как Общественная палата или молодежное движение «Наши»; эти инициативы должны были привести деятельность якобы прогрессивно настроенных граждан в соответствие с государственной политикой. В целом видение Путиным Народного фронта в недрах правящей партии наглядно иллюстрирует общую для всех лидеров гибридных режимов обеспокоенность — постоянную необходимость максимального усиления народной поддержки режима для обеспечения своей беспрекословной власти, не отказываясь при этом от видимости политической конкуренции (то есть демократии).

Одновременно с кризисом легитимации «Единой России» после декабрьских выборов 2011 года чрезвычайно низко упал и авто-

ритет ОНФ в глазах общественности. Первый юбилей Народного фронта 2012 года обернулся фиаско — на него прибыло всего несколько сотен участников вместо ожидаемых десятков тысяч. Вторая годовщина Народного фронта в мае 2013 года не принесла существенных изменений, хотя лидером ОНФ был избран сам Путин. Согласно опросу Левада-центра в июле 2013 года, только 26% опрошенных расценили идеи ОНФ как «свежие», 33% высказали противоположное мнение, а 38% не хотели или не могли дать ответ.

От взаимодействия с народом к персонализированному контролю

Рисунок 1: Скрин-шот сайта Народного фронта 13 июня 2013 года.

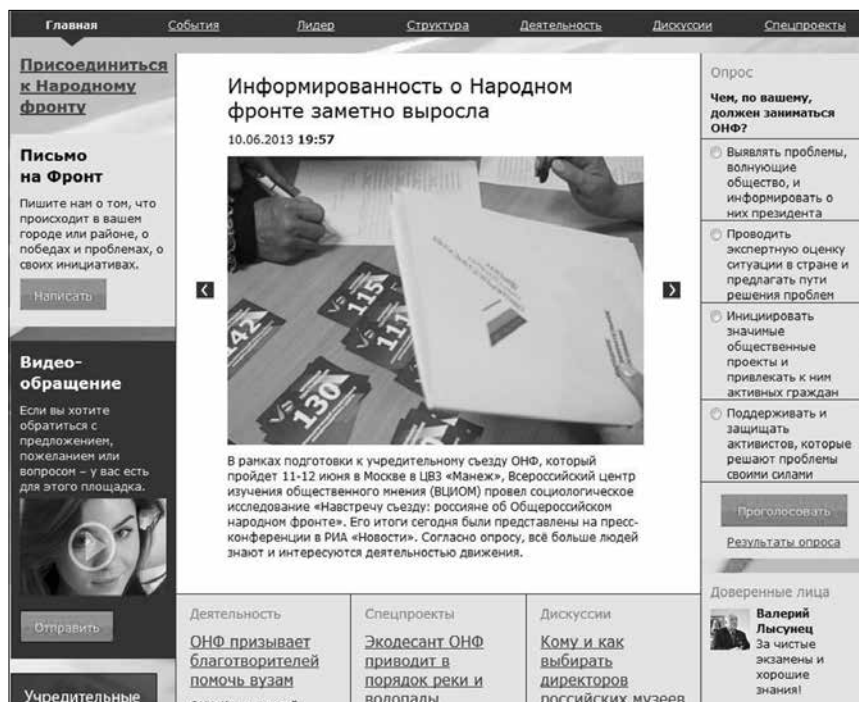

Рисунок 2: Скрин-шот сайта Народного фронта 19 декабря 2014 года.

6 мая 2013 года ОНФ заявил, что по случаю второй годовщины запустит свой новый сайт для общения с гражданами страны: onf.ru. По словам Андрея Бочарова, члена Народного фронта, с появлением нового сайта Фронт станет каналом открытой и прямой связи между народом и президентом (по сообщению РИА Новости). В июне 2013 года на сайте было размещено хорошо заметное обращение к новым членам вместе с призывом написать «письмо на Фронт» «о темах своего региона», что стало своего рода обратным намеком

на известный феномен времен Второй мировой войны (рисунок 1). Тогда же сайт дополнительно предлагал платформу для видео-приветов Фронту, призывал граждан поднимать дискуссионные темы и участвовать в опросе о том, на каких сферах деятельности предпочтительнее было бы сосредоточиться ОНФ. До мая 2014 года эти опции обеспечивали более или менее прямое взаимодействие с населением, однако уже в октябре 2014 года их убрали с сайта.

Создается впечатление, что во второй половине 2014 года Народный фронт отказался от попытки непосредственного взаимодействия с гражданами и заменил его смешанным вариантом, при котором осуществляемый ОНФ социальный контроль должен демонстрировать, так сказать, «истинную волю народа и президента». Эта смена курса является конкретным доказательством тезиса Петрова, Липман и Хейла о политической тенденции «все большей централизации и персонализации растущего контроля в руках верховного правителя». Тогда как на рисунке 1 Путина на сайте еще не видно, на рисунке 2 его трудно не заметить.

Использование оппозиционных дискурсов

С другой стороны, наиболее активно реализуемый проект ОНФ — антикоррупционная кампания «За честные [государственные] закупки» — (сообщение о нем находится в центре рисунка 2) обнаруживает удивительные совпадения с дискурсом оппозиции в отношении коррупции. Примечательно также, что ОНФ не отрицает наличия коррупции на государственных предприятиях, и даже — что еще важнее — признает ее в такой форме, которая отвечает формулировкам оппозиции. Также ОНФ парадоксальным образом поддерживает внимание общественности к чрезвычайно актуальной и весьма щекотливой для режима проблеме коррупции на уровне элит.

Занимая позицию реагирования на независимые от режима политические дискурсы, ОНФ сталкивается с существенными трудностями в проявлении политической инициативы, которая была бы нацелена на дискурсы за пределами его контроля. Так, в декабре на полунезависимом портале «Газета.ру» появилось сообщение, что последние законы о повышении прозрачности госзакупок неэффективны и ущерб государству от сомнительных закупок вырос в течение 2014 года до 278 млрд рублей. В тот же день, за несколько

часов до публикации информации на портале «Газета.ру», ОНФ разместил на своем сайте сообщение о том, что в свете повышения прозрачности госзакупок «недопустимо, чтобы заказчики продвигали «своих» поставщиков»³ (вполне возможно, что ОНФ знал о предстоящей публикации на портале «Газета.ру»). Таким образом, ОНФ открыто подключился к этой критике, вместо того, чтобы возражать или опровергнуть точку зрения портала «Газета.ру». Более того, в марте 2014 года Александр Бречалов, представитель ОНФ, критикует упомянутые законы, прогнозируя их очевидную неэффективность. Теперь, когда его прогнозы подтвердились, ОНФ не ссылается на прежние заявления Бречалова, а просто присоединяется к критике «Газеты.ру». По всей вероятности, причина этого замалчивания объясняется тем обстоятельством, что лидер Народного фронта — российский президент — и есть та высшая инстанция, которая придает нормативно-правовым актам силу закона, в том числе и тем, о которых здесь шла речь.

Выводы

Во времена, когда в России тают надежды на утверждение гражданского общества и демократических свобод, ОНФ в качестве массовой организации, связанной с Кремлем, не представляет собой явной авторитарной альтернативы в духе времени. Напротив, можно утверждать следующее: на примере ОНФ становится ясно, что, поскольку Кремль для легитимации своей власти поддерживает демократический фасад, обращение к оппозиционной тематике, по определению весьма рискованной для режима, представляется менее обременительным, чем постепенное скатывание к авторитарным репрессиям. Наряду с этим, само существование такой организации как ОНФ демонстрирует, что режим продолжает верить в целесообразность инвестиций в структуры, направленные на борьбу за политический дискурс. ОНФ можно рассматривать как специальную структуру, которая призвана поддерживать стремление нынешнего российского правительства к модернизации. Что касается насущной проблемы коррупции, то отрицать ее невозможно, если ОНФ хочет добиться политической легитимности. Из этого следует, что единственный путь для ОНФ состоит в позиционировании себя как некоего органа, который быстро подхватывает критику со стороны граждан или оппозиции. Вряд ли создатели

Народного фронта именно так представляли себе его предназначение. Если в сложившихся обстоятельствах для России и существует какая-либо надежда на дальнейшую демократизацию, то ее можно найти в дилемме, которую режим сам себе создал, сформировав демократический фасад.

Перевод с немецкого: Алла Кюршнер.

Впервые опубликовано под названием «Fallstricke der kremlschen Vox Populi: Die Allrussische Volksfront» в «Russland-Analysen», 296, с. 2–3 (2015).

Юсси Лассила — научный сотрудник Александровского института при Хельсинском университете.

Литература

Gel'man, V. (2013b). Cracks in the Wall: Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia.

Problems of Post-Communism, 60(2), pp. 3–10.

Lassila, J. (2014). The Quest for an Ideal Youth in Putin's Russia II: The Search for Distinctive Conformism in the Political Communication of Nashi, 2005–2009. (2nd ed.). Stuttgart: Ibidem.

Petrov, N., Lipman, M., Hale, H. (2014). Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin. *Post-Soviet Affairs*, 30(1), pp. 1–26.

Richter, J. (2009). Putin and the Public Chamber. *Post-Soviet Affairs*, 25(1), pp. 39–65.

Rose, R., Mishler, W., Munro, N. (2011). *Popular Support for an Undemocratic Regime*. Cambridge: Cambridge University Press.

Smyth, R., Sobolev, A., Soboleva, I. (2013). A Well-Organized Play. Symbolic Politics and the Effect of the Pro-Putin Rallies. *Problems of Post-Communism*, 60(2), pp. 24–39.

Путин, В. (2011). Стратегия социально-экономического развития Юга России до 2020 года. Программа на 2011–2012 годы <http://archive.government.ru/docs/15104/> (дата обращения: 2.10.2015).

Примечания

1 Репортаж от 01.10.13, с 3:00 <http://www.5-tv.ru/news/76131/>.

2 Петров, Липман и Хейл в своей работе дают следующее определение: «Рос-

сийские властные структуры компенсировались детально проработанной системой субститутов. Практически для каждой крупной демократической организации, в последние годы ослабленной правительством, были созданы один или несколько субститутов с целью взять на себя по меньшей мере несколько укрепляющих возможности государства функций, которые вышли из-под контроля [теперь ослабленных] организаций, или же субституты призваны регулировать или определенным образом сдерживать демократические организации, если таковые остались» (прим. ред. «Russland-Analysen»).

- 3 ОНФ: Недопустимо, чтобы под видом борьбы за качество госзакупок заказчики продвигали «своих» поставщиков <http://onf.ru/2014/12/09/onf-nedopustimochtoby-pod-vidom-borby-za-kachestvo-goszakupok-zakazchiki-prodvigali/>

Доклад о процессе трансформации в Беларуси

Выдержка из Индекса трансформации фонда Бертельсманна 2014

Участие в политической жизни

Выборы проводятся в Беларуси регулярно. Однако их первичной целью не является стать реальным проявлением демократии. Они — лишь инструмент, символически используемый для легитимации существующей власти. По оценкам наблюдателей ОБСЕ и Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, все выборы, проведенные при Лукашенко, в большей или меньшей степени сопровождались нарушениями. Утверждение справедливо и по отношению к последним выборам Национального собрания в сентябре 2012 года. Правительство демонстрирует фасад общественного выбора и политического противостояния, но результаты выборов оказываются в пользу действующей власти. Выборы 2012 года не были отмечены применением жестких мер, подобных последовавшим за президентскими выборами 2010 года. Но и широких общественных протестов не наблюдалось. Их отсутствие может быть объяснено тем фактом, что, из-за высокой степени централизации власти и неразвитости местного самоуправления, президентские выборы привлекают к себе большее внимание общественности. Политическое противостояние правительства и оппозиции с каждым президентскими выборами становится все более и более ожесточенным.

В преддверии выборов 2012 года произошли некоторые изменения в избирательном законодательстве. Во время предвыборной кампании всем претендентам был в равной степени обеспечен

доступ к государственным СМИ. Законодательно было разрешено задействовать собственные средства для проведения кампании — в дополнение к финансированию из государственного бюджета. Была упрощена процедура регистрации кандидатов от политических партий. Число кандидатов от оппозиции, успешно прошедших регистрацию, возросло почти вдвое по сравнению с 2008 годом. Тем не менее процедуры регистрации, проведения предвыборной кампании и подсчета голосов все еще не исключают потенциального злоупотребления органами власти, и нет гарантии независимости, справедливости и прозрачности проведения выборов.

Основным вопросом остается формирование состава избирательных комиссий, ответственных за подсчет голосов и обработку результатов. Представители оппозиции, за редким исключением, в их состав не входят. Во время выборов 2012 года международные наблюдатели отметили ряд нарушений подсчета избирательных бюллетеней и прозрачности процедуры. Государственные СМИ сделали акцент на планомерном протекании выборов, вместо того чтобы предоставить площадку для обсуждения предвыборной кампании или для дискуссий кандидатов. Местные органы власти способствуют досрочному голосованию среди государственных служащих и студентов в те пять дней до выборов, когда избирательные участки уже открыты. Это максимально повышает риск манипуляции и фальсификации результатов. Кроме того, пока не существует эффективного механизма подачи жалоб во время избирательной кампании или подачи апелляции в Верховный Суд после подсчета результатов.

Оппозиция в Беларуси в значительной степени маргинализована и уже долгое время исключена из политических процессов. Ей также недостает идей и подходов для усиления связи с электоратом в условиях неблагоприятной политической среды.

С момента внесения конституционных поправок в 1996 году политическая власть и принятие решений были сосредоточены в руках администрации президента Лукашенко. Представители администрации президента появляются на публике, словно избранные народом, даже если их никто не избирал. Все политические органы, включая парламент, зависят от президентской исполнительной власти. Они испытывают недостаток в плюрализме, независимости и прозрачности и оказывают лишь незначительное влияние на основные решения. Члены Национального собрания пятого созыва (2008–2012 гг.) вынесли на рассмотрение и утвердили лишь один

законодательный акт по собственной инициативе. Лукашенко описал исполнительную, законодательную и судебную ветви власти как ответвления на дереве президентства, которые могут быть урезаны, если президент сочтет это целесообразным.

Государственные СМИ, в частности телевидение, действительно обеспечивают манипуляцию, регулирование и контроль над формированием общественного мнения, а также легитимацию решений органов исполнительной власти. Оппозиция полностью исключена из всех политических органов, блокирована и изолирована от сферы формирования политического мнения и принятия решений. Она существует в некоем «параллельном мире» внутри белорусского общества и может рассчитывать лишь на немногочисленные независимые СМИ и Интернет.

Свобода собраний, в теории, гарантирована Конституцией, но на практике допускается только тогда, когда не вредит режиму Лукашенко. Свобода собраний трактуется органами власти произвольно и не исключает подтасовки. Незарегистрированные группы и партии, пользующиеся терпимостью органов власти (в зависимости от политической конъюнктуры), облагаются, тем не менее, значительными штрафами. Нарушения законодательных актов, регулирующих свободу собраний, используются государством для контроля политического пространства и мнений. Весной 2011 года была жестоко подавлена волна «молчаливых протестов» противников режима. Протестующие безмолвно прогуливались, без каких-либо транспарантов, разражаясь аплодисментами в согласованное время в определенном месте. В ответ на волну протестов в том же году последовало ограничение свободы собраний в виде законодательной поправки, предусматривающей необходимость получения официального разрешения для всех видов общественных собраний. В июне 2012 года парламент усилил полномочия секретных служб, приняв закон, расширяющий права КГБ на применение силы против политических и гражданских активистов.

Свобода собраний существенно урезана законодательными актами, сдерживающими развитие соответствующей среды. Без регистрации и получения разрешения органов власти деятельность неправительственных организаций запрещена. Статья 193.1 Уголовного кодекса о правах незарегистрированных объединений в Беларуси фактически объявляет вне закона действия незарегистрированных инициатив. Целый ряд гражданских и политических активистов были заключены в тюрьму на основании данной статьи.

При этом законодательство предусматривает обязательную регистрацию любого внешнего финансирования, а также ограничивает доступ неправительственных организаций (НПО) в школы, университеты и другие учреждения. Режим не поощряет свободное участие в политической жизни и самоорганизацию вне лояльных неправительственных организаций, созданных самим государством (ПНПО — правительственные НПО). Группы, воспринимаемые как противники режима, подвергаются серьезным репрессиям и ограничениям. В месяцы, последующие за применением суровых мер в отношении демонстрантов в декабре 2010 года, был проведен ряд вторжений полиции и арестов, направленных против НПО. Наиболее яркий тому пример — арест и заключение в тюрьму председателя правозащитного центра «Весна» Алеся Беляцкого в 2011 году. В 2012 году центр был выселен из минского офиса.

Органы власти широко используют ПНПО для того, чтобы оказать влияние на население и произвести впечатление на зарубежные организации и правительства. ПНПО, играющие роль институтов гражданского общества, представляют международному сообществу от имени «белорусского гражданского общества» мнения в поддержку правительства.

В то же время множество НПО в Беларуси, непосредственно не связанных с политикой, располагают реальным пространством для своей деятельности и вносят существенный вклад в благотворительность, социальное развитие и смежные области. На местном уровне (города и деревни), независимых организаций гражданского общества практически нет — из-за весьма неблагоприятной среды, высокой степени давления, а также из-за недостатка соответствующих традиций и внутренней поддержки. Многие инициативы гражданского общества, испытывающие значительные трудности в привлечении людей в офлайне, вынуждены сосредотачивать свои усилия на онлайн-форматах, которые имеют как достоинства, так и недостатки.

Государством не поощряется инакомыслие и свободный обмен мнениями. Общественное обсуждение тех или иных вопросов проводится, но оно подконтрольно и подвержено искажению и манипуляции со стороны государства. Телевидение, радио и печатные СМИ подчинены государству. Независимые СМИ и журналисты регулярно подвергаются преследованиям со стороны органов власти.

После выборов 2010 года офисы многих независимых средств массовой информации были обысканы сотрудниками правоохра-

нительных органов. Были конфискованы компьютеры, заблокированы сайты, задержаны журналисты.

Летом 2011 года журналист Анджей Почобут был приговорен к трем годам условного заключения — за клевету в адрес президента в статьях для польской прессы. В том же 2011 году Министерство информации подало иски о прекращении выпуска газет «Наша нива» и «Народная воля». В конечном итоге на газеты были наложены большие штрафы за предполагаемые нарушения законодательства о СМИ. В конце 2012 года была начата кампания преследования против ежемесячного журнала «Arche», включающая угрозы закрытия. На данный момент Интернет обеспечивает наибольшее пространство для самовыражения, хотя и эта сфера испытывает растущее давление. Органы власти все более пристально отслеживают социальные сети. Так, в августе 2012 года на фоне приближающихся парламентских выборов по обвинению в хулиганстве были задержаны модераторы популярных веб-форумов.

Перевод с английского: Наталия Буш.

Впервые опубликовано на сайте <http://www.bti-project.de/reports/laenderberichte/pse/blr/index.nc#chap2>

Паула Боровска

Неформальное образование в Беларуси: раскрепощение потенциала гражданского общества

В последние несколько лет в Беларуси произошел заметный рост неформального образования. Оно открывает белорусам возможности, отсутствующие в сверхотрегулированных государственных вузах.

Новые общественные инициативы, такие как Европейский колледж *Liberal Arts* в Беларуси (ECLAB) и Летучий университет, выступают организаторами новаторских и вдохновляющих курсов в Минске. Несмотря на существенные ограничения в работе, собственные Беларуси, им удается оставаться привлекательными для молодежи.

Belarus Digest (Беларусь дайджест) взял интервью у представителей Летучего университета и Европейского колледжа на тему неформального образования в Беларуси.

Образование в Беларуси: щепетильная тема?

На Западе бытует искаженное представление об образовательной системе в Беларуси: многие считают, что в условиях недемократичного режима нет никакой возможности выбора. Действительно, несмотря на относительно высокий международный рейтинг качества образования, академическая свобода в белорусских университетах все еще подвержена ограничениям.

Беларусь остается единственной страной Европы, не входящей в единое европейское образовательное пространство, созданное в результате Болонского процесса. Образовательная система, претерпевшая с советских времен лишь незначительные изменения, мед-

ленно реагирует на требования рынка. Стагнирующая система не может сыграть роль двигателя прогресса для белорусского гражданского общества и нередко теряет связь с изменившимися реалиями страны.

Тем не менее появление таких проектов, как Европейский колледж, Летучий университет, Белорусский Коллегиум, а также многочисленных языковых курсов свидетельствует о существующем спросе на новые, современные формы образования и доказывает, что образование — более не является прерогативой государства.

Первая значительная инициатива неформального образования стартовала под названием Белорусский Коллегиум в 1997 году. Его основателям удалось объединить ряд белорусских интеллектуалов и предложить вечерние курсы для взрослых. Несмотря на финансовые затруднения, работа продолжается. По словам ее представителя Алексея Ластуского, в данный момент таким дисциплинам, как история, философия и журналистика обучаются приблизительно 125 студентов. Новый век принес с собой и новые образовательно-просветительские учреждения.

Летучий университет: ответ на потребность в действительно белорусском университете

Летучий университет был основан в 2010 году Владимиром Мацкевичем, одним из лидеров гражданского общества. По словам координатора проекта Татьяны Водолажской, идея основать университет появилась еще в 1990-х годах. В то время многими приводились доводы в пользу основания по-настоящему белорусского университета с миссией развития будущих поколений белорусской интеллигенции и будущих лидеров, а также укрепления идентичности белорусского гражданского общества. «Уже тогда стало абсолютно ясно, что без [действительно самобытного] университета ни страна, ни народ не могут существовать», — подчеркивает Водолажская.

Многое изменилось в образовании с 1990-х годов. «Мы являемся свидетелями процесса оттеснения критически и инако-мыслящих от вузов и сферы образования», — отмечает Водолажская в интервью *Belarus Digest*. Классические белорусские университеты, по ее словам, преподают, обучают, выдают дипломы, но мало поощряют студентов вносить своими идеями вклад в развитие гражданского общества.

Своим названием университет обязан Летучему университету, подпольно организовывавшему курсы для повышения самообразования людей в социалистической Польше. Летучий университет предлагает все курсы бесплатно и дипломов не выдает. Водолажская подчеркивает, что образование, которое обеспечивает университет, остается в основном неформальным.

В этом году около 300 молодых белорусов посетили его курсы, в среднем на курс приходится около 15 студентов. Университет предлагает 20 различных курсов и семинаров. Самые популярные курсы посвящены изучению Библии, «выбору европейского пути» Беларуси, методологии и дизайну.

34-летний Алексей Константинов посещает курсы и семинары Летучего университета вот уже три года. Выходец из Украины, он живет в Минске уже более 20 лет. В интервью он заявляет, что его привлекла не только уникальная образовательная среда в университете, но и принцип поощрения критического мышления.

Liberal Arts: Беларусь сегодня

Другая инициатива — Европейский колледж *Liberal Arts* в Беларуси (ECLAB) — начала свою работу только в октябре 2013 года. В настоящее время курсы колледжа посещают более 40 белорусских студентов. Самые популярные курсы посвящены массовой культуре, СМИ, общественно-социальным проблемам и коллективным ценностям.

Руководитель проекта Александр Адамянц поясняет, что программы *Liberal Arts* в Беларуси остаются недостаточно развитой сферой образования. Идея основать колледж возникла, чтобы заполнить существующую нишу на рынке образования. «Наша программа *Liberal Arts* — первая в своем роде в Беларуси», — отмечает он с гордостью.

Адамянц уверен, что белорусы должны иметь возможность получать современное европейское образование внутри страны, и отмечает при этом, что «много молодых людей не имеют возможность обучения за границей, да и не хотят этого». Он выделяет «консерватизм государственных образовательных учреждений» в качестве основного фактора, препятствующего развитию программ *Liberal Arts* в Беларуси.

Среди посетителей курсов преобладают молодые люди от 19 до 35 лет. Подавляющее большинство уже получило высшее образование. Треть обучается параллельно в других вузах.

В настоящее время ECLAB предлагает бесплатную программу образования и выдает слушателям сертификаты. Александр Адамянц сообщил *Belarus Digest*, что через некоторое время планируется ввести платное обучение.

Неформальное образование против формального

Достичь успеха на ниве новых инициатив неформального образования в Беларуси — задача не из простых. Самой сложной задачей для Летучего университета явился поиск помещений, подходящих для занятий. «Когда мы впервые сняли помещение, нас попросили съехать через месяц. Так начался «перелет» от одного места до другого» — вспоминает Татьяна Водолажская, подозревая, что не все приветствуют их работу.

Александр Адамянц из Европейского колледжа *Liberal Arts* в интервью *Belarus Digest* заявляет, что трудностей с нахождением помещения в Минске они не испытывали.

Неформальная природа этих инициатив притягивает многих, особенно молодежь Беларуси. Татьяна Водолажская из Летучего университета подчеркивает, что проекту удалось привлечь многих выдающихся белорусских общественных деятелей, интеллектуалов и гражданских активистов, таких как Аlesia Смолянчук, Игар Бабков и Ирина Дубенецкая. Другой важный аспект — поддержание соответствующей атмосферы, которую Александр Адамянц описал как «атмосферу свободного общения вне иерархий».

И Летучий университет, и Европейский колледж имеют привлекательно оформленные и информативные сайты и широко представлены в социальных сетях, что чрезвычайно важно в наше время. Европейский колледж строит амбициозные планы расширения и завязывания сотрудничества с другими европейскими университетами. Цель — дать возможность белорусским студентам получать двойные дипломы, признаваемые во всей Европе.

Огромный потенциал неформального образования

И в Летучем университете, и в Европейском колледже преподавание осуществляется на белорусском и русском языках. Их представители подчеркивают, что язык преподавания определяется исключительно самими преподавателями.

«Например, курс «Математика как язык мышления» ведется на белорусском языке, потому что преподаватель Н.Н. Леонов хотел развить эту тему именно на белорусском языке», — поясняет Татьяна Водолажская.

И Европейский колледж, и Летучий университет доказывают своим примером, что у подобных образовательных проектов, помогающих раскрывать потенциал гражданского общества, большое будущее. Они — наглядное подтверждение тому, что новые образовательные инициативы в Беларуси возможны, несмотря на суровые политические реалии.

Даже с весьма ограниченными ресурсами, особенно по сравнению с государственными университетами, организаторам неформальных курсов уже удалось сделать образование за стенами государственных учреждений привлекательным. А при таком сочетании идеализма, прагматизма и профессионализма число слушателей и география присутствия подобных инициатив, вероятно, будут расширяться и далее.

Перевод с английского: Наталия Буш.

Впервые опубликовано в ECLAB News, ноябрь 2014 (<http://eclab.by/en/news/non-formal-education-belarus-unleashing-civil-society-potential>).

Паула Боровска – аналитик Центра Острогорского в Минске.

Андрей Портнов

«Великая Отечественная война» в политиках памяти Беларуси, Молдовы и Украины: попытка сравнения

«Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков» в конце 1960-х годов фактически сменила «Великую октябрьскую социалистическую революцию» как основополагающий миф советского строя. Начиная с 1965 года 9 мая стало официальным государственным праздником. Тогда же появилась категория «городов-героев», была выпущена юбилейная медаль и начато создание мемориально-музейных комплексов по всему СССР. В частности, в роли знакового места для Беларуси утвердилась Брестская крепость и ее оборона советским гарнизоном летом 1941 года, в советской Украине статус «города-героя» получили Киев, Одесса и Севастополь. Многочисленные литературные произведения, кинофильмы (нередко являющиеся шедеврами жанра) создали образцовую картину войны с соответствующими акцентами и фигурами умолчания. Сакрализация Победы, неразрывно связанная с чувством гордости за страну, была одновременно легитимизацией режима и правящей партии.

При этом официальная память о войне не только отодвигала на третий план, но и фактически репрессировала локальные памяти. В очерченных ее границах не было места для Холокоста евреев и ромов (которые принципиально не выделялись из общих «мирных жертв фашизма») и тем более для советских депортаций десятков национальных групп, осуществленных в 1944 году. В тематическом репертуаре этой памяти не могло быть места и для преступлений советских войск в освобожденной Европе, и для обсуждения «цены Победы» — отношения советского командования к жизни рядовых

солдат, и для многих сторон жизни под оккупацией или репрессий на бывших оккупированных территориях после восстановления там советской власти.

В то же время, роль и влияние Второй мировой войны на развитие постсоветских стран не ограничивается силой советской идеологической схемы. Современная Европа и ее восточная часть, во многом является геополитическим, культурным, экономическим продуктом Второй мировой войны. В частности, территории современных Беларуси, Молдовы и Украины были полностью оккупированы нацистами. Послевоенные изменения границ и «обмены населением» (конечно же, в последнем случае под этим эвфемизмом скрываются практики, которые уместнее описать как этнические чистки), опыт повторного прихода советской власти и осуществленных ею репрессий, до сих пор оказывают ощутимое влияние на развитие этих стран.

Распад Советского Союза, который был вызван как стремительными дезинтеграционными процессами в центре, так и эмансипационными движениями в республиках, поставил перед каждым из постсоветских государств серию чрезвычайно непростых вопросов. Одним из них была необходимость создания новой государственной идеологии, новой схемы истории, позволяющей легитимизировать постсоветское политическое устройство. Ответы на этот вызов в разных странах варьировались в зависимости от внутренней и геополитической ситуации, процентного соотношения национальных и религиозных групп населения, воли и ответственности конкретных политических сил и деятелей. Одну из сложнейших головоломок в области того, что на переломе XX и XXI веков начали называть «политикой памяти», представлял собой унаследованный от СССР миф «Великой Отечественной войны».

Беларусь

Важная особенность военной истории Беларуси состоит в фактическом отсутствии националистического подполья, которое бы противостояло советской системе. Наоборот, достаточно массовое после Сталинградской битвы партизанское движение было в советское время мифологизировано как «всенародное» и отображено в метафоре «Беларуси партизанской»¹. В постсоветское время отсутствие социальных групп со сформированной и отличной от совет-

ского нарратива памятью о войне превратилось в слабость предпосылок для плюрализации исторической схемы. Хотя некоторая специфическая локальная память о войне все таки сохранилась, особенно в польскоязычной среде Западной Беларуси².

Тем не менее в первых белорусских учебниках истории, изданных в начале 1990-х, были предприняты серьезные шаги по реконцептуализации советского образа войны. В частности, в них упоминались пакт Молотова-Риббентропа 1939 года, появился термин «Вторая мировая война» (который использовался активнее, чем «Великая Отечественная») и совершенно исчез термин «советский народ», шла речь о просчетах и ошибках советского руководства, исчез тезис о «руководящей роли» Компартии в организации сопротивления, «массовая борьба» пришла на смену «всенародной», впервые упоминались случаи грабежа и насилия над мирным населением со стороны советских партизан (Тихоміров, 2004)³.

Практически сразу после избрания в 1994 году Александра Лукашенко президентом (с тех пор он лишь подтверждал свои полномочия на формальных выборах при фактичском подавлении оппозиции⁴), наряду с восстановлением советской символики как официальных символов Республики Беларусь, было принято решение об изъятии из школ белорусских учебников и замене их советскими. Однако, поскольку последних уже физически не было в необходимом количестве, замена учебной литературы была произведена в 1996–1997 годах.

В изданном в 2000 году учебнике были фактически восстановлены советские мифологемы «воссоединения» Беларуси в 1939 году (речь идет о последствиях пакта Молотова-Риббентропа и немецко-советской агрессии против Польши в сентябре 1939 года), широко использовался термин «Великая Отечественная война» и «всенародная борьба». В то же время, в отличие от советского учебника, «Великая Отечественная война» описывалась как часть «Второй мировой», что само по себе уже сигнализировало адаптацию дискурса к постсоветским реалиям.

Накануне 60-летия Победы среди ряда государственных мероприятий (от амнистии до создания новых «мест памяти») было принято решение ввести во всех учебных заведениях Беларуси (от школ до университетов) курс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Этот курс — обязательный на всех специальностях в вузах, а в школе его преподают как отдельный предмет в рамках истории Беларуси (с 2008

года, после ликвидации курса истории Беларуси — в рамках курса истории)⁵.

Президент Лукашенко максимально воспользовался 60-й годовщиной Победы для легитимации своего режима и недвусмысленно поставил «Вторую мировую войну» в центр государственной идеологии. Он назвал войну «смысловым пунктом нашей истории», в котором «наиболее рельефно проявился величественный дух белорусского народа, его свободолюбивая натура и историческая мудрость»⁶. Последовательно подчеркивая огромный вклад белорусов в победу над нацизмом (и охотно вспоминая в этом контексте о трех миллионах жертв среди населения республики), Лукашенко назвал белорусов «наиболее интернациональным народом» и отметил, что в основе «наших сегодняшних успехов» лежит «дух непокоренного народа, который вместе с другими народами Советского Союза сделал решающий вклад в спасение человечества от коричневой чумы». Последняя цитата взята из приветствия президента на День Независимости, который начиная с 1997 года отмечают 4 июля — в День освобождения советскими войсками Минска.

В распространенных высказываниях о трехмиллионных жертвах Беларуси далеко не всегда адекватно отображается Шоа белорусских евреев. Тем не менее именно в Минске еще в 1946 году был создан первый в СССР мемориал на месте массовых расстрелов евреев — Яма, где в марте 1942 года погибли пять тысяч узников минского гетто. В 2000 году мемориал был реставрирован, в 2008 году президент Лукашенко принял участие в траурных мероприятиях в 65-ю годовщину расстрела. Однако в целом история Холокоста остается в постсоветской (как и в советской) Беларуси недостаточно интегрированной в общий нарратив войны.

Самым заметным и наиболее противоречивым коммеморативным мероприятием к 60-летию «Победы советского народа в Великой Отечественной войне» стало открытие недалеко от Минска историко-мемориального комплекса «Линия Сталина». Это ряд оборонных сооружений, возведенных в 1928–1939 годах и не сыгравших во время Второй мировой войны заметной роли. Последнее обстоятельство, а также то, что «Линия Сталина» — неофициальное условное название, которого при желании можно было бы легко избежать, заставило многих предположить, что именно фигура «отца народов» является ключевой для всего замысла. Формально инициатором создания комплекса стал благотворительный фонд «Память Афгана» (то есть организация ветеранов советской

войны в Афганистане 1980-х годов), но поддержку проекта со стороны президента Лукашенко не только не отрицали, а и всячески подчеркивали. «Линию Сталина» торжественно открыли 30 июня 2005 года. Ее официальный сайт (www.stalin-line.by) в своих немногочисленных текстах пестрит слегка модернизированной лексикой «молодежно-патриотической» периодики 1970-х. В частности, на сайте можно узнать, что комплекс «создавался методом народной стройки», а «основная тяжесть труда по созданию музея легла на плечи подразделений инженерных войск Республики Беларусь».

Дирекция «Линии Сталина» позиционирует ее как музей, «место семейного отдыха» и место проведения корпоративных вечеринок *одновременно*. В перечне предложенных посетителям *развлечений* (другое слово здесь подобрать проблематично): прогулка по озеру на лодках, «наваристая солдатская каша» в кафе «На привале», катание на бронетехнике, возможность «испытать настоящее оружие времен Великой Отечественной войны». Интересно, что такой поход (даже если его авторы этого не осознают) заметно диссонирует с задекларированной советской стилистикой сакрализации памяти и напоминает скорее о всевластии массовой культуры.

Интенсивная медиа пропаганда «белорусского диснейленда» (распространенное неофициальное название «Линии Сталина») привело к тому, что этот объект фактически отодвинул на второй план мемориалы брешневских времен: Хатынь⁷ и Курган Славы, точно так же, как построенная несколько лет назад Национальная библиотека заслонила собой другие строения Минска. Главное тут — непосредственная причастность новых строений к «эпохе Лукашенко»⁸.

История с сооружением в Минске памятника маршалу Георгию Жукову вышла менее триумфальной. Памятник планировался как 4,5-метровая конная статуя (первый конный монумент в столице Беларуси), которая должна была быть установлена напротив Дома офицеров неподалеку от давно стоящего танка, первым ворвавшегося в город в 1944 году. На установку конной статуи была собрана соответствующая сумма денег, когда власти вдруг высказали мнение, что выбранное для памятника место неудачно. Пока искали иное место, инфляция съела значительную часть денежной суммы, и конный вариант отпал сам собой. Вместо него запланировали 7-метровый бюст маршала, который затем превратился в метровый (правда, на высоком, в советском стиле постаменте высотой 4 метра), который и был торжественно открыт на Железнодорожной улице весной 2007 года.

В 2006 году в белорусские школы впервые пришел учебник истории Беларуси на русском языке, написанный тем самым Владимиром Сидорцовым, автором описанного выше учебника 1993 года издания (Смалянчук, 2008, с. 378–381). На этот раз автор, ориентируясь на новые ожидания власти, изобразил «воссоединение» 1939 года в полностью позитивных тонах, вернул в текст «руководящую роль» Компартии и «всенародную борьбу». В то же время в учебнике 2006 года впервые использованы термины «Холокост» и «остарбайтеры» и даже сделана попытка «осторожного обращения к национальному дискурсу при полном преобладании советского подхода» (Смалянчук, 2008, с. 381). Принимая такую оценку Алеся Смалянчука, стоит еще раз обратить внимание на сам факт *неизбежного* (пусть и весьма фрагментарного) переформулирования советского нарратива в постсоветских условиях.

Логику Лукашенко при обращении к мифу «Великой Отечественной войны» можно описать как понятное стремление опереться на существующий символический ресурс, тем более учитывая ожидания большинства его избирателей. Гораздо более серьезным вызовом для его режима оказалась необходимость внесения в этот миф осторожных, но существенных, корректив. Главным двигателем стал новый социальный контекст использования советских мифов. А в качестве примера таких корректив упомяну осторожное отступление от концепта «Победы советского народа» (из указов Президента к 60-летию окончания войны) к Победе белорусского народа, который «вместе с другими народами Советского Союза сделал решающий вклад...». Это очень тонкое изменение, но тем более важное в контексте усилий по формированию белорусской политической нации.

В целом, историческая политика президента Лукашенко пытается найти своеобразный «срединный путь» между национальным нарративом (ассоциируемым с ненавистной ему политической оппозицией) и нарративом российским (расстворить Беларусь в котором Лукашенко также опасается).

Молдова

Главной особенностью политики памяти в постсоветской Молдове остается конфликт «румынской» и «молдавской» интерпретаций идентичности населения республики. Иначе говоря, вопрос о том,

являются ли молдаване отдельной нацией (как уверяла советская пропаганда) или они — часть румынской нации,⁹ после распада СССР неминусом приобрел жесткие политические коннотации.

Как и в остальных бывших советских республиках, в конце 1980-х — начале 1990-х годов в Молдове преобладал эмансипационный дискурс, окрашенный в национальные тона. Парламент тогда еще Молдавской РСР осудил пакт Молотова-Риббентропа и его последствия, что послужило началом реинтерпретации истории с позиций румынского национального нарратива. Значимым символом такой трансформации стало восстановление в Кишиневе памятника Стефану Великому и массовый демонтаж монументов Ленину, а также обращение к формуле: «два государства — одна нация». Эта формула легла в основу введенного в 1990 году в школьную программу предмета «История румынов».

Относительную легкость и быстроту смены господствующей парадигмы можно объяснить, между прочим, тем, что с середины 1960-х годов происходила «латентная румынизация молдавской интеллигенции», проявлениями чего стало постепенное приведение молдавского языка в соответствие румынским литературным стандартам путем его очищения от неологизмов, введенных коммунистической властью в межвоенный период (Куско & Таки, 2003, с. 489).

Как и политику Станислава Шушкевича в Беларуси или Леонида Кравчука в Украине, линию Мирчи Снегура, который был президентом с 1991 по 1996 год (в Молдове, в отличие от Беларуси и Украины, президента избирают в парламенте, а не всенародным голосованием) уместно рассматривать скорее как ситуативное реагирование на изменчивый внешне- и внутривнутриполитический контекст, чем как последовательную политику «национализирующего государства». Посткоммунистическая номенклатура ситуативно использовала национальную идею в ее этнокультурном (румынском) виде для идеологического оформления сохранения за собой власти в новых социальных реалиях. Однако ухудшение экономической ситуации и геополитическая неуверенность подталкивали ее в обратном направлении. Уже 5 февраля 1994 года, выступая на собрании «Наш дом — Республика Молдова», Снегур обратился к концепту «молдовской нации», а в новой Конституции страны был зафиксирован принцип «два государства — две нации» (Sojocari, 2007, с. 91). В 1995 году была совершена попытка заменить в школах «Историю румынов» «Историей Молдовы», что привело к уличным

демонстрациям протеста, поэтому президент был вынужден издать указ о моратории на критику преподавания истории румынов.

Президент Петру Лучински (1996–2001) продолжил движение в направлении «молдовенизма» и предпринял шаги к выведению генеалогии постсоветской Молдовы из державы Стефана Великого. После победы в 2001 году на парламентских выборах Коммунистической партии в Молдове началась массовая реставрация памятников «советских воинов-освободителей», «День Независимости» превратился в «День Республики», был выдвинут тезис о «многонациональном молдавском народе» и параллельно маргинализировалась символика, ассоциируемая с румынской идентичностью. В декабре 2001 года правительство приняло решение заменить школьный курс «История румын» курсом «История Молдовы», чем спровоцировало трехмесячный митинг протеста в Кишиневе.

В 2001 году в Молдове впервые на наивысшем уровне праздновали День Победы. Причем в преимущественно советский ритуал была включена статуя Стефана Великого, дабы подчеркнуть «историческую преемственность» молдавской государственности (Sojocari, 2007, с. 101). Иными словами, и в этом случае советский нарратив «солнечной Молдавии» приспособливался под новые условия путем добавления одних сюжетов и переосмысления других. На уровне локальных сообществ и местной памяти «одомашнивание» советских памятников нередко происходило путем их идеологического переформулирования — в частности, в селах на могилах советских солдат красные звезды были заменены (или дополнены) христианскими символами¹⁰.

По мнению Владимира Солонари (Solonari, 2002), в социокультурных условиях постсоветской Молдовы ни коммунистической, ни национальный нарративы не способны предложить содержательную и неантогонистическую визую молдавской истории, которая способствовала бы формированию современной идентичности. Коммунистический нарратив активно использует традиционалистские и примордиалистские категории для самолегитимации (яркий пример — постулирование преемственности между средневековым молдавским государством, Бессарабией в составе Российской империи, Молдавской автономной ССР в составе довоенной Советской Украины и Молдавской ССР, созданной в 1940 году¹¹). Немного парадоксально, но идея государственной преемственности стала в коммунистической Молдове альтернативным по отношению к идее румынской нации каркасом исторической схемы.

В 2010 году после затяжного политического кризиса большинство в парламенте Молдовы получили силы, ориентированные на европейскую интеграцию. Вскоре после этого у молдавских поставщиков вина (а это едва ли не основная ориентированная на экспорт отрасль экономики страны) возникли проблемы с санитарными службами Российской Федерации. А 24 июля 2010 года исполняющий обязанности президента республики Михай Гимпу подписал указ об учреждении 28 июня «Дня советской оккупации», во время которого по всей Молдове должны были пройти траурные мероприятия и быть приспущены государственные флаги. Настолько радикальный символический разрыв с советским образом войны (именно 28 июня 1940 года после ультиматума Румынии на территорию Молдовы вошли советские войска) был призван обозначить выход Кишинева из поля геополитического влияния России. Однако уже через несколько дней, 12 июля Конституционный суд Молдовы признал указ о «Дне советской оккупации» неконституционным, мотивируя свое решение тем, что исторические события не следует трактовать в юридических категориях.

Напряжение молдавской и румынской версий истории и идентичности Молдовы сохраняет свою силу, и политика памяти по отношению к войне напрямую от этого напряжения зависит.

Украина

В украинском национальном нарративе (который, начиная с 1990-х годов наиболее последовательно изложен в школьных учебниках) коммунизм, как и Российская империя, изображаются как *внешние* силы, насильственным образом включившие Украину в свою орбиту. В такой перспективе Украина, которая действительно серьезно пострадала от советского тоталитарного строя, отрицает свое участие в его создании и изображает себя жертвой внешней агрессии¹².

Однако полное выведение советского за рамки легитимного образа прошлого оказалось непосильным заданием, если учесть настроения значительной части населения (в сознании которого «советское» фигурирует как синоним относительного благосостояния, социальных гарантий и стабильности) и внешнеполитическое давление России. Исторический сюжет, который было необходимо, пусть и избирательно, включить в официальный нарратив —

«Великая Отечественная война». Стратегиями такой интеграции стали попытки гуманизации образа войны, перенесение внимания на частную историю, подвиг и страдания «обычных людей» и одновременно акцентирование ошибок и жестокости советского руководства и военачальников.

В отличие от Беларуси, в западноукраинских землях — Галиции и Волыни — до начала 1950-х годов действовало сильное антисоветское националистическое подполье. Проблему включения в новую версию войны деятельности Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) авторы учебников решили, акцентируя их противостояние с немцами и якобы имевшую место с 1943 года «демократическую» эволюцию националистического движения. При этом обходилась вниманием антипольская акция УПА на Волыни летом 1943 года, жертвами которой стали не менее 60 тысяч мирных поляков¹³, и участие украинских националистов в нацистской политике уничтожения евреев¹⁴. Целью простых украинцев, воевавших по разные стороны фронта, была провозглашена независимая Украина, и после 1991 года это должно было создать условия для примирения ветеранов. Однако все попытки официального признания участников националистического подполья ветеранами войны и реабилитация УПА на государственном уровне окончились неудачей¹⁵.

В начале 1990-х годов Галицию и Волынь накрыла волна памятнотворчества. Историческим персонажем, взошедшим на постаменты в большинстве городов, стал Степан Бандера — лидер радикального крыла ОУН. Имя убитого в 1959 году в Мюнхене советским агентом Бандеры стало нарицательным именем украинских националистов или даже всех жителей Западной Украины («бандеровцы», «бандеры»). Постсоветская канонизация Бандеры, географически ограниченная Галицией и Волынью, — один из ярких примеров внешнего разрыва с советским идеологическим канонем (в котором Бандера, пожалуй, был антигероем номер один). Самая большая, семиметровая бронзовая статуя Бандеры была открыта 13 октября 2007 года во Львове.

Из школьных учебников понятие «Великая Отечественная война» поначалу исчезло, но в 1995 году, после вмешательства парламента (инициированного фракцией коммунистов) было туда возвращено. Однако, несмотря на это, изложение истории в учебниках не изменилось, и возврата к советской схеме не произошло. Вместо этого довольно монологический учебник попал в плюралистиче-

ское общественное пространство, где главной альтернативой национальной схеме стали отдельные элементы советской мифологии, популизм и ностальгия.

Ключем к пониманию государственной политики Украины после 1991 года является осознание ее глубинной ситуативности и разнонаправленности. Поиск путей легитимации Украины и ее постсоветских элит, которые не вызывали бы национального, языкового, религиозного конфликта, происходил буквально наощупь. Своеобразной «концептуализацией» такого подхода можно считать политику «многовекторности» президента Леонида Кучмы (1994–2004). В частности, в 2000 году он возобновил на государственном уровне праздник 23 февраля — «День советской армии».

В юбилейных выступлениях на 9 мая Кучма старался избегать темы УПА, а, значит, и более широкой темы внутриукраинского конфликта. В то же время власть пыталась использовать тему реабилитации УПА в текущей политической борьбе. Еще 28 мая 1997 года была создана правительственная комиссия по изучению истории ОУН и УПА. Рабочую группу историков при ней возглавил Станислав Кудычицкий. Предварительные выводы рабочей группы были обнародованы в 2000 году, а окончательные — уже в Украине без Кучмы — в 2005 году¹⁶. Авторы признали радикально националистическую природу идеологии ОУН, но отрицали сотрудничество УПА с Германией после 1943 года. Призывая к «восстановлению исторической справедливости», рабочая группа историков высказалась за официальное признание воинов УПА ветеранами Второй мировой войны.¹⁷

С приближением президентских выборов 2004 года в символической политике произошел резкий поворот в сторону России, проявлением чего стал проведенный 28 октября 2004 года в брежневском стиле парад в честь 60-летия освобождения Украины при участии президента России Владимира Путина. Последующие события, вошедшие в историю под названием «Оранжевая революция» 2004 года показали, что этот замысел вызвал скорее обратный эффект.

Новый президент Виктор Ющенко уделял особое внимание истории. Риторическую стратегию его публичных выступлений о Второй мировой войне отличала доминанта примирения и единства нации. Победу над фашизмом Ющенко связывал с государственностью («Наша Победа — это праздник украинской государственности»). Единство нации в войне он постулировал не в средствах борьбы, а в целях, утверждая, что миллионы украинцев «защи-

щали Украину и погибали за Украину» (Ющенко, 2006). При этом Ющенко широко практиковал совмещение символов, кажущихся взаимоисключающими. Например, в обращении к воинам УПА он использовал советский конструкт «Великая Отечественная война» или упоминал в одном перечне (в связи с тем же тезисом о «единстве украинского народа в войне») генерала Николая Ватутина, убитого партизанами УПА, и главнокомандующего УПА Романа Шухевича, погибшего в бою с советскими войсками. После первого тура президентских выборов 2010 года (на которых он набрал лишь 5,45% голосов) Виктор Ющенко подписал скандальный указ о присвоении Степану Бандере звания «Героя Украины». Этот указ был вскоре отменен в судебном порядке на том основании, что награжденный не являлся гражданином Украины.

Следует отметить, что новацией выступлений Ющенко, по сравнению с выступлениями Кучмы, стало упоминание о Холокосте и о советской депортации крымских татар в 1944 году. Выигравший в 2010 президентские выборы Виктор Янукович (2011) даже в обращении на 70-летие расстрелов в Бабьем Яру умудрился избежать не только слов «Холокост» и «Шоа», но даже слова «евреи», упомянув только о «массовых расстрелах мирного населения» и о том, что в Бабьем Яру «тысячи людей разных национальностей приняли мученическую смерть».

Именно в Бабьем Яру — месте массовых расстрелов в черте Киева — наиболее отчетливо видно отсутствие осмысленной государственной политики мемориализации Холокоста. К открытому там в 1976 году советскому мемориалу в 1989 году были добавлены таблички на иврите и русском. В годы независимости в Бабьем Яру появилось множество памятников разным группам жертв (в том числе, нескольким расстрелянным там членам Организации Украинских Националистов). В настоящее время на территории «национального заповедника Бабий Яр» находятся 29 различных монументов, а кроме того, детские площадки, торговые ларьки и другие объекты досуга киевлян.

В целом проблемы мемориализации Холокоста в Украине, выход специальных публикаций, проведение летних школ и семинаров являются результатом негосударственных инициатив, прежде всего международных и местных еврейских организаций. В частности, в крупном промышленном центре на юго-востоке страны — Днепропетровске, который иногда метафорично называют «еврейской столицей Украины», в 2012 году было закончено

строительство самого большого в Европе общинного еврейского центра «Менора» — башен-небоскребов в форме семисвечника с синагогой, кошерными ресторанами и отелями, больницей, а также самым большим на постсоветском пространстве Музеем еврейской истории и Холокоста.

В государственной же политике уже упомянутого выше президента Януковича (2010–2014) были четко видны попытки возврата ко многим элементам брежневского образа «Великой Отечественной». В частности, он открыто заявил о необходимости «синхронизировать» празднование 9 мая с Россией и Беларусью. В День Победы 2010 года в Киеве и всех «городах-героях» прошли военные парады, а о «неудобных страницах» войны (националистическое подполье, судьба советских военнопленных, депортации крымских татар) на официальном уровне не вспоминали. Накануне праздника по инициативе Коммунистической партии Украины, входящей в правящую коалицию, в Луганске появились плакаты с изображением Сталина, в Херсоне и в Крыму были вывешены советские флаги, в Луганске открыли монумент советским жертвам ОУН и УПА, а в Запорожье под местным офисом Компартии — памятник Сталину.

Важно подчеркнуть, что в украинских реалиях, когда социально-экономические программы политических сил фактически идентичны и недвусмысленно тяготеют к популизму, вопросы истории и языка часто играли роль идеальных *маркеров политических отличий*. При этом политические элиты считали историю относительно безопасной сферой, в которой было сложно себе представить превращение вербальной и символической неприязни в прямые насильственные действия. Однако события Майдана осени 2013 — весны 2014 годов и последующей войны на Донбассе показали, что именно вопросы истории, языка и идентичности стали главным идеологическим обоснованием массовых политических движений и насильственных действий.

Политическую и экономическую ситуацию в Украине накануне Майдана можно описать как глубокий кризис суверенитета и государства как такового. На уровне общественного мнения обозначились, с одной стороны, понимание бесперспективности развития в фарватере кланово-олигархической экономики и тотальной коррупции, с другой стороны, получила распространение мифология Европы как пространства свободы слова и передвижения, экономического развития и верховенства права. Для многих участников

протеста на Майдане «Европа» стала символическим противопоставлением как режиму Януковича, так и «советскому прошлому». Причем первый — Янукович — окончательно утратил легитимность, продемонстрировав неспособность гарантировать соблюдение прав протестующих и избежать насилия. А «советское», особенно в контексте аннексии Крыма и войны на Донбассе, стало для многих ассоциироваться с путинской Россией и ее агрессивной политикой¹⁸.

«Великая Отечественная война» и украинский кризис 2013–2015 годов

21 февраля 2014 года популярная российская газета «Комсомольская правда» вышла с угрожающим заголовком на титульной странице: «Захватив Украину, бандеровцы нацелятся на Россию». Через шесть дней был объявлен, а 16 марта — проведен референдум «за воссоединение Крыма с Россией». В обосновании этого «воссоединения», наряду с «правом на самоопределение» и «извечной принадлежностью Крыма России», упоминалась необходимость спасти полуостров от «карательной операции», которую якобы уже подготовили «верные последователи бандеровцев» в киевском правительстве.

Уже тогда украинские события освещались языком «Великой Отечественной войны» и представляли Майдан не просто «американской интригой», но своего рода реинкарнацией того самого фашизма, победу над которым с 1965 года официально отмечают 9 мая. Украинские добровольческие батальоны навязчиво обозначались в официальных российских СМИ как «каратели», практикующие зверства над мирными жителями. Эта пропагандистская логика отождествляла современную Россию с Красной армией, победившей нацизм и освободившей Освенцим, а политику вмешательства в украинский кризис обосновывала необходимостью защитить мир от нового/старого «фашизма» с Майдана.

Историко-эмоциональный мостик от 1941–1945 к 2014–2015 годам сыграл ведущую роль в обосновании войны со стороны самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик (ДНР и ЛНР). Идеологические конструкты этих образований, находящихся под военно-экономической опекой России, совмещают элементы позднесоветской мифологии, антиолигархические сентименты, православный дискурс и голливудскую массовую культуру.

Во многих публичных высказываниях лидеров ДНР и ЛНР декларируемый ими «антифашизм» соседствует с антисемитскими высказываниями (Митрохин, 2015).

Можно было ожидать, что Украина ответит на такую пропаганду радикализацией националистических настроений. Такое развитие могло показаться тем логичнее, что Майдан легитимизировал националистические лозунги: «Слава Украине! Героям слава!» и нередко использовал черно-красный флаг УПА. Тем не менее даже в риторическом описании нынешней войны лидерами добровольческого батальона «Азов» и праворадикальной партии «Правый сектор» преобладают символические отсылки не на традицию УПА, а на советский нарратив. В частности, в сентябре 2014 года лидер «Правого сектора» написал о «нашей Великой Отечественной войне» (Ярош, 2014), а батальон «Азов» назвал Донецкий аэропорт, который украинские силы удерживали 242 дня, «нашим домом Павлова» (Кузнецова, Сабитова, Соколовская, 2015)¹⁹.

Использование символов «Великой Отечественной войны» для описания героизма Вооруженных сил Украины стало общим местом в риторике официального Киева. Еще 24 августа 2014 года в речи по случаю Дня независимости Украины, президент Петр Порошенко (2014) заявил, что Украина ведет на Донбассе «Отечественную войну». Удерживание Донецкого аэропорта многие украинские политики и СМИ сравнивали с обороной Брестской крепости, а 14 февраля 2015 года советник главы МВД Украины Зорян Шкиряк (2015) заявил, что противник «целенаправленно превращает Дебальцево в Сталинград», имея в виду интенсивность обстрелов и масштаб разрушений этого ключевого железнодорожного узла. Наиболее же выразительным был комментарий губернатора Луганской области генерала Геннадия Москаля (2014) по поводу нападения сил ЛНР на украинский блокпост под Бахмуткой в октябре 2014 года: «Это настоящие потомки власовцев, который вероломно нарушают все договоренности»²⁰.

Частоту использования подобных сравнений можно объяснить, прежде всего, сильной инерцией позднесоветского образования и массовой культуры, а также семейной памятью о войне. Образы Брестской крепости, дома Павлова или даже «предателей-власовцев» оказываются более узнаваемыми, чем фрагменты истории УПА или других течений украинского антисоветского подполья. За этим следует непростой вопрос о том, вступит ли пост-майданная Украина в серьезную конкуренцию с современной Россией за

«Великую Победу», станет ли она полемизировать со знаменитым тезисом президента Путина еще 2010 года о том, что Россия выиграла бы войну «и без Украины» (Kolbasian, 2011) и его же словами 2015 года о том, что «основные жертвы на алтарь Победы принес русский народ» (Путин, 2015).

В контексте открытого противостояния (гибридной войны) с Россией украинское правительство и президент Петр Порошенко ищут способов символического размежевания с советским прошлым и современным российским историческим нарративом. В частности, День защитника Отечества был перенесен с 23 февраля на 14 октября — символическую дату основания УПА. 9 апреля 2015 года парламент Украины — Верховная Рада — принял законы о признании членов различных украинских политических организаций на протяжении XX века (в том числе, националистического подполья времен Второй мировой войны) «борцами за независимость Украины» и об установлении 8 мая Днем памяти и примирения. Тем не менее 9 мая сохранил статус государственного праздника — Дня победы над нацизмом, льготы ветеранов Красной армии не подвергаются сомнению, высшей наградой, которую получают, в том числе, участники боевых действий на Донбассе, остался «Герой Украины» в форме советской пятиконечной звезды (в таком виде он был учрежден президентом Кучмой).

Таким образом, в политике памяти официального Киева сохраняется определенная амбивалентность и по-прежнему присутствуют многие элементы советской символики, которые химерным образом переплетаются с элементами националистического нарратива.

Разные (и похожие) образы войны

Во всех трех странах, схематически описанных в этой статье, тема Второй мировой войны остается одной из центральных для политик памяти и забвения. Особенностью Украины, в сравнении с Беларусью и Молдовой, является региональное разнообразие моделей памяти и преемственность (начиная с 1991 года) схемы истории, представленной в учебниках. Наиболее радикальные изменения в учебниках произошли в Беларуси. В Молдове борьба вокруг школьной программы по истории (а точнее, вокруг самого названия предмета) засвидетельствовала наивысший потенциал социальной мобилизации. А главный общий знаменатель развития трех

стран заключается в том, что некогда единый советский миф «Великой Отечественной войны» подвергся национализации (пусть даже подчеркнута коммунистической или «анти-националистической» властью) и адаптации к локальным ожиданиям и потребностям. Именно эти вариации и модификации содержат в себе чрезвычайно интересную информацию об обществах и власти трех соседних государств. Траекторию развития всех трех стран в наиболее общем виде можно описать (безусловно, не забывая и о существенных отличиях) как движение от более однозначных национальных схем, через разной интенсивности ре-советизацию — к поиску моделей политической нации и гражданской идентичности.

Статья впервые опубликована в 2011 году под названием «Der Große Vaterländische Krieg» in den Erinnerungskulturen von Belarus, Moldova und der Ukraine. Versuch eines Vergleichs» в сборнике «Erinnern an den Zweiten Weltkrieg. Mahnmale und Museen in Mittel- und Osteuropa» под редакцией S. Troebst и J. Wolf (с. 227–241). Более ранние, краткие версии были опубликованы на польском и украинском языках в «Res Publica Nowa», 7, 2009, с. 24–34; «Україна модерна», 4(15), 2009, с. 206–218.

Андрей Портнов — приглашенный профессор Института славистики Университета имени Гумбольдта в Берлине.

Литература

- Balmaceda, M. M., Clem, J. I., Tarlow, L. I. (Eds.). (2002). *Independent Belarus. Domestic Determinants, Regional Dynamics, and the Implications for the West*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Brandon, R., Lower, W. (Eds.). (2008). *The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization*. Bloomington: Indiana University Press.
- Cojocari, L. (2007). Political Liturgies and Concurrent Memories in the Context of Nation-Building Process in Post-Soviet Moldova: The Case of «Victory Day». *Interstitio. East European Review of Historical Anthropology*, 1(2), pp. 87–116.
- Feichtinger, W., Malek, M. (Hrsg.). (2008). *Belarus zwischen Russland und der EU. Sowjetische Vergangenheit, autoritäre Gegenwart — demokratische Zukunft?* Vienna: Landesverteidigungsakademie.
- Gerasimov, I. (2014). Ukraine 2014: The First Postcolonial Revolution. Introduction to the Forum. *Ab Imperio*, 3, pp. 22–44.
- Goujon, A. (2010). Memorial Narratives of WWII Partisans and Genocide in Belarus. *East European Politics and Societies*, 24(1), pp. 6–25.

- Ihrig, S. (2008). *Wer sind die Moldawier? Rumänismus versus Moldowanismus in Historiographie und Schulbüchern der Republik Moldova, 1991–2006*. Stuttgart: ibidem.
- Jilge, W. (2006). *The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991 — 2004/2005)*. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1, pp. 50–81.
- Khromeychuk, O. (2013). «Undetermined» Ukrainians. *Post-War Narratives of the Waffen SS «Galicia» Division*. Bern: Peter Lang Verlag.
- Kolbasian (22 января 2011). Путин: Россия победила бы в ВОВ без Украины [видео]. <https://www.youtube.com/watch?v=xiS0Ihz9RmY> (дата обращения: 1.11.2015).
- Marples, D. R. (1999). *Belarus: A Denationalized Nation*. London: Routledge.
- Marples, D. R., Millis, F. V. (Eds.). (2015). *Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution*. Stuttgart: ibidem.
- Motyka, G. (2011). *Od rzezi wołyńskiej do akcji «Wisła». Konflikt polsko-ukraiński 1943–1947*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Osteuropa. (2010). *Der Fall Belarus. Gewalt, Macht, Ohnmacht*. *Osteuropa*, 12.
- Portnov, A. (2008). *Pluralität der Erinnerung Denkmäler und Geschichtspolitik in der Ukraine*. *Osteuropa*, 6, S. 197–210.
- Portnov, A., Portnova, T. (2010). *Der Preis des Sieges. Der Krieg und die Konkurrenz der Veteranen in der Ukraine*. *Osteuropa*, 5, S. 27–41.
- Raabe, K., Sapper, M. (Hrsg.). (2015). *Testfall Ukraine. Europa und seine Werte*. Berlin: Suhrkamp.
- Rodgers, P. (2008). *Nation, Region and History in Post-Communist Transitions: Identity Politics in Ukraine, 1991–2006*. Stuttgart: ibidem.
- Rudling, P. A. (2011). *The OUN, the UPA, and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths*. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, 2107.
- Rudling, P. A. (2012). *The Khatyn Massacre in Belorussia: A Historical Controversy Revisited*. *Holocaust and Genocide Studies*, 26(1), pp. 29–58.
- Snyder, T. (2003). *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing 1943. Past and Present*, 179, pp. 197–234.
- Solonari, V. (2002). *Narrative, Identity, State: History Teaching in Moldova*. *East European Politics and Societies*, 16(2), pp. 415–446.
- Stepanenko, V., & Bylinskyi, Y. (Eds.). (2014). *Ukraine after Euromaidan: Challenges and Hopes*. Bern: Peter Lang Verlag.
- Wanner, C. (1998). *Burden of Dreams: History and Identity in Post-Soviet Ukraine*. University Park: Penn State Press.
- Wilson, A. (2011). *Belarus. The Last Dictatorship in Europe*. New Haven: Yale University Press.

- Yurchuk, Y. (2014). *Reordering of Meaningful Worlds: Memory of the Organization of Ukrainian Nationalists and the Ukrainian Insurgent Army in Post-Soviet Ukraine*. Stockholm, Stockholm University.
- Zhurzenko, T. (2014). *From borderlands to bloodlands*. www.eurozine.com/articles/2014-09-19-zhurzhenko-en.html (дата обращения: 14.09.2014).
- Ковалени, А., Сташкевич, Н. (ред.) (2004). *Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): Учебное пособие для 11 кл. Минск*.
- Кузнецова, О., Сабитова, А., Соколовская, Я. (2015). *Вынуждены были сдать то, что еще год назад было прекрасным, современным аэропортом*. www.kommersant.ru/doc/2651185 (дата обращения: 1.11.2015).
- Куско, А., Таки, В. (2003) «Кто мы?». *Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность*. *Ab Imperio*, 1, с. 485–495.
- Митрохин, Н. (2015). *Антифашисты против евреев*. <http://grani.ru/opinion/mitrokhin/m.237531.html> (дата обращения: 1.11.2015).
- Москаль, Г. (2014). *Террористы напали на блокпост украинской армии под Бахмуткой — идут бои, связь прервана*. http://censor.net.ua/news/306966/terroristy_napali_na_blokpост_ukrainskoyi_armii_pod_bahmutkoyi_idet_boyi_svyaz_poteryana_moskal (дата обращения: 1.11.2015).
- Порошенко, П. (2014). *Ця війна увійде в історію як вітчизняна* www.pravda.com.ua/news/2014/08/24/7035656/ (дата обращения: 1.11.2015).
- Портнов, А. (2010). *Упражнения с историей по-украински*. М.: ОГИ, Полит.ру, Мемориал.
- Путин, В. (2015). *Международный день памяти жертв Холокоста*. www.kremlin.ru/news/47529 (дата обращения: 1.11.2015).
- Смалянчук, А. (2007). *Другая сусветная вайна ў памяці насельніцтва заходняга і ўсходняга памежжа Беларусі*. Под. ред. Е. Smułkowej, А. Engelking. *Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej*, с. 121–156. Warszawa: Wydawnictwo DiG.
- Смалянчук, А. (2008). *Школьны падручнік па гісторыі Беларусі як «месца памяці/месца забыцця» пра Другую сусветную вайну*. *Номо historicus*, 1, с. 370–383.
- Тихоміров, А. (2004). *Україна та українці на сторінках білоруських підручників з історії для середніх шкіл*. *Збірник Харківського історико-філологічного товариства*, 10, с. 348–357.
- Ушакин, С. (2011). *В поисках места между Сталиным и Гитлером: о постколониальных историях социализма*. *Ab Imperio*, 1, с. 209–233.
- Шаталова, В. (2008). *Цені вайны: паліцэйскія і партызаны ў памяці насельніцтва беларускай вёскі*. *Номо historicus*, 1, с. 384–389.

- Шкиряк, З. (2015). Российско-террористическая армия превращает Дебальцево в Сталинград. <http://inforesist.org/shkiryak-rossijsko-terroristicheskaya-armiya-prevrashhaet-debalcevo-v-stalingrad/> (дата обращения: 1.11.2015).
- Ющенко, В. (2006). Виступ Президента України з нагоди Дня Перемоги. 9 травня 2006 року. www.president.gov.ua/news/3179.html (дата обращения: 1.05.2015).
- Янукович, В. (2011). Звернення Президента України у зв'язку з 70-ми роковинами трагедії Бабиного Яру, www.president.gov.ua/news/21351.html (дата обращения: 15 ноября 2014).
- Ярош, Д. (2014). Мы ошиблись, поддержав Порошенко, <http://inforesist.org/my-oshiblis-podderzhav-poroshenko-yarosh/> (дата обращения: 1.11.2015).

Примечания

- 1 Содержательный анализ символизации «Беларуси партизанской» см. в.: Гоцјон (2010).
- 2 Детальнее о памяти белорусского общества о войне и ее разнообразные формы см.: Смалянчук (2007), Шаталова (2008) и др.
- 3 Детальнее см.: Смалянчук (2008). Ср.: Тихомиров (2004).
- 4 В связи с авторитарным режимом Лукашенко появилось метафорическое обозначение Беларуси как «последней диктатуры в Европе». См.: Wilson (2011). Среди попыток анализа политического феномена режима Лукашенко и специфики постсоветской Беларуси см.: Marples (1999), Balmaceda, Clem, & Tarlow (2002), Feichtinger & Malek (2008); Osteuropa (2010).
- 5 См.: Ковалени, Сташкевич (2004). Пособие описывает «воссоединение» 1939 года по советской схеме, но с упоминанием об «ошибках и перегибах», которые сводятся к закрытию храмов. В книге упомянут и Холокост, есть отдельный параграф о белорусских коллаборантах, написанный в неожиданно спокойном ключе.
- 6 Все цитаты Александра Лукашенко приведены по официальному сайту Президента Республики Беларусь: www.president.gov.by.
- 7 Мемориальный комплекс на месте сожженной в марте 1943 года деревни Хатынь неподалеку от Минска был открыт в 1969 году. Подробнее о его символизации см.: Ушакин (2011), Rudling (2012).
- 8 Этим, как и рядом других наблюдений этого раздела, автор обязан Андрею Тихомирову.
- 9 Детальнее об этом см.: Ihrig (2008).
- 10 Аналогичные по смыслу стратегии «доместикации» советских монументов имеют место и в Украине. Примером может служить памятник советским воинам в подкарпатском Славском с достроенной в начале 1990-х скульптурой Божьей Матери, оплакивающей погибших. Детальнее об этом монументе см.: Portnov (2008).

- 11 Тезис о приемственности молдавской государственности является в значительной степени продуктом советской историографии. Во время непродолжительного существования независимой Молдавской Демократической Республики (24 января — 27 марта 1918 года) попыток связать государственность с средневековым Молдавским княжеством не было: Куско, Таки (2003), с. 490.
- 12 Подробнее о политиках памяти постсоветской Украины см.: Wanner (1998), Rodgers (2008), Портнов (2010) и др.
- 13 О Волынской резне 1943 года см.: Motyka G. (2011) (русский перевод этой книги увидел свет в 2015 г.), Snyder (2003).
- 14 Подробнее см.: Rudling (2011). Среди литературы о Холокосте в Украине особое внимание заслуживает сборник: Brandon, Lower (2008).
- 15 Подробнее о разных группах ветеранов и их роли в украинской политике см.: Portnov, Portnova (2010).
- 16 Кульчицкий, С. ОУН і УПА. (2005). Фаховий висновок робочої групи істориків при урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. Анализ этого документа см. в: Jilge W. The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991 — 2004/2005). *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2006, 1, с. 50–81.
- 17 Специальное исследование памяти об УПА: Yurchuk (2014). По вопросу оценки коллаборации с нацистами в политиках памяти постсоветского периода см. также: Khromeuchuk (2013).
- 18 Среди публикаций о Майдане и «украинском кризисе» см.: Stepanenko, Bylunskyi (2015), Marples, Millis (2015), Raabe, Sapper (2015) и др. См. также важные наблюдения в: Gerasimov (2014), Zhurzenko (2014).
- 19 Дом Павлова — жилой дом в Сталинграде, в котором во время Сталинградской битвы 1943 года группа советских бойцов под командованием сержанта Якова Павлова держала оборону. Стал одним из узнаваемых символов «Великой Отечественной войны».
- 20 Имеется в виду советский генерал Андрей Власов, попавший в 1942 году в немецкий плен и ставший руководителем Русской освободительной армии (РОА). В 1945 году Власов был захвачен советскими войсками и в 1946 году казнен как «изменник Родины».

Внешнее воздействие на
гражданское образование и
транснациональный обмен

Ханна Василевич

Программа Восточного партнерства: итоги пяти лет работы и перспективы развития

Восточное партнерство: предыстория и рамочные условия

Возникновение и реализация инициативы Восточного партнерства в рамках Европейской политики добрососедства (ЕПД) явились итогом соответствующих предложений со стороны Польши и Швеции, нацеленных на поддержание и укрепление сотрудничества между Европейским союзом (ЕС) и его шестью восточными соседями: Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. Ранее ЕПД во многих отношениях подвергалась существенной критике из-за обширности ее структуры, вобравшей целый ряд различных стран Северной Африки, Среднего Востока и Восточной Европы. Именно по этой причине определение политики ЕС по отношению к восточным соседям призвано было стать качественной модернизацией ЕПД (Emerson, 2008, с. 15). Восточное партнерство провозгласило своей первейшей целью побуждение шести государств-участников к созданию зоны свободной торговли между ними и ЕС. Дальнейшие цели предусматривали укрепление сотрудничества в области энергетики, сопровождаемое отменой торговых барьеров между участниками инициативы. Наконец, Восточное партнерство было выстроено в виде клуба, «который будет лоялен по отношению ЕС, зависим от него и разделит европейские ценности» (Polkhov, 2008).

Вышеупомянутые лояльность и зависимость нашли свое воплощение в структуре Восточного партнерства: она была разработана Европейским союзом и основана на принципе «больше-за-больше». Это означает, что страны, демонстрирующие бóльшую эффектив-

ность проведения демократических реформ, получают от Европейского союза, соответственно, больше возможностей и поощрений. В то же время двусторонние отношения каждой из шести стран с ЕС были формально закреплены в рамках Восточного партнерства с аналогичным основополагающим принципом, отраженным в Соглашениях об ассоциации, и содержанием, частично заимствованным из Соглашения об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (СУВЗСТ), заменяющие предшествующие Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Иначе говоря, такая структура подразумевала сближение между каждым членом Восточного партнерства и ЕС, в то время как предшествующая ей преследовала цель «обеспечения гарантий поступательной гармонизации [их] законодательства и правовой базы Евросоюза в соответствии с так называемым «положением по сближению»» (Petrov, 2014, с. 137). Такое сближение должно основываться на трех столпах и включать сферы экономики, нормативно-правового регулирования и внутренних дел, а также внешней политики и политики безопасности (Emerson, 2008, с. 15). Первостепенная важность при завершении выстраивания Восточного партнерства отводилась членству во Всемирной торговой организации (ВТО). ЕС выдвинуло это в качестве условия переговоров об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли в рамках двусторонних соглашений об ассоциации (European Commission, 2014, 2).

В этом формате особая роль отводилась Украине. С одной стороны, это — самая большая страна Восточного партнерства: на нее приходится около 60% территории и населения (SME, 2012, с. 52). С другой стороны, Соглашение об ассоциации между ЕС и Украиной задумывалось как некое лекало для других стран Восточного партнерства, безусловно учитывающее и их особенности (Emerson, 2008, с. 15). Следовательно, самой структурой подразумевается более или менее стандартный подход ЕС к шести различным странам Восточного партнерства — региону, который в случае принятия решения о расширении отношений с ЕС должен подчиниться требованиям разработанного ЕС формата координации двусторонних отношений. Возможно несколько видений данного подхода.

Это имеет ряд последствий. Формула «больше-за-больше» применяется Европейским союзом к странам с различными геополитическими приоритетами и предпочтениями в выборе союзников. При этом уже на стадии зарождения инициативы Восточного партнерства у этих шести стран было шесть разных уровней сбли-

жения с ЕС и видений развития двусторонних отношений. Более того, после аннексии Россией в 2014 году украинского полуострова Крыма, Беларусь остается единственным членом Восточного партнерства, не находящимся ни в территориальном, ни в этническом конфликте с другими государствами в сфере влияния России. Тем не менее архитектура Восточного партнерства не учитывает возрастающее влияние России в данном регионе, нашедшее воплощение в многочисленных региональных альянсах под ее руководством. Наконец, формат Восточного партнерства не предлагает ясной перспективы членства в ЕС ни одному из шести участников, хотя и не исключает его. Этот формат, однако, предусматривает, что сближение стран с Европейским союзом должно быть достигнуто за счет специального механизма Восточного партнерства в пределах Европейской политики добрососедства. В то же время среди государств — членов ЕС нет единства в отношении места Восточного партнерства во внешней политике ЕС и скорости достижения целей программы. Содержание программ государств, председательствующих в Совете ЕС, хорошо это иллюстрирует.

Европейская перспектива для стран региона до и после Вильнюса

Анализ возникновения и развития рамочных условий Восточного партнерства требует более пристального рассмотрения в ретроспективе. Как подчеркивает Джонс (Johns 2013, с. 158), «на своем официальном сайте ЕС утверждает о торговой сути партнерства и в то же время упоминает российско-грузинский конфликт как объяснение усиления влияния в регионе. Это не только компенсирует российское влияние, но и требует обратиться к состоянию двусторонних отношений между странами региона и ЕС на тот момент времени, когда инициатива Восточного партнерства находилась в стадии старта. Программа председательства Чехии в Совете ЕС (2009, с. 24), запустившая проект Восточного партнерства, дает краткий, но исчерпывающий обзор двусторонних отношений ЕС с отдельными членами Восточного партнерства. Ожидалось продолжение переговоров о новом двустороннем соглашении между Украиной и ЕС и начало переговоров с Молдовой. В отношении Армении, Азербайджана и Грузии задумывалась работа «над заключением новых, более обширных соглашений, укрепляющих отношения и сотруд-

ничество в рамках Европейской политики добрососедства и Восточного Партнерства». Что касается Беларуси, первоначально ее участие в инициативе было связано с политическим курсом белорусского правительства. Тем не менее и со стороны ЕС сигнализировалась готовность к поступательному развитию двусторонних отношений и конструктивному диалогу с Беларусью.

Следовательно, уже на начальной стадии Восточное партнерство напоминало сочетание трех лиг — в зависимости от степени продвижения предполагаемых двусторонних соглашений с Европейским союзом и стадии ведения переговоров. «Высшая лига» включала в себя Украину и Молдову, которые в то время либо собирались вести переговоры, либо уже начали их. «Первая лига» включала три государства Южного Кавказа, находящиеся на более ранней стадии развития их отношений с ЕС по сравнению с Молдовой и Украиной, однако уже продемонстрировавших свою готовность к более тесному сотрудничеству. «Вторая лига» включала Беларусь, которая являлась единственным членом Восточного партнерства, не ведущим переговоры о подписании Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Европейским союзом (European Commission, 2014, с. 5).

В течение пяти лет работы Восточного партнерства ситуация несколько изменилась — из-за изменений конфигурации в развитии отношений стран Восточного партнерства с ЕС. Программа председательства Литвы в Совете ЕС (2013, с. 17), достигшая апогея на Саммите Восточного партнерства в ноябре 2013 года в Вильнюсе, может служить тому наглядным примером. Первоначально подписание Соглашения об ассоциации Украины с ЕС, включая часть об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли, отмечалось как кульминация саммита. В случае Армении, Грузии и Молдовы Европейский союз стремился к завершению переговоров о соглашениях в преддверии саммита. В отношении Азербайджана ожидался «ощутимый прогресс переговоров». Специфические особенности отношений Беларуси и ЕС программой учтены не были. Таким образом, различные стадии ведения переговоров рассматривались как основной фактор, определяющий двусторонние отношения ЕС и его восточных соседей. Такое положение дел также предопределило интерес общественности к странам Восточного партнерства в преддверии и во время саммита в Вильнюсе. Наиболее пристальное внимание уделялось Украине, затем Армении, Грузии и Молдове, в то время как Азербайджан и Беларусь привлекли наименьший интерес. Этот факт вписывается в логику формулы

«больше-за-больше», применяемой ЕС к странам — членам Восточного партнерства. В то же время, если бы наиболее громкие «проевропейские» заявления в части развития их отношений и готовности к дальнейшему ощутимому успеху в продвижении переговоров с Европейским союзом исходили от Азербайджана или Беларуси, едва ли внимание общественности было бы приковано к «высшей лиге» (Kascian, Vasilevich, 2013, с. 2).

Реальное развитие ситуации, однако, пошло в русле, отличном от того, что ожидал Европейский союз. Во-первых, Армения отказалась от ведения переговоров о подписании Соглашения об ассоциации и заявила о своем намерении присоединиться к Таможенному союзу, возглавляемому Россией (Gotev, 2013). Во время саммита на фоне решения о переносе подписания Соглашения об ассоциации (воспринятого широкими слоями общественности как завуалированный отказ), объявленного украинскими властями во главе с бывшим президентом Виктором Януковичем, инициация Соглашений об ассоциации с Грузией и Молдовой лишь в весьма ограниченной степени могло бы быть расценено как успех внешней политики ЕС.

Более того, решение Януковича повлекло за собой серьезные последствия как для Украины, так и для всего региона. Правительству Януковича было свергнуто, Россия присоединила Крым, а непрекращающиеся вооруженные столкновения между украинскими войсками и пророссийскими повстанцами на востоке Украины привели к многочисленным жертвам среди гражданского населения и военных.

Последующее 27 июня 2014 года подписание Грузией, Молдовой и Украиной Соглашений об ассоциации привело к повторному образованию двух уровней среди членов Восточного партнерства. Высший уровень был сформирован Грузией, Молдовой и Украиной, уже подписавшими Соглашения об ассоциации. Второй уровень состоял из Армении, Азербайджана и Беларуси, которые по различным причинам до того времени еще не подписали соглашения.

Рассматривая последствия саммита в Вильнюсе, следует отметить несколько аспектов. Во-первых, структура Восточного партнерства, сформированная ЕС, оказалась привлекательной лишь для трех из шести членов Восточного партнерства. Во-вторых, установление близких отношений между ЕС и странами Восточного партнерства пристально отслеживалось Россией, которой в период после саммита в Вильнюсе удалось стать одним из ведущих международных акторов в отношении событий в странах Восточного пар-

тнерства, в частности в Украине. В-третьих, все три страны, подписавшие Соглашения об ассоциации, вовлечены в территориальные конфликты с участием России. Рассматривая сложившееся положение, важно выделить три специфических фактора влияния: каким Восточное партнерство видится по сравнению с альтернативными инициативами интеграции региона, какую позицию занимает Россия по отношению к Восточному партнерству и почему рамочные условия Восточного партнерства не всеми его членами воспринимаются как наиболее привлекательный вариант союзничества.

Конкурирующие инициативы?

На практике Восточное партнерство явилось первой попыткой ЕС рассматривать шесть восточных соседей вне российского политического курса, хотя сама Россия отказалась быть частью структуры Восточного партнерства. Иными словами, как утверждают Делькур и Вольчук (Delcour, Wolczuk, 2013, с. 190), Восточное партнерство повлекло за собой переход от так называемого мягкого подхода, основанного на убеждении и поддержке, к всеобъемлющему, обязательному и подробному правовому регулированию структурирующих отношений между ЕС и его соседями на востоке. Не предлагая перспективу членства в Европейском союзе, оно, тем не менее, стремится укоренить страны-участницы в «сфере влияния ЕС» в рамках Соглашения об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли.

Несмотря на отсутствие однозначной перспективы вступления в ЕС, Соглашение об ассоциации с Молдовой, например, содержит ссылку на статью 49 Лиссабонского договора, создающую для всех европейских государств предпосылки потенциального вступления в ЕС (Kasčiūnas, Keršanskas, 2014, с. 10).

В то же время «Россия усматривает в Восточном партнерстве попытку вмешательства ЕС в той части мира, которая рассматривается ею как сфера собственного влияния» (Johns, 2013, с. 158). Следовательно, именно образование Восточного партнерства подтолкнуло Россию к развитию собственных проектов интеграции, также имеющих структуру юридических обязательств (Delcour, Wolczuk, 2013, с. 191). Таким образом, продвижение обеих альтернатив интеграции, возглавляемых ЕС и Россией, дает экспертам все основания расценивать их как конкурирующие инициативы.

Объединение частей Европы, хотя бы и в ограниченных форматах Восточного партнерства и Таможенного союза (ТС) / Евразийского экономического союза (ЕАЭС) представляются общественности как взаимоисключающие варианты. Так, содержание Соглашений об ассоциации с перспективой вступления в ЕС исключает участие государств — членов Восточного партнерства в возглавляемых Россией региональных экономических проектах (European Commission, 2014, с. 2–3).

В то же время любое соперничество требует некоей симметричности, которая при попытке сравнения данных двух проектов предстает довольно неопределенной. Во-первых, в то время как в любом проекте интеграции в постсоветском пространстве с российским участием, по сути, доминирует Россия, ЕС — объединение клубного типа, в котором несколько стран, таких как Германия, Франция или Великобритания нейтрализуют друг друга, одновременно препятствуя политическому доминированию других игроков на пространстве бывшего Советского Союза. Во-вторых, в отличие от Восточного партнерства, которое не дает странам-участникам однозначной перспективы принятия в ЕС, исходящие от России инициативы интеграции гарантируют полное и всестороннее членство в ТС / ЕАЭС, обеспечивая определенное влияние при принятии решений в этих организациях. В то же время «в отличие от ЕС, [Россия] не расценивается в качестве надежного источника модернизации за счет экономической интеграции, основанной на общих правилах» (Delcour, Wolczuk, 2013, с. 180). При этом именно Россия преимущественно использует традиционный подход «твердой руки», чтобы убедить соседей следовать постсоветскому пути интеграции (Zhurzhenko, 2014, с. 21), в то время как воздействие его «мягкой силы» остается «ничтожным по сравнению с имиджем России как страны, применяющей силу для продвижения собственных интересов» (Kobzova, Popescu, Wilson, 2011, с. 93). Тем не менее, несмотря на такую репутацию среди своих соседей, Россия располагает достаточным пространством для того, чтобы воспользоваться зависимостью от нее членов Восточного партнерства в экономической и политической сферах, а также в области безопасности. Это позволяет Кремлю «взвесить затраты и преимущества, связанные с экономической интеграцией этих стран с ЕС» (Delcour, Wolczuk, 2013, с. 180).

Все эти факторы в совокупности подразумевают борьбу между различными интеграционными проектами за широкое общественное

признание в странах Восточного партнерства. В действительности российский подход может быть описан как подход «богатого старшего брата», поскольку он подразумевает центральную роль России в архитектуре ее проектов интеграции и готовность незамедлительного начала работы. В свою очередь, концепция ЕС может быть охарактеризована как некий «клуб высшего общества»: для получения к нему полного доступа потенциальный кандидат должен достичь определенного статуса, лишь затем может быть принято решение об его вступлении (Kascian, Vasilevich, 2013, с. 2). Эти качественно разные подходы двух важнейших игроков в равной степени поддерживаются населением соответствующих стран. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения, проводимые различными организациями, которые осуществляют мониторинг мнения населения о выборе между ЕС и Российской Федерацией / ТС / ЕАЭС (например, Независимым институтом социально-экономических и политических исследований в Беларуси или Центром Разумкова в Украине). Геополитический выбор в пользу Западной Европы обычно подсудно предполагает «присоединение к ЕС» или нечто подобное, даже если вопрос вступления в Европейский союз не стоит на повестке Восточного партнерства ни в средне-, ни в долгосрочной перспективе. Даже при отсутствии доступных данных о том, насколько население в соответствующих странах отдает себе отчет в малоперспективности членства в ЕС, очевидно, что такие опросы общественного мнения фактически сравнивают два сценария развития событий: виртуальное развитие (которое может найти свое завершение во вступлении в ЕС) и реальное сотрудничество с Россией.

В результате существуют значительные различия между двумя упомянутыми форматами интеграции. В случае ТС / ЕАЭС, лидерство в котором отводится России, перспектива членства в полном объеме прозрачна с самого начала процесса интеграции, тогда как конечные преимущества процесса интеграции в рамках Восточного партнерства неопределенны и размыты. Это означает, что члены Восточного партнерства, выбирая такой путь, вынуждены иметь дело с практически бесконечным процессом, сопровождаемым многочисленными препятствиями и ведущим к потенциально неизвестным результатами.

Более того, вышеупомянутое «самовосприятие ЕС в сочетании с отсутствием однозначной перспективы членства для стран Восточного партнерства существенно усложняет то, что подается как «европейская перспектива для региона» (Kascian, Vasilevich, 2013, с. 2).

«Русский мир» или европеизация?

Восприятие российскими политическими элитами участников Восточного партнерства в пределах их сферы влияния в последние годы получило дополнительные элементы, которые идут за рамками общего советского прошлого. Общее прошлое все еще остается важным элементом общественной жизни в России и в странах Восточного партнерства и интерпретируется такими авторами, как Григорий Йоффе (2012) как «культурная предпосылка», что в некоторых случаях, например в случае Беларуси, вероятно, предопределяет выбор геополитических альянсов в пользу России. В то же время подобная интерпретация основывается на логике вышеупомянутых опросов общественного мнения, которая практически вынуждает респондентов делать выбор между вступлением их страны в ЕС и участием в российских проектах интеграции. Такая формулировка не дает ответа на вопрос, почему определенные страны сделали тот или иной выбор. При этом собственные экономические и политические интересы стран Восточного партнерства в основном опускаются как не имеющие значения. При таком подходе — «или-или» — каждый член Восточного партнерства рассматривается как объект международной политики, а не как ее субъект. Тем самым свобода маневра ограничивается рамками принятия обязательного решения о союзничестве с Россией или с ЕС (Kascian, Vasilevich, 2013).

В то же время общая политическая культура сформировавшегося в советское время старшего поколения элит склонна к ощущаемому упрощению отношений между Россией и участниками Восточного партнерства, с одной стороны, и между самими странами-партнерами, с другой стороны.

Кроме того, рост авторитета России в зоне ее непосредственного влияния сопровождался распространением концепции так называемого «Русского мира», ставшего доминирующей доктриной государства и Русской православной церкви. Наличие этой доктрины объясняет притязания России на усиление ее связей с соседними государствами и обращение к историческим и культурным основам российской государственности. Согласно Тишкову (Тишков, 2008, с. 416), в рамках этой доктрины понятие «мир» означает «межгосударственное и межконтинентальное сообщество, объединенное на основе тяготения к отдельному государству и лояльности к его культуре». Особое внимание в этом подходе отводится роли

русского языка. По мнению Владимира Путина (2007), необходимо развитие русского языка в роли языка исторического содружества наций и международной коммуникации в рамках сообщества под названием «Русский мир» — пространства, гораздо большего, чем сама Россия.

Политика Кремля в этом отношении поддерживается Русской православной церковью, которая считает Беларусь, Россию и Украину прямыми наследниками Киевской Руси и сердцевинной «Русского мира». Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (2009) также неоднократно подчеркивал, что Церковь называют русской не по причине этнической принадлежности. Этот термин указывает на священную миссию Русской православной церкви среди народов, для которых русские духовные и культурные традиции явились основой их национального самосознания или, по крайней мере, его существенной частью. Даже притом, что суверенитет государств не ставится под вопрос, и языковое пространство, как утверждается, не обосновывает иерархию в отношениях между рассматриваемыми странами, очевидно, что это видение поддерживает распространение руссоцентристской точки зрения на историю и культуру соседних государств. Из всех стран Восточного партнерства потенциальная восприимчивость к идеям «Русского мира» наиболее высока в Беларуси, Молдове и Украине, которые относятся к Московскому Патриархату. Особая символическая роль в этих отношениях принадлежит Киеву, который рассматривается сторонниками «Русского мира» как его колыбель. Таким образом, в политике отношений со своими непосредственными соседями Россия начала применять идеологические конструкции, которые покоятся на фундаменте истории, культуры и языка. Значительное присутствие в регионе российских СМИ и их довольно эффективная работа в распространении российского видения, а также многочисленные возможности пользования Россией зависимости от нее стран Восточного партнерства в сферах экономики, политики и безопасности, составляют важную основу для продвижения руссоцентристских идей в соседних странах и усиливают связи этих стран с Россией.

Поэтому при измерении эффективности политики ЕС в рассматриваемом регионе в рамках Восточного партнерства или каких-либо иных структур зачастую утверждается, что основной акцент должен быть на «разрыве связей между коррумпированными элитами в России и других постсоветских государствах и подрыве

самого понятия «постсоветского пространства» как выражения географической и политической целостности» (Maknoff, 2012, с. 289).

Однако подобные усилия практически невозможны без более активного обращения ЕС к историческому и культурному прошлому, объединяющему страны Восточного партнерства в рамках общеевропейского наследия и находящемуся за пределами тех ценностей, которые ЕС продвигает на востоке от своих границ. Это в особенности важно в случае Беларуси, Молдовы и Украины. Более того, здесь это совместимо с национальными историческими нарративами, которые представляют своего рода противовес руссоцентристским представлениям об истории региона.

Заключение

Претворение в жизнь инициативы Восточного партнерства должно было качественно изменить отношения между ЕС и его восточными соседями, в частности за счет индивидуального подхода к каждой стране. В то же время архитектура политических инициатив, если брать критерием ее оценки содержание Соглашений об ассоциации, иллюстрирует применение Европейским союзом универсального подхода ко всем странам без учета их особенностей. Кроме того, формула «больше-за-больше» не учитывает геополитические предпочтения и экономические связи стран Восточного партнерства. Более того, такой «рациональный» подход не учитывает исторические особенности, которые не только повлияли на выбор прежних альянсов, но и определяют сегодня институциональные подходы и поведение официальных лиц стран Восточного партнерства, зачастую являющихся представителями советской номенклатуры.

Еще целый ряд проявлений непоследовательности Восточного партнерства связан с фактором российского влияния. С одной стороны, Россия сама отклонила членство в Восточном партнерстве. Однако такое решение ни в коем случае не означает, что Россия отказалась и от преследования своих интересов, а также исторически сложившихся притязаний на влияние в регионе. При этом Восточным партнерством не было принято во внимание распространение все более крепнущей идеи «Русского мира», преследуемой Кремлем в сотрудничестве со СМИ и Русской православной церковью. Игнорирование этих факторов привело к развитию ситуации, при которой практически все страны Восточного партнерства

столкнулись с замороженными конфликтами на своих территориях. Присутствующий в конфликтах потенциал эскалации способен привести к дестабилизации ситуации в каждой из стран Восточного партнерства, что было проиллюстрировано недавними событиями в Украине. При этом следует особо подчеркнуть роль России в этом процессе.

Таким образом, спустя пять лет после начала работы потенциальная ценность Восточного партнерства существенно девальвировалась — в основном из-за несколько чрезмерных требований ЕС как «клуба высшего общества», из-за малого числа преимуществ участия в Восточном партнерстве (ввиду недостаточно ясной перспективы членства в ЕС), а также из-за некорректной оценки исторических предпосылок и геополитического статуса региона Восточного партнерства в целом.

Перевод с английского: Наталия Буш.

Настоящая статья — сокращенная версия текста, первоначально опубликованного в: Bator, Peter. — Ondrejcsak, Robert. (Eds.): *Panorama of global security environment 2014*. Center for European and North Atlantic Affairs (CENAA), Bratislava 2015, 672 pp. ISBN 978-80-971124-9-3. Текст переиздается с разрешения Центра Европейских и Североамериканских вопросов (CENAA).

Ханна Василевич — научный сотрудник Европейского центра по вопросам меньшинств во Фленсбурге.

Литература

- Delcour, L., Wolczuk, K. (2013). Eurasian economic integration: implications for the EU Eastern policy. In: R. Dragneva & K. Wolczuk (Eds.), *Eurasian Economic Integration: Law, Policy and Politics*. Cheltenham and Northampton: Edward Elgar Publishing, pp. 179–203.
- European Commission. (2014). *Neighbourhood at the Crossroads: Implementation of the European Neighbourhood Policy in 2013*. SWD (2014) 99 final. Brussels: European Commission. http://eeas.europa.eu/enp/pdf/2014/regional/eastern_partnership_report.pdf (дата обращения: 22.11.2015).
- Emerson, M. (2008). *The Struggle for a Civilised Wider European Order: Elements for a European Security Strategy*. CEPS Working Document 307. <http://aei.pitt.edu/11655/1/1752.pdf> (дата обращения: 22.11.2015).

- Erkomaishvili, D. (2014). Love Enforcement or Why Eastern Partnership Initiative Needs an Update. *Belarusian Review*, 26(1), pp. 7–8.
- Gotev, G. (2013). EU loses Armenia to Russia's Customs Union. *EurActiv.com*. www.euractiv.com/europes-east/eu-loses-armenia-russia-customs-news-530224 (дата обращения: 2.12.2015).
- Ioffe, G. (2012). Who Is Losing Belarus? *Eurasia Daily Monitor*, 9 (22). [www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews\[tt_news\]=38959](http://www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews[tt_news]=38959) (дата обращения: 14.08.2014).
- Johns, M. (2013). Russia-European Union relations after 2012: good, bad, indifferent? In J.L. Black, M. Johns, *Russia after 2012: From Putin to Medvedev to Putin — Continuity, Change, or Revolution?* Abingdon and New York: Routledge, pp. 153–166.
- Kascian, K. (2013). Grigory Ioffe's Misunderstood Belarus. *Belarusian Review*, 25(1), pp. 8–11.
- Kascian, K., Vasilevich, H. (2013). Belarus: a Second-tier Partner of the EU? *Belarusian Review*, 25(4), 2.
- Kasčiūnas, L., Keršanskas, V. (2014). Lessons from Vilnius. *New Eastern Europe*, 1, pp. 8–13.
- Kobzova, J., Popescu N. & Wilson, A. (2011). Russia and EU's Competitive Neighbourhood. In: A. Astrov (Ed.), *The Great Power (mis)Management: The Russian–Georgian War and its Implications for Global Political Order*. Farnham and Burlington: Ashgate Publishing, pp. 79–102.
- Mankoff, J. (2012). Relations with the European Union. In: Stephen K. Wegren (Ed.), *Return to Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain*, pp. 277–296. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Petrov, R. (2014). Legislative approximation and application of the EU law in Ukraine. In: R. Petrov, P. van Elsuwege (Eds.), *The Application of EU Law in the Eastern Neighbourhood of the European Union: Towards a Common Regulatory Space?* Abingdon and New York: Routledge, pp. 137–158.
- Polkhov, S. (2008). EU's «Eastern partnership» and Russia-Belarus relations. *Russia Beyond The Headlines*, December 19. http://rbth.com/articles/2008/12/19/191208_rrlations.html (дата обращения: 14.08.2014).
- Popescu, N. (2007). Europe's Unrecognised Neighbours: The EU in Abkhazia and South Ossetia. CEPS Working Document 260.
- Popescu, N. (2010). *EU Foreign Policy and Post-Soviet Conflicts: Stealth Intervention*. Abingdon and New York: Routledge.
- Shapovalova, N., Boonstra, J. (2012). «The European Union: From Ignorance to a Privileged Partnership». In: M. Kosienkowski, W. Schreiber (Eds.), *Moldova: Arena of International Influences*, pp. 51–76. Lanham: Lexington Books.

- SME. (2012). Policy Index: Eastern Partner Countries Progress in the Implementation of the Small Business Act for Europe: Progress in the Implementation of the Small Business Act for Europe. Paris: OECD Publishing.
- Work Programme of the Czech Presidency of the Council of the EU. (2009). Europe without Barriers. January 1 — June 30.
- Work Programme of the Lithuanian Presidency of the Council of the EU. (2013). For a Credible, Growing and Open Europe. July 1 — December 31.
- Zhurzhenko, T. (2014). Borderlands into Bordered Lands: Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine. Stuttgart: ibidem.
- Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира. (2009). www.patriarchia.ru/db/text/928446.html (дата обращения: 14.08.2014).
- Заместитель председателя ОВЦС: «Русский мир — это цивилизационная общность, образованная общими ценностями и общим опытом общественного строительства» www.patriarchia.ru/db/text/26208.html (дата обращения: 14.08.2014).
- Путин, В. (2007). Послание Федеральному Собранию Российской Федерации http://archive.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.
- Shtml (дата обращения: 14.08.2014).
- Тишков, В. А. (2008). Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии. Вестник РАН, 78(5), с. 415–422.

Владимир Ермоленко

О России, зоополитике и информационном десанте

На государственном гербе России изображен двуглавый орел. Российская пропаганда тоже предстает существом с двумя головами. Это — двуличный Янус, смотрящий в противоположных направлениях, где исключающие друг друга направления исключают и наличие прочного идеологического фундамента для нового российского проекта.

Для жителей России и русскоязычных зрителей на бывшей территории Советского Союза основные телевизионные каналы России транслируют послания, глубоко приверженные традиции. В них утверждается, что Россия, являясь наиболее важным наследником СССР, является и представителем прежней цивилизации. Цивилизации, разгромившей нацизм и являющейся оплотом ортодоксальной христианской культуры. Цивилизации, у которой всегда был *Sonderweg* — русский «особый путь».

Международной обществуности Россия, однако, подает себя по-другому. Это — часть «дивного нового мира», новое многополюсное устройство мира с глубоко футуристической повесткой дня. Этот «новый мир» придет на смену мировому порядку с центром в разлагающемся и старомодном Западе. В этом заключено основное противоречие двуглавого орла российской пропаганды: внутренней аудитории Кремль говорит, что сила России — в ее прошлом, в то время как для международной аудитории сила России — в будущем, в неизведанном, в новом стиле политики, экономики и коммуникации. Этот новый стиль не имеет никакого отношения к политической корректности, к гуманизму или к взаимному уважению. Он более агрессивен и более подобен животному. Это — скорее зоополитика — политика животного мира.

Зоополитика

В период после Второй мировой войны Запад пытается сконструировать самого себя по логике «обоюдного выигрыша». Эта логика предполагает, что в любых отношениях обе стороны должны быть победителем. Единственная несправедливость заключается в распределении кусков пирога: одни куски больше, другие меньше.

Россия, со своей стороны, действует в соответствии с логикой «обоюдного проигрыша». Такой образ мышления в любых отношениях сводится к стремлению проиграть меньше оппонента. Мир — поле битвы, на котором вам гарантированы ранения и потери крови. Поэтому основная цель заключается в том, чтобы убить, чтобы не быть убитым; съесть, чтобы не быть съеденным. Знаменитое возвращение России в «геополитику» поэтому в действительности является возвращением к зоополитике.¹ По сути, это — представление о политике как о битве крупных зверей — государств — за выживание и «среду обитания». Частое сравнение Путиным России с «медведем — хозяином тайги» является метафорой, проливающей свет на скрытую логику его действий. Идея «борьбы за выживание» берет верх над рациональными взаимовыгодными расчетами.² Кремль вернулся не к эпохе холодной войны, а скорее к социальному дарвинизму конца XIX века. Люди — животные, государства — тоже животные, и государства способны выжить, лишь убивая или рняя другие государства.

Зоополитика доминирует в российской пропаганде на Западе. Язык телеканала Russia Today (RT), например, явно жестокий, «политически некорректный». Он обращается непосредственно к сердцам и умам тех, кто страдает от «цивилизационной усталости», тех, кто усматривает в политкорректности и дипломатичности Запада, в таких ценностях, как уважение и терпимость, проявление его упадничества и слабости. RT не страшится предоставить слово настроенным против Запада интеллектуалам, таким как Пепе Эскобар (Escobar, 2004), который предлагает разделить Украину между Польшей и Россией. Таких заявлений — множество.

Важно отметить, что Россия рассматривает свою животную политику как часть глобального противостояния. Для Кремля борьба идет не только за Крым или Украину, или даже за «Новороссию». Это — вызов миру в целом и Западу, в частности. Как гитлеровский нацизм, маскировавший немецкий национализм идеологией межрасовой борьбы, так и Россия представляет свое

противоборство как битву за целую планету. Основное отличие от жутких фантазий нацистов заключается в том, что Кремль заменяет концепцию «раса» концепцией «цивилизация». Чтобы продемонстрировать, что противоборство не носит ни локальный, ни региональный характер, распространяется утверждение, что сама Россия — не просто государство, не просто нация, а «цивилизация». «Русский язык — не этническая [...], а цивилизационная характеристика», — заявил однажды российский министр культуры Владимир Мединский (Vasiasamosvalov, 2013). Если Россия рассматривает себя не как государство или нацию, а как особую цивилизацию, она может презентовать себя как альтернативу западной цивилизации.

Великая альтернатива

Бытует мнение, что основные методы российской пропаганды сводятся к тому, чтобы исказить значение событий, сбить с толку и убедить читателя в том, что объективной истины не существует. Так, Петр Померанцев утверждает, что цель кремлевской пропаганды состоит в том, чтобы «создать хаос» посредством распространения теории заговора и вымыслов» (Pomerantsev & Weiss, 2014).

Существует, однако, и другая концепция в информационной политике России — утверждающая, что Россия в совокупности с другими «развивающимися странами» представляют «весомую альтернативу» миру, в настоящее время пока находящемуся во власти Запада.

«Весомая альтернатива» представляется на пропагандистских каналах, таких как RT, нацеленных на аудиторию Запада. Эти СМИ вещают не о России, а о мире, о планете в целом. Девиз «Спутника» (нового СМИ, запущенного Кремлем в 2014 году) — «высказать невысказанное» — означает повествование миру невысказанной и до сих пор неизвестной «правды» о себе. Первейшая мысль, доносимая до зрителя, заключается в том, что мир больше не однополярен. Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка, по утверждению Russia Today, уже с успехом бросают вызов господству Запада. Их конкурентное преимущество состоит в прагматизме и в том факте, что они не обращают никакого внимания на «ценности». В то время как Запад увяз в Ираке, Афганистане, Сирии и Украине, перечисленные державы ездят по всему миру и достигают соглашений.

Альтернативная модель, которую российская пропаганда пытается предложить мировой аудитории, не является альтернативной «общественной моделью», продвигаемой в XX веке СССР и социалистическим Китаем, когда Западу сигнализировалось: «Мы предлагаем вам новую модель общества». Альтернатива нового времени — «завязывание связей». «Мы лучше в организации сети контактов», — как бы утверждают они. В то время как Запад сосредоточен на традиционных проблемах, остальные занимаются бизнесом, выстраивая новые отношения в Азии, Африке и Южной Америке. Они не предлагают новое общество. Они предлагают новые связи между обществами. Они — не лучшие лидеры, но лучшие дилеры.

Второе транслируемое RT сообщение сводится к тому, что мир — динамичен и его динамика носит центробежный, а не центростремительный характер. RT неустанно повторяет, что новые интенсивно развивающиеся державы поворачиваются к Западу спиной, а не лицом. Телеканал обыгрывает тему стран, с недавних пор скептически настроенных по отношению к ЕС и США. Повествуется, например, о Турции, постепенно отходящей от Европейского союза; о Бразилии, которая в основном игнорирует советы Запада (в отличие от Аргентины); о Китае и Индии как локомотивах мировой экономики и т. д. Адресованная Западу смысловая начинка такова: «Все отворачиваются от вас. Вам тоже следует отвернуться от себя. Или хотя бы от своих ценностей».

Россия и «государства-смертники»

Последние несколько лет изменили природу терроризма. «Традиционный» терроризм трансформировался в новое явление, определенное украинской писательницей Татьяной Огарковой как «сюртерроризм» (по аналогии с сюрреализмом).

Если традиционный терроризм был бессистемной попыткой разрушения системы, без предложения жизнеспособной альтернативы, то сюртерроризм — нечто большее, чем просто протест. Это — попытка организации антисистемных нападков в систематизированной форме — в форме *государства*.

Обе формы современного сюртерроризма — Россия и Исламское государство — претендуют на роль альтернатив западной цивилизации. Их оппозиция Западу больше не носит хаотичный сетевой характер. Это — заказ, нацеленный на обеспечение беспорядка,

спланированного хаоса. Вместо рассеивания диверсионных мин Россия прибегает к помощи «государств-диверсантов». Вместо того чтобы засылать террористов-смертников, она доводит до «состояния самоубийства». Самозванные государства, такие как Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Республика Приднестровье, Южная Осетия и Абхазия — государства-диверсанты, созданные Россией. И их единственная цель — взорваться.

Как в случае с терроризмом, Кремль не знает, кто в действительности его враг. Такое чувство, что враг повсюду и у него миллион обличей. Поэтому Россия расплывчато определяет своего врага как Запад, «систему» или «униполярный мир». Она относится одинаково неуважительно к либерализму и социализму, исламу и исламофобии, евреям и антисемитизму — потому что потеряла способность различать между ними.

Российская информационная стратегия — это тоже некий квази-терроризм. Основная цель таких телеканалов, как RT, заключается в подрывной деятельности, в привнесении беспорядка и максимально возможном вредительстве. Кремлевская пропаганда восхваляет традиционные ценности и кокетничает с Национальным фронтом Франции, а также другими партиями правого крыла. В то же время она пытается привлечь на свою сторону исламских иммигрантов, утверждая, что Европа страдает от исламофобии. Поддержка группами левого толка обеспечивается за счет разделения их антикапиталистических взглядов. Одновременно «Европа геев» обвиняется в терпимости по отношению к гомосексуальности.

Может показаться, что Кремль пытается найти друзей как среди правых, так и среди левых политических течений. Однако в действительности он лишь боится своих врагов справа и слева, как и в центре и, более того, за своей спиной.

«Украинский кризис»?

Агрессия России, направленная против Украины, зачастую подается в западных СМИ как «украинский кризис» или «украинский конфликт». Такая формулировка оставляет российскую агрессию за кадром, создавая впечатление, что проблема сводится к «внутриукраинскому конфликту», «гражданской войне» и внутренним беспорядкам.

Сегодня есть немало доказательств того, что российские войска находятся на украинской территории.³ Есть доказательства

того, что пророссийское ополчение снабжается оружием из России. Недавнее журналистское расследование крушения рейса МН17 выявило следы обстрела российским «Буком» и совершившего его российского боевого подразделения (Correctlv, 2015). Хроника событий в Крыму и на Донбассе показывает, что профессиональный и хорошо подготовленный российский спецназ быстро захватил ключевые, стратегически важные здания и арсеналы оружия. Учитывая эти факты, называть войну России против Украины и ее выбора в пользу ЕС «кризисом Украины» близоруко и цинично.

Представьте, что вторжение Гитлера в Чехословакию назовут «кризисом Чехословакии». Или вторжение Сталина в Польшу — «кризисом Польши». Или Холокост — «еврейским кризисом». Именно это происходит в случае формулировки «украинский кризис». В такой логике упоминается только жертва и подразумевается, что вторжение и агрессия против жертвы — ее собственный просчет.

Вера в ценности

Английскому политическому обозревателю Дугласу Хайду принадлежит авторство изданной в 1950 году книги под названием «Я верил». Это — «автобиография бывшего британского коммуниста». Автор повествует о вере в идеи коммунизма, сравнимой с религиозной верой и разделяемой некоторыми левыми активистами в середине XX века.

Убеденность и даже вера, которую ряд западных интеллектуалов возвел в ранг тоталитарных идеологий, явилась одной из самых сложных задач как для предвоенного, так и для послевоенного европейского общества. Европе потребовался новый скептицизм для собственной модернизации и гуманизации. Его основные положения напоминали британский скептицизм XVIII века. Начиная с 1960-х годов этот новый скептицизм привел к менее фанатичным и более плюралистическим представлениям о мире.

Тем не менее в начале XXI века, скепсис по отношению к вере и убеждениям стал повсеместным явлением. Вера во что-либо стала понятием устаревшим и даже старомодным. Распространение такого рода скептицизма не менее опасно, чем распространение фанатизма, ибо он подрывает одну из наиважнейших способностей человека — способность различать между добром и злом,

между лучшим и худшим. Тотальный скептицизм приводит к безразличию: если я ни во что не верю, то все одинаково плохо.

Российская пропаганда во всем мире использует скепсис в качестве своей основной ловушки. Иран, возможно, плох, но Соединенные Штаты тоже. Тоталитаризм — зло, но и демократия — не лучше. Аннексия Крыма — зло, но и признание автономии Косово — зло. «Мы в той же степени плохи, что и вы», — как бы заявляет Россия Западу.

Россия совершает дурные поступки, но она их совершает только потому, что кто-то другой уже совершил дурные поступки. В эру критических и скептических взглядов на Западе существовало важное нравственное измерение: скепсис был необходим для совершенствования. Кремль выворачивает все наизнанку: скепсис необходим, чтобы стать столь же плохим, как все остальные.

Ранее я утверждал, что Европа сегодня имеет две ипостаси: Европа правил и Европа веры (Yermolenko, 2014). Первая из двух Европ — слишком часто проявляющаяся в границах ЕС — следует своим правилам, не веря в собственную миссию. Другая Европа верит в миссию Европы, не всегда соблюдая европейские правила. Украина — часть «Европы веры». У обеих концепций Европы есть свои преимущества и недостатки, но они обе необходимы, ибо вера без правил — анархия, а правление без веры бесперспективно.

Украине нужны общеевропейские правила, но и Европа в той же степени должна придерживаться своих убеждений, верить в саму себя. Украинский Евромайдан показал, что европейская идея все еще может вдохновлять к переменам. События в Украине показали, что европейский проект продолжает расширяться, даже если Европейский союз сам этого не осознает. Европейские ценности получают более быстрое распространение, чем европейские институты.

Все, что вам нужно — вера.

Перевод с английского: Наталия Буш.

Впервые опубликовано в издании Европейского совета по международным отношениям «What does Ukraine think?», 2015, с. 72–79.

Владимир Ермоленко — украинский философ, эссеист и аналитик «Интерньюз-Україна». Преподает в Национальном университете «Киево-Могилянская академия». Автор двух монографий и десятков статей, опубликованных в украинских и европейских изданиях.

Литература

- Benalvino1860. (27.08.2014). Допрос второго захваченного в Украине русского солдата [видео-файл]. www.youtube.com/watch?v=ZrzC7bE-kCc (дата обращения: 17.11.2015).
- Correct!v. (2015). Рейс МН17: В поисках правды. <https://mh17.correctiv.org> (дата обращения: 17.11.2015).
- Escobar, P. (2014). How Russia and Germany may save Europe from war. RT News. <http://rt.com/op-edge/209695-war-russia-nato-missile-defense/> (дата обращения: 17.11.2015).
- Евразия.ТВ. (20.04.2012). Студенты и аспиранты Лондонской школы экономики в МГУ. [видео-файл]. www.evrazia.tv/content/studenty-i-aspiranty-londonskoj-shkoly-ekonomiki-v-mgu (дата обращения: 17.11.2015).
- Gram Zeppi. (27.08.2014). Пленный российский солдат рассказывает о задаче в Украине. [видео-файл]. www.youtube.com/watch?v=2ujY6hh79zA (дата обращения: 17.11.2015).
- The Moscow Times. (26.08.2014). Russian Soldiers Captured in Ukraine Questioned (English Subs). www.youtube.com/watch?v=bllZ3y3m4-Q (дата обращения: 17.11.2015).
- Риторика ТВ. (24.10.2014). Медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. Надеюсь это всем понятно. [видео-файл]. www.youtube.com/watch?v=qEFBgiT-Dmo (дата обращения: 17.11.2015).
- Pomerantsev, P., Weiss, M. (2014). The Menace of Unreality: How the Kremlin Weaponizes Information, Culture and Money. The Interpreter. www.interpretermag.com/the-menace-of-unreality-how-the-kremlin-weaponizes-information-culture-and-money/ (дата обращения: 17.11.2015).
- Vasiasamosvalov. (1.01.2013). Владимир Мединский — Правдивые мифы о России. [видео-файл] www.youtube.com/watch?v=btr6KwRTRR0&feature=youtu.be&t=2m30s (дата обращения: 17.11.2015).
- Yermolenko, V. (2014). Dreams of Europe. Eurozine. www.eurozine.com/articles/2014-02-06-yermolenko-en.html (дата обращения: 17.11.2015).

Примечания

- 1 О возвращении России в геополитику см. Евразия.ТВ (2012).
- 2 См., напр., Риторика ТВ (2014).
- 3 Десятки видео-интервью с захваченными в плен русскими солдатами; см., напр., Gram Zeppi (2014), Benalvino1860 (2014), The Moscow Times (2014).

Хельга Цихнер

Как вырастить английский газон в Молдове? Размышления о мотивах создания и участия в программе Европейского союза «Эразмус Мундус»

Введение

Целью настоящей статьи является рассмотрение ряда подходов, лежащих в основе усилий Европейского союза (ЕС) по (пере)строению отношений со странами, находящимися за его пределами — с так называемыми третьими странами. Европейская политика добрососедства (ЕПД) и Восточное партнерство (ВП) — это базовые инструменты, разработанные ЕС с целью преобразования отношений со странами, которым в настоящий момент не предлагается членство в ЕС, и образование — одна из сфер, охватываемых такими политическими программами. ЕПД и ВП предназначены для приведения стран-участниц в соответствие с европейскими стандартами во многих сферах политики, а также для того, чтобы не допустить появления «новых линий раздела» (Commission, 2004) между членами и не-членами ЕС. Поскольку это относится и к образовательной политике, мой основной вопрос таков: как можно интерпретировать стремление Европейского союза частично открыть свою образовательную политику для третьих стран и их граждан? Как далеко готов зайти ЕС в преследовании курса недопущения новых линий раздела — с учетом того, что политика в сфере образования по-прежнему считается одним из главных инструментов, которыми государства пользуются для создания «своих» граждан (см., напр. Turner, 1994, с. 159). Образовательные системы используются как

средство, позволяющее не только побудить людей мыслить в терминах принадлежности к сообществу, но также и сделать их «компетентными членами» этого сообщества, разделяющими его ценности и правила (см. Turner, 1994, с. 159; Isin & Wood, 1999, с. 4). Однако определение группы одновременно подразумевает очерчивание границ и определение того, кто считается «чужим». Подобно идентичности, мы можем определить гражданство как маркер группы. При этом гражданство имеет скорее правовой подтекст, в то время как идентичность определяется культурной и социальной общностью (Isin & Wood, 1999, с. 20). Эти два понятия частично совпадают в том смысле, что они оба относятся — или даже основываются — на чувстве принадлежности («комплексная принадлежность»: Isin & Wood, 1999, с. 21; Isin, 2008, с. 37; Wiener, 1993, с. 211), которое в случае гражданства дополняется законодательно установленной принадлежностью или членством. Кроме того, оба понятия описывают отношения между индивидами и более крупным социальным формированием: индивид и государство, индивид и группа. И, наконец, и гражданство, и идентичность, как считается, включают одновременно аспекты статуса и практики (Turner, 1994, с. 159; Isin & Wood, 1999, с. 4; Isin & Nielsen, 2008).

Данная статья призвана показать, что политика Европейского союза в сфере образования основана на схожем подходе, что и соответствующая политика на уровне отдельных государств: она воспринимается как потенциальный инструмент продвижения идеи (опять-таки) коллективной идентичности, однако не ограниченной границами отдельных государств, но разработанной как возможный механизм интеграции рознящихся государств — членов ЕС.

С целью рассмотрения данного вопроса в первой части настоящей статьи в общих чертах представлены напряженные дискуссии вокруг формирования общей образовательной политики, которые были сложны именно в силу подразумеваемой связи такой политики с идеей конструирования «европейской» идентичности и «европейского» гражданина (гражданства). Однако, в то время как попытки изобретения некой коллективной идентичности в масштабах ЕС могут рассматриваться как логичное следствие протекающей интеграции, в других областях политики — включая программу «Эразмус», получившую широкое признание в качестве важного этапа данного процесса (см. Medrano, 2011, с. 33), — гораздо сложнее понять, почему ЕС пытается распространить свою образовательную политику, и вместе с ней некоторые элементы вариантов

или моделей идентификации, на территориях формально являющимися «внешними». Имеется ряд научных исследований программы «Эразмус», однако почти отсутствуют исследования расширенной программы обмена «Эразмус Мундус», благодаря которой вузы ЕС стали гораздо доступней для не-граждан ЕС (и наоборот).

Во второй части статьи более подробно рассмотрены побуждения, лежащие в основе создания и расширения программы обмена как конкретного примера практического применения ЕПД и ВП. С этой целью на первом этапе проводится анализ того, каким образом концепции идентичности и гражданства используются в документах ЕС, относящихся к реализации программы «Эразмус». Предположу, что на уровне политической риторики эти концепции в значительной степени подаются жителям ЕС как некий идеал или желаемое развитие общества в масштабе ЕС, изображаемого как необходимое условие экономического процветания. Однако следует различать политическую риторику и то, каким образом эти понятия определяются и используются в научных обсуждениях. Опираясь на наиболее современные трактовки гражданства, я попытаюсь продолжить обсуждение темы гражданства в новых рамках, что позволит выявить ряд параллелей между тем, каким образом тема обсуждается в разрезе граждане и не-граждане ЕС. На этом этапе я обращаюсь к документам, связанным с разработкой программы «Эразмус Мундус». Здесь я главным образом опираюсь на работы, посвященные различию и сходству понятий гражданства и идентичности (Isin & Wood, 1999), а также работы, рассматривающие в целом вопрос сущности гражданства Европейского союза (Vink, 2004; Wiener, 1993).

В третьей части работы рассматривается опыт участников программы «Эразмус Мундус» — поскольку именно опыт участников в конечном итоге дает нам информацию о результатах применения тех или иных политических подходов на местном уровне. Таким образом, основная идея статьи — путем обсуждения с бывшими участниками их опыта участия в программе обмена рассмотреть, каким образом (глобальная) политика ЕС воплощается в конкретной практике индивидов (на местах). Очевидно, что ЕС стремится повлиять на образовательную политику этих стран в масштабе, превосходящем индивидуальный опыт. Вопрос заключается в том, какие эффекты мы можем обнаружить. В какой степени участники воспринимают себя как субъектов предполагаемых изменений? Для интерпретации индивидуального опыта (участников про-

граммы «Эразмус Мундус») я воспользуюсь концепцией «гражданских действий», разработанной Изином и Нильсеном (Isin & Nielsen, 2008). Проводимое ими различие между активными гражданами и гражданами-активистами связано с различными моделями изъявления прав или же практической реализации уже имеющегося гражданства (активного гражданства), в которых активные граждане склонны следовать установленным «сценариям» (Isin, 2008, с. 38), напоминающим набор обязанностей, общий для многих концепций гражданства. Активным гражданам противопоставляются граждане-активисты как проявляющие более творческий подход. Это — те, кто готов нарушать установленные правила и сложившиеся модели поведения, изобретая новые способы предъявления прав и тем самым изобретая новые формы гражданственности. Я проанализирую, какое влияние социальный контекст оказывает на реализацию индивидами тех элементов представлений о самих себе, которые были ими приобретены или преобразованы в ином контексте, и представлю некоторые предварительные выводы о расхождении между намерениями и практикой участников. Эти расхождения в конечном итоге позволят нам лучше понять влияние различных социальных контекстов на проницаемость линий (раздела) между государствами ЕС и их непосредственными соседями.

Европеизация политики в сфере образования

«После более полувека построения институтов и развития юридических механизмов, пророки Европы находятся в ожидании доказательства наличия нового, глубоко европеизированного населения с точки зрения социологии» (Favell, 2008).

Политика в сфере образования традиционно рассматривается как один из ключевых элементов государственной политики, поскольку предполагается, что она является одним из главных инструментов формирования граждан или же средством обеспечения преемственности национальной культуры. Эти идеи связаны с введением четкого разделения между членами и не-членами государств, а также с определением государственных границ. Таким образом, не только концепция государства как такового, но и концепция гражданина как легитимного жителя конкретного национального государства приобрели исключаящий харак-

тер — в том числе, благодаря обязательному образованию (Soysal, 1994, с. 17; Hobsbawm, 1990, с. 93), целью которого, по сути, стало пробудить осознание принадлежности к некоему идейному сообществу (Anderson, 1996) или же «привязать всех к нации и флагу» (Hobsbawm, 1990, с. 91).

Однако, как указано выше, определяя, кто такие «мы», мы определяем, кто является «другими». Выбор критериев получения гражданства означает, что мы одновременно определяем, кто является «чужим» и «иностранцем» (Shaw, 2007, с. 20), и это относится также к системам образования. Таким образом, с одной стороны, мы рассматриваем, например, начальные школы как часть «все более мощного [государственного] аппарата взаимодействия со своими жителями [жителями соответствующих государств — прим. автора]» (Hobsbawm, 1990, с. 91) в попытке заставить их поверить в конкретное, построенное на исключении представление о сообществе, частью которого они являются. С другой стороны, образование с самого начала включало и некоторый международный аспект — именно потому, что национальные образовательные системы были созданы как средства проведения различий между странами (Lawn & Grek, 2012, с. 19; Anderson, 1996, с. 75 и далее, с. 88 и далее).

Однако скрытый аспект «интернационализации» академических институтов (Jons, 2010, с. 97) — или, в рамках нашего регионального подхода, «чувство более широкой Европы» — по большей части отсутствует в нарративах историков образования, которые «склонны производить выстроенные ячейки национального» (Lawn & Grek, 2012, с. 19).

Имея это в виду и обращаясь ко второй половине XX века и к опыту еще молодого Европейского сообщества, становится очевидно, что первые попытки относительно молодых структур Сообщества, направленные на открытие этих «ячеек» (Lawn & Grek, 2012, с. 19), провалились. На протяжении длительного времени образование, под которым понималось начальное и среднее образование (в отличие от профессиональной подготовки), представляла собой «щепетильный вопрос» (Lawn & Grek, 2012, с. 35), если не табу (Corbett, 2003, с. 315; Pepin, 2006, с. 22; Jařab, 2008, с. 89), выходявший «за пределы компетенции Сообщества» (Corbett, 2003, с. 318). Иными словами, формы европеизации — в смысле создания институтов европейского уровня или любых изменений политики, инициированных на европейском уровне (Borzel & Risse, 2000) — вторичны по сравнению с их замыслом.

Идея переноса образования в сферу политики Европейского сообщества и интерпретация образования как предмета наднациональной важности развивались постепенно. Первые инициативы, появившиеся с конца 1960-х до середины 1980-х годов, довольно туманно обозначались словом «сотрудничество» (о «Соглашении о сотрудничестве» см. Corbett, 2003, с. 319 и далее; о «Руководстве через сотрудничество» см. Lawn & Grek, 2012, с. 39 и далее)¹. Предметом обсуждения являлось определение того, в чем именно должна заключаться цель сотрудничества. После того, как в одном из первых документов данная цель была сформулирована как «европейская модель культуры, соотнесенная с европейской интеграцией» (Perin, 2006, с. 64, Resolution 1971), словосочетание «европейская модель» пришлось убрать, что опять-таки стало отражением «щепетильности вопроса об образовании» (Perin, 2006, с. 64; о конфронтации различных формулировок см. Corbett, 2003, с. 322–323).

Институционализация вопросов образования этим не завершилась, и в 1981 году образование, вместе с профессиональной подготовкой, было включено в сферу компетенций одного и того же Генерального директората, а именно Директората по вопросам занятости, социальным вопросам и образованию. Наконец, значение образования среди тем европейской политики выросло до такой степени, что оно было включено в Амстердамский договор 1992 года (Perin, 2006, с. 92–93). Но даже после «фиксации» (Perin, 2006, с. 143) этого вопроса в формате договора, на практике усилили в сфере образования по-прежнему характеризовались более «мягкими» формами сотрудничества. Уровень Европы в вопросах образования воспринимался как дополнительный, хотя и преследующий своей целью поощрение сотрудничества.

Несмотря на весь этот скептицизм, в 1987 году была создана программа «Эразмус» — после «восемнадцати месяцев жарких обсуждений» (Perin, 2006, с. 117; см. также Corbett, 2003, с. 324 и далее) бюджета и юридического статуса программы. Ее создание явилось не только примером интенсификации сотрудничества в области образования; его также следует рассматривать в свете других процессов, происходивших в Сообществе в это же время — процессов, направленных на то, чтобы побудить граждан осознать свою принадлежность к Европейскому сообществу. Очевидно, что программа «Эразмус» (без дополнения «Мундус»!) в качестве подраздела общей политики в области образования и профессиональной подготовки с самого начала преследовала две цели. Первая цель —

экономического характера, явилась выражением акцента на необходимости создания рабочей силы, отвечающей экономическим потребностям «Европы», которая должна была все более и более становиться «Европой знания» (Commission, 1997). Вторая цель носила скорее характер культурных ценностей и заключалась в том, чтобы приблизить «Европу» к ее гражданам, или же создать «народную Европу и чувство европейского гражданства» (Lawn & Grek, 2012, с. 37). Я сосредоточусь на последнем аспекте: создании идеи гражданина Европы в той форме, в которой она продвигалась, в частности, с середины 1970-х годов и до настоящего времени (Law & Grek, 2012, с. 37).

Именно это «ощущение себя гражданином», возможно, внесло свою лепту в подготовке в 1985 году Специальным комитетом по народной Европе (Adonnino, 1985) двух отчетов, ставших частью только что упомянутого процесса «повышения уровня информированности». Отправной точкой данной инициативы, по мнению одного из членов Комитета (Shore, 1992, с. 783), послужила низкая явка населения на европейские выборы 1979 года. Десять лет спустя официальные лица Европейского союза снова были обеспокоены низким уровнем интереса общественности к выборам в Европейский парламент (Perin, 2006, с. 100). Таким образом, одной из предпосылок разработки программы «Эразмус» стала «недостаточная информированность» граждан стран — членов ЕС, проявлявшаяся в отказе граждан от участия в выборах (как части своего гражданского сценария), что в конечном итоге создавало проблему политической легитимности или же являлось отражением «дефицита демократии» Сообщества (Shore, 1993, с. 785; Lawn & Grek, 2012). Ответом стала разработка целой стратегии: информационно-разъяснительной кампании под названием «Народная Европа», профессионально разработанной фирмой, специализированной на связях с общественностью (Shore, 1993, с. 788 и далее). Именно консолидация концепции «народной Европы» (Council Decision on Erasmus, 1987, art. 2, v) считалась одной из целей программы «Эразмус»: речь шла о «гражданском принципе студенческой мобильности в свете создания граждан Европы» (Papatsiba, 2006, с. 99).

Помимо разработки символов (процесс, известный из опыта формирования государственности) — таких как флаг и гимн, паспорт, водительские права и автомобильные номера — а также запуска «Евро-лотереи», роль вузов определялась следующим образом: «Университетское сотрудничество и мобильность в высшем

образовании, безусловно, чрезвычайно важны» (Adonnino, 1985, с. 24). Главной целью было «оживить для европейцев образ Европы (Adonnino, 1985, с. 22; см. также: Wiener, 1993, с. 205). Очевидна параллель между значением образования для граждан отдельного государства и попыткой реализации замыслов на наднациональном уровне (Lawn & Grek, 2012, с. 41, 43). Следует, однако, более внимательно рассмотреть дискурс гражданственности на примере политических документов. В следующем разделе я рассмотрю этот вопрос с перспективы концепций идентичности и гражданства, используемых в научной литературе. Предполагаю, что в дальнейшем это поможет установить степень сходности аргументов в документах о программе «Эразмус Мундус», использующих иную терминологию.

Если «Эразмус» способствует формированию граждан Европы, в чем заключается цель «Эразмус Мундус»?

«В мае 2004 года Европейский союз приобрел не только десять новых государств-членов, но и целый ряд новых соседей» (Smith, 2005, с. 757).

Программа «Эразмус» быстро достигла успеха: к концу 2008/2009 академического года в программе приняли участие два миллиона студентов; при этом планировалось увеличение их числа до трех миллионов в 2013 году². Программа считается «одной из самых успешных попыток наладить прямой контакт с широкой ответственностью» (Corbett, 2003, с. 325). Если верно выдвинутое Кингом и Руис-Хелисесом (King, Ruiz-Gelices, 2003, с. 230) предположение, что молодежь особенно легко может быть «завоевана» в качестве защитников Сообщества, интересно поразмыслить также и о значении программы «Эразмус Мундус».

«Народная Европа» (Commission, 1988) выступает отражением консенсуса того времени по вопросам идентичности и роли образования на уровне Европейского союза: «Идентичность гражданина Европы — результат столетий совместной истории и общих культурных и фундаментальных ценностей. Но ее осознание можно укрепить с помощью символического действия ...», — и далее по тексту на тему общеевропейского измерения в образовании:

«Министры приняли резолюцию, разработанную с целью укрепить чувство европейской идентичности у молодых людей и подготовить их к участию в экономическом, социальном и культурном развитии Сообщества» (Commission, 1988, с. 5, 15).

Здесь мы видим понимание идентичности как «общего наследия» (Wiener, 1993, с. 205), как чего-то, что почти автоматически вытекает из совместной истории — хотя, конечно, конкретный смысл «совместности» остается здесь под вопросом. Предполагается, что данная идентичность уже существует, хотя еще не освоена в достаточной степени: таким образом, идентичность видится как что-то, что уже присутствует, пусть и латентно. Именно в этой части упоминается роль образования — как средства, которое способно помочь, прежде всего молодежи, проникнуться этой (уже существующей) идентичностью.

Все это, однако, необходимо не только для обнаружения такой идентичности, но и потому, что она рассматривается как необходимый фактор общего благополучия и развития Сообщества³. Это — призыв, обращенный к чувству ответственности за благополучие того окружения, в котором живет молодежь.

То, к чему призывает эта цитата, напоминает нам о понятии «компетентных членов» сообщества (Turner, 1994, с. 159) — однако в рамках понятия гражданства такая компетентность часто соединяется с правовой принадлежностью и социально-юридическим аспектом: «Но тем, кто не обладает гражданскими, политическими и социальными правами, необходимыми для реализации такого гражданства, отказывается в самом праве стать компетентными и полностью развитыми членами политического сообщества. Таким образом, социологическое и политико-юридическое определения гражданства не являются взаимоисключающими — напротив, они являют собой его неотъемлемые элементы» (Isin & Wood, 1999, с. 4).

Очевидно, что Изин и Вуд придерживаются позиции гражданства «снизу» (Turner, 1994, с. 158), в рамках которого люди борются за приобретение определенных прав, — что противоречит определению гражданства, принятому на уровне Европейского союза / Европейского сообщества: Европейское сообщество рассматриваемого периода начало с развития культурного и социального аспектов гражданства «сверху» (пассивное гражданство, Turner, 1994, с. 159), в то время как юридический аспект европейского гражданства оставался «в процессе обсуждения» вплоть до его введения Маастрихтским договором 1992 года. Учитывая, что концепции

гражданина Европы формально основываются на наличии гражданства ЕС, именно последний элемент здесь отсутствует. « ... [A] ргументы в пользу активного гражданства, или углубленного гражданства, ... исходят из предположения, что статус гражданина уже существует» (Isin & Wood, 1999, с. 19).

Поэтому я разделяю мнение, что в рамках логики Сообщества данного этапа целью являлось скорее сотворение «объединяющего мифа» (Lawn & Grek, 2012, с. 44) и что гораздо больше усилий было посвящено вызыванию «чувства принадлежности и идентичности» (Wiener, 1993, с. 204, 207, 211), чем выработке определений принадлежности юридического характера. Тем самым предполагалось, что чувство принадлежности в терминах идентичности также является частью понятия гражданства.

Однако и более практическая цель не была утеряна из виду. Видимо, стратегия заключалась и в том, чтобы вызвать у людей интерес и вовлечь их в деятельность Сообщества. Согласно коммюнике Комиссии «По направлению к Европе знания», образование должна внести особый вклад в идею единства: «[оно] должно способствовать более широкому пониманию гражданства, основанному на активной солидарности и на взаимном понимании культурных различий, составляющих оригинальность и богатство Европы» (Commission 1997, с. 3). В сфере, в которой ранее преобладало исключяющее мышление, теперь появляется новая перспектива — перспектива инклюзии, что в итоге символизируется отменой внутреннего пограничного контроля при создании Шенгенской зоны (за счет ужесточения новых внешних границ). В отличие от ситуации, описываемой первой цитатой, в 1997 году мы уже имеем гражданство ЕС (Амстердамский договор 1992 года), даже если этот статус «был предоставлен людям без того, чтобы они о нем просили» (Vink, 2004, с. 26). Тем не менее, похоже, что Комиссия по-прежнему не отказывается от аспектов культуры/идентичности (разнообразие, оригинальность, богатство), а также социального измерения (солидарность и взаимное понимание).

Таким образом, усилия по-прежнему направлены на повышение у членов сообщества степени осознанности их общей принадлежности. Очевидно, предполагается, что такое осознание является необходимым условием для достижения основных целей, которые, как показано ранее, носят главным образом экономический характер.

Наконец, в тексте решения о создании программы «Эразмус» мы находим несколько (отрезвляющих) ссылок на экономиче-

ский цели: программа должна способствовать созданию «резерва выпускников, имеющих опыт сотрудничества на уровне Сообщества»; программа предназначена стать «основой, на которой может развиваться более интенсивное сотрудничество в экономическом и социальном секторе на уровне сообщества» (Council Decision on Erasmus, 1987, art. 2, v). Перефразируя, можно сказать, что сутью данной концепции явилась поддержка людей, идентифицирующих себя с ситуацией Сообщества и, следовательно, чувствующих ответственность за его дальнейшее развитие, в том числе в роли будущей рабочей силы общеевропейского уровня. Коротко: речь идет о создании «актеров европейской интеграции» (Findlay и др., 2005, с. 192), или «звезд ЕС», определяемых как «подлинный символ новой денационализированной Европы, которую создал Европейский союз» (Favell, 2008; Favell & Recchi, 2011, с. 72).

Подытоживая этот краткий анализ, можно сказать, что в процитированных документах под «гражданством» понимается скорее то, что Изин и Нильсен относят к аспекту «глубины» гражданства (Isin & Nielsen, 2008, с. 37), который является лишь одним из элементов этого понятия, связанного с чувством принадлежности, или эмоциональной приверженности, как называет это Тернер (Turner, 1994, с. 157). Аспекты «объема» и «содержания» (право голоса, юридический статус) в документах ЕС не затрагиваются, вызывая упреки в отсутствии политического аспекта понимания (Abelson, 2005, с. 9–10) и даже такие определения как «политический китч» (Vink, 2004, с. 24). Очевидно, что усилия, направленные на пробуждение «чувства принадлежности», предшествовали установлению «юридического оформления принадлежности» (Wiener, 1993, с. 211). При переходе к рассмотрению создания программы «Эразмус Мундус» перед нами встает вопрос, как нам следует рассматривать шансы, предлагаемые этой программой не-гражданам ЕС, с точки зрения степени интеграции участников (как уже упоминалось выше, целью ЕПД является недопущение новых линий раздела). Винер намекает на общую проблему концепции европейского гражданства, проявившуюся после падения Берлинской стены: «После Маастрихта развернулась новая дискуссия о разрыве между политически включенными и исключенными резидентами, то есть между гражданами, имеющими юридические связи с Союзом, и так называемыми гражданами третьих стран, или лицами, не имеющими юридических связей с Союзом, у которых, однако, смогло сформироваться чувство принадлежности» (Wiener, 1993, с. 213).

Можно ли описать участие в программе «Эразмус Мундус» с помощью примеров, используемых Шоу, в которых «практические преимущества членства в политическом сообществе в некоторых ситуациях распространяются и на лиц, формально лишенных гражданства» (Shaw, 2007, с. 19–20)? Схожим образом Соисал указывает на примеры иммигрантов без гражданства ЕС, которые получали некоторые преимущества граждан, участвуя в системах образования (Soysal, 2012, с. 385).

Если гражданство является одним из маркеров, обозначающих границу между внутренней и внешней группой (см. Shaw, 2007, с. 20; Wiener, 2013), тогда что может решение включить в программу не-граждан ЕС сообщить нам об усилиях ЕС по (пере)стройке отношений с соседними странами (то есть с их гражданами), представляющими именно эти формально внешние группы?

Решение об открытии программы «Эразмус Мундус» было принято в декабре 2003 года (Decision on Erasmus Mundus, 2003) — в год принятия Европейской стратегии безопасности (ESS, 2003), ставшей ответом на возможные риски и опасности, обозначившиеся после событий 11 сентября 2001 года, а также в преддверии «шокового» (Schimmelfennig, 2009, с. 17) расширения Европейского союза в 2004 году. Примерно полгода спустя был опубликован стратегический документ о Европейской политике добрососедства (Commission, 2004): из всего этого становится ясно, что идею вовлечения в программу «Эразмус Мундус» третьих стран следует рассматривать в контексте попыток ЕС реорганизовать отношения со странами, которые должны были стать «новыми соседями» после расширения на восток в 2004 году. Основная мотивация заключалась в обеспечении безопасности ЕС путем обеспечения безопасности его окружения. В этом смысле предпосылки реализации программы сильно отличались от предпосылок программы «Эразмус», задумывавшейся как инструмент, способствующий выработке внутреннего единства: «Наилучшая защита нашей безопасности — это мир демократических государств с хорошим руководством» (ESS, 10). Усилия ЕС по работе с его «внешними» территориями описываются другими понятиями: например, экстерриториальное участие, внешнее управление, европеизация за пределами Европы (см., напр., Schimmelfennig & Sedelmeier, 2004; Lavenex, 2008; Sasse, 2008; Korosteleva, 2012). Несмотря на теоретические различия, все эти авторы анализируют, каким образом ЕС стремится влиять на внутреннюю политику государств, у которых в настоящее время нет перспективы вступления в ЕС.

Даже если политика в сфере образования не фигурирует в числе основных приоритетов ЕПД, она неоднократно упоминается, главным образом в отношении межличностных контактов, и описывается не столько как самоцель, сколько как важный фактор достижения общих целей ЕПД: «Эффективным средством достижения главных целей ЕПД является установление связей между народами Европейского союза и его соседями ... Таким образом, ... ЕПД будет способствовать развитию культурных, образовательных и более общих связей между Евросоюзом и его соседями» (Commission, 2004, с. 19). Прямое упоминание программы «Эразмус Мундус» пока что не встречается. Однако изучение других документов выявляет, что раздел «межличностные контакты» прежде всего означает «Эразмус Мундус» (European Commission, 2012). Значение, приписываемое этой программе, видно прежде всего из того факта, что выделенный на «Эразмус Мундус» бюджет в 2012 году был удвоен (European Commission, 2012, с. 4).

По моему мнению, частичное пересечение с целями программы «Эразмус» находится на уровне, преследующем цель побуждения людей к идентификации себя с конкретной идеей. В каком-то смысле, ЕС пришлось переосмыслить Европу как «регион глобальной политики» — как и в ситуации 1989 года, вплоть до которого понятие «европейский» было тождественно понятию «западноевропейский» (Wiener, 1993, с. 210). Или же, если взять еще один ракурс, цель программы «Эразмус Мундус» — уменьшить расстояние между странами, в смысле построения более близких отношений между ними: «Внешний аспект [образования и профессиональной подготовки — прим. автора], прекрасно реализованный программой «Темпус» и недавно расширенный за счет программы «Эразмус Мундус», удовлетворяет отдельной и не менее значимой совокупности потребностей. Сотрудничество в образовании и профессиональной подготовке является чрезвычайно мощным инструментом укрепления отношений с третьими странами и *содействия взаимопониманию между странами ЕС и государствами, лежащими за пределами наших границ*» (Commission, 2004a, с. 8–9, курсив автора).

Учитывая тот факт, что на практике такой тип обмена и сближения может быть организован в конечном счете только на уровне индивидов, мы вновь встречаем идею индивидов (участников), которые должны стать своего рода послами ЕС: «Цель настоящей программы — ... оказать влияние на видимость и восприятие Европейского союза в мире, а также создать *капитал доброй воли у тех,*

кто принял участие в программе» (Decision on Erasmus Mundus, 2003, с. 2, курсив автора). Эта идея обретает более конкретное воплощение при рассмотрении формулировок, описывающих обязанности участников: «Способствовать ... продвижению и распространению программы «Эразмус Мундус» в целом ... в своих вузах и странах» (European Commission, 2012a, с. 29). На уровне вузов задача даже заключается в разработке устойчивой стратегии распространения европейских и общественных ценностей (European Commission, 2012a, с. 55).

Подводя итоги, можно отметить, что, с одной стороны, имеется разница в целях двух программ. В то время как упомянутые выше «евро-звезды», которые в идеале должны возникнуть из числа бывших участников программы «Эразмус», служат средством внутри-европейской интеграции, носители доброй воли из числа участников программы «Эразмус Мундус» должны пропагандировать качество вузов ЕС и подтверждать их привлекательность. С другой стороны, существует как минимум две общих для обеих программ черты: одна из них — то, что достижение разных целей, по-видимому, основывается на одной и той же предпосылке, а именно на принятии и усвоении целевой группой того, что именуется европейскими ценностями, и идентификации участников с этими идеалами. Вторая общая черта заключается в том, что в конечном итоге обе они направлены на повышение доступности рабочей силы для ЕС. Программа «Эразмус» направлена на обучение людей, знакомых с «европейским порядком вещей», в то время как «Эразмус Мундус» стремится привлечь лучших студентов из третьих стран (Decision on Erasmus Mundus, 2008, с. 3).

И все же вопрос, подлежащий ответу в настоящем разделе, таков: членство какого типа предлагает «Эразмус Мундус» участникам из стран, не являющихся членами ЕС? Даже если участники в определенный промежуток времени пользуются преимуществами вовлечения в сферу высшего образования ЕС, мы должны спросить, вместе с Шоу, действительно ли «... такие лица в некотором практическом, хотя и не в формальном, смысле становятся «гражданами»» (Shaw, 2007, с. 19–20).

Учитывая тот факт, что участники не только лишены юридического статуса, но и пребывают в ЕС сравнительно короткий период времени (в отличие от части иммигрантов из стран, не являющихся членами ЕС, о которых шла речь выше), а также получают пользу только от систем высшего образования, кажется неумест-

ным рассматривать их как еще один тип «частичных граждан» (Heater, 1999, с. 131).

Несмотря на это, мы обнаруживаем призыв к идеалу равенства между гражданами ЕС и гражданам «других государств» — как, например, в следующей цитате: «Комиссия обязуется обеспечить равенство и включение всех групп граждан ЕС и граждан третьих стран» (European Commission, 2012a, с. 5). Этот призыв, однако, следует интерпретировать скорее как часть стратегии ЕС по решению (всех типов) «глобальных проблем», в том числе проблемы обеспечения безопасности своего окружения.

В целом программу «Эразмус Мундус» следует рассматривать как часть внешнего измерения образовательной политики ЕС, в которой «мягкая сила» (Nye, 2004) используется с целью запуска внутренних реформ (Sasse, 2008, с. 295). Программы, способствующие укреплению межличностных контактов, служат инструментом «культурной дипломатии», увеличивающим привлекательность ЕС для стран-партнеров (Commission, 2004a, с. 12), и являются элементом такого подхода «применения мягкой силы». Участники подвергаются воздействию среды одной из стран ЕС, что в идеале должно привести к процессу, который Шиммельфенниг называет «транснациональной социализацией» (Schimmelfennig, 2009, с. 8), при которой индивидуальные акторы распространяют «общеевропейские» ценности после получения ими личного опыта: «...управление в модуле «транснациональной социализации» предоставляет Европейскому союзу возможность внушения подобным общественным акторам своих ценностей, норм или политических идеалов». Как поясняет далее Шиммельфенниг, трансфер идейного содержания не завершается, когда индивид возвращается домой полным вдохновения — эти идеи должны каким-то образом получить дальнейшее распространение: «затем общественные акторы продолжают распространять эти идеи у себя на родине».

В самом деле, оба решения о программе «Эразмус Мундус» (Decision on Erasmus Mundus, 2003; 2008) ссылаются на «общественное измерение высшего образования» (Decision on Erasmus Mundus, 2003, ст. 1 [14]; 2008, ст. 1 [11]): мобильность дает возможность открытия, приобретения опыта и понимания «новых культурных и социальных условий» (Decision on Erasmus Mundus, 2008, ст.1 [11]). Если мы интерпретируем «Эразмус Мундус» как средство укрепления транснациональной социализации и если, далее, мы соглашаемся, что принадлежность к некоторой культурной

идентичности или принятие набора ценностей (определяемых как часть идентичности, с которой связано чувство принадлежности) как один из аспектов принадлежности, которая может считаться частью гражданства, тогда мы можем переформулировать намерения, лежащие в основе расширения образовательной политики ЕС на «третьи страны», следующим образом: это попытка побудить не-граждан ЕС принять идеалы гражданского общества ЕС и сопровождающие его ценности (демократия, права человека и т. д.). Участников программ в качестве потенциальных носителей «капитала доброй воли» приглашают освоить некоторые из краеугольных понятий европейского гражданского общества, другими словами — им предлагают принять эмоциональный аспект одного из элементов европейского гражданства: чувства принадлежности (см. Wiener, 1993, с. 211) в культурном смысле, с ограниченными возможностями участия в образовательной системе ЕС. Им «предлагается» подключиться к культурным связям, далеко отстоящим от юридических связей (Wiener, 1993, с. 211), но значимым с точки зрения ЕС в его стремлении использовать «мягкую силу».

Структура программы предполагает, что после стажировки участники обязаны вернуться домой. Это требование подводит нас к последнему вопросу данного раздела: момент возвращения домой означает выход из нового окружения и возвращение в социальный и институциональный контекст происхождения.

Таким образом, с точки зрения гражданства как понятия, определяющего отношения между индивидами и обществом или государством (Wiener, 1993, с. 199) и тесно связанного с идеей членства (Bellamy и др., 2006, с. 2–3), положение бывших участников «Эразмус Мундус» может быть осложнено тем фактом, что они в конечном итоге становятся участниками двух разных социальных контекстов. Я утверждаю, что вопрос, каким образом представления, впитанные внутри иной культуры, найдут дальнейшее применение по возвращении домой, зависит не только от конкретных участников, но и от социальных и политических реалий стран происхождения, полноценными гражданами которых, в отличие от ЕС, они являются. Понимание того, каким образом бывшие участники программы (студенты и профессора) должны себя вести и как они должны участвовать в своем родном обществе и в политических процессах, может отличаться — то есть «сценарии» (Isin, 2008, с. 38), доступные гражданам, их представление о «хорошем гражданине», зависят от контекста.

Последний раздел данной работы посвящен вопросу, в какой степени ситуация бывших участников может быть описана как «смещение» или, точнее, «расщепление»: с одной стороны, они, говоря обобщенно, восприняли определенный набор ценностей, переданный им «сверху вниз» — вследствие контактов с новым окружением. С другой стороны, они должны предпринять усилия «снизу» для переноса этих ценностей к себе на родину и их распространения во взаимодействии с институциями своей страны. Как показывают эмпирические данные, в зависимости от того, с какой стороны мы смотрим на это взаимодействие, мы обнаруживаем различия — что также позволяет дифференцировать концепцию гражданина и далее.

Побывать и вернуться — совпадение и несовпадение концепций гражданства и социального контекста

«Побывав там, мы расширили свой горизонт и, вернувшись обратно, мы чувствуем, что хотим что-то изменить, что-то улучшить в Молдове» (студент, Молдова, 955–957).

В беседах с бывшими участниками «Эразмус Мундус» из всех университетов Молдовы, участвующих в программе, критические замечания о программе почти отсутствуют. Все, с кем я беседовала, высоко оценивали свое пребывание за рубежом. Единственный аспект, который некоторым из них запомнился как не очень приятный и не слишком гладкий — это процедура пересечения границы. На фоне проведенного выше анализа эмоционального аспекта «принадлежности» видно, что такие трудности, как получение визы в срок, неповоротливость и недоступность посольств в целом или же ошибки при прохождении контроля в аэропортах по прибытии или при выезде обратно на родину, относятся именно к пробелами правового регулирования, юридического статуса членства как механизма доступа или отказа в доступе к сообществу и на его территорию.

При оценке опыта участников после того, как им удалось преодолеть контроль на границе, я вновь прибегну к введенному в самом начале статьи различию между активными гражданами и гражданами-активистами. Это различие оказалось полезным для анализа опыта некоторых участников программы «Эразмус Мундус»,

возникшего в результате двойного или расщепленного взаимодействия, с которым они столкнулись.

Возвращаясь к намерениям, лежащим в основе процесса, приведшего к созданию программы (привлечь лучших студентов из третьих стран, превратив их в носителей «капитала доброй воли»), мы можем назвать эти задачи первичными «сценариями» для «хороших участников» программы обмена «Эразмус Мундус».

Тех, кто действует соответствующим образом, можно назвать активными гражданами (Isin & Nielsen) или, возможно, «компетентными членами» (Turner, 1994; Isin & Wood, 1999) в определенном выше очень ограниченном смысле. «Активность» в данном случае означает способность вести себя так, как предписано другими. Однако при этом предполагается активное принятие предложенных моделей поведения (в отличие от пассивности). Эмпирические данные указывают на то, что в некоторых отношениях «план» задействовать участников как послов работает достаточно хорошо, а в других — не работает. Многие преподаватели и координаторы программы «Эразмус Мундус» в Молдове говорили, что интерес студентов к программе слишком слаб. Они описывали своих студентов как аморфных, малоподвижных, сонных и не готовых к конкуренции друг с другом. С их точки зрения, студенты были недостаточно «активны», поскольку не решались подать заявку на участие в программе. Это не значит, что в программе остаются вакантные места. Скорее, преподавателям хотелось бы большего числа заявок, чтобы в результате только действительно «лучшие» студенты воспользовались преимуществами программы обмена. В разговорах со студентами и сотрудниками выявилась иная точка зрения: обсуждая первичный доступ к программе и условия подачи заявки, мы обычно обнаруживали, что, в то время как сотрудники описывали процесс подачи заявки как очень гладкий, студенты сталкивались с трудностями на уровне координации программы в своих университетах. По мнению студентов, очень многое зависит от информационной политики университетов, а также от компетентности сотрудников, отвечающих за обработку их заявок: «Когда я подавал заявку в 2008 году, единственной проблемой было, что никто не мог объяснить, как заполнить документы и куда мне обратиться, чтобы подписать их. Координатор в моем университете ничем мне не помог» (Влад, студент, Молдова, 194–197).

«Моя жена подавала заявку в этом году и провела около часа в офисе мистера Санду [директор программы — прим. автора],

выслушивая, как ему надоела программа «Эразмус Мундус», как много ему приходится делать и так далее. Что он не хочет ничего подписывать, что ей лучше уйти, целый час ... Так что вы можете записать первую рекомендацию: организуйте управление программой вне университета, пусть этим занимаются при офисе ЕС или при делегации ЕС, это должен быть отдельный офис, независимый от университета, потому что нынешняя ситуация очень вредит» (Нику, студент, Молдова, 634–43).

Прежде всего, мы должны понять, что студенты, подающие заявку на «Эразмус Мундус», готовы участвовать в незнакомой им программе. В отличие от других форм миграции (особенно трудовой миграции), образовательная миграция пока еще распространена не так широко и вызывала, в том числе, недоверие родителей, которые не могли поверить в финансовый размер стипендии. Поскольку мы беседовали с участниками, которые первыми в Молдове прошли программу «Эразмус Мундус», их следует считать пионерами. В этом смысле, участие требует даже определенного мужества, готовности игнорировать скептицизм собственной семьи. Можно сказать, что участники отклоняются от стандартного курса.

Учитывая тот факт, что Беларусь, Молдова и Украина участвуют в программе обмена только с 2007 года, трудности, с которыми столкнулся Влад, можно объяснить отсутствием опыта у обеих сторон. В этот период студенты, а также администраторы, были достаточно неопытны (общее число стипендий для всех трех стран составляло 231 в заявке 2008 года⁴). Несколько сотрудников упомянули, что до введения программы «Эразмус Мундус» возможности посещения западных стран были крайне ограничены.

В противоположность этому, опыт Нику четыре года спустя указывает на проблемы, выходящие за пределы сферы личного опыта или мотивации, как это может показаться на первый взгляд. Поскольку другие студенты рассказывают о схожем опыте в отношении других сотрудников, занятых в управлении программой, полагаю, что это указывает на проблемы, связанные, с одной стороны, с высоким уровнем иерархичности отношений между студентами и сотрудниками вуза; с другой стороны, это связано с общей проблемой перегруженности и малооплачиваемости университетского персонала Молдовы.

Интерпретируя опыт студентов с учетом данных обстоятельств и опираясь на различие Изина между активными гражданами и гражданами

данами-активистами, подчеркну следующее: стремление преодолеть административные препоны, личное сопротивление и традиционные установки, чтобы получить доступ к чему-то новому и необычному, можно назвать формой предъявления своих прав (например, права на помощь в прохождении формального процесса). Это означает совершение действий, вынуждающих других признать новые притязания (возникшие в результате обязательств, принятых университетом в результате заключения соглашения с другими университетами ЕС) в ситуации, когда доступ к этим возможностям пока еще не принимается как данность, а соответствующие процедуры с самого начала не слишком хорошо разработаны. Студент, стремящийся участвовать в образовательной программе нового типа, нуждающийся в определенной степени поддержки от своего университета, противостоит собирательному образу студентов, рисуемому преподавателями. Очевидно, что те, кто проявляют такого рода активность, нарушают привычные модели студенческого поведения в данном конкретном контексте: они стремятся к чему-то новому и в этом смысле выглядят гражданами-активистами.

После выезда из страны по программе обмена события, как кажется, разворачиваются согласно воображаемому «сценарию». Некоторые цитаты из групповой дискуссии звучат как реклама программы. Крайний, хотя и не уникальный пример — студент по имени Богдан, описывающий, как изменилась его система ценностей в ходе стажировки (как упоминалось выше, распространение «европейских» ценностей является одной из целей программы): «Мое пребывание за рубежом повлияло на меня очень позитивно в том смысле, что там я научился учиться намного лучше, чем я делал раньше. Эээ ... до того, как я туда поехал, я был ... в общем, вернувшись обратно, я стал проявлять намного меньше дискриминации». Ведущий дискуссии: «По отношению к кому?» Студент: «Ко всем, я не любил евреев, цыган, я был националистом, там я жил среди чужих людей, и я увидел, что они тоже люди и, кроме того, я приобрел друзей, среди которых адвокаты из России, профессора из Беларуси, люди из польской оппозиции и так далее. Теперь, когда я уезжаю в другую страну, я знаю, к кому обратиться, кто мне может помочь, например. У меня есть друзья и в Украине, и в Испании. У меня друзья почти по всей Европе. Это для меня самое главное» (Богдан, студент, Молдова, 924–930).

Многие участники дискуссий — как студенты, так и сотрудники — говорили о том, что зарубежный опыт изменил их пред-

ставление о самих себе, о своей стране и о своей «университетской жизни». Почти все сочли программу полезной для компенсации недостатков молдавской системы высшего образования, особенно в практическом русле: доступность литературы, возможность выучить иностранный язык, возможность увидеть страну изучения и наладить связи для дальнейшего сотрудничества, обмен книгами, знакомство с другими методиками преподавания и т. д. Все это содержится в метафоре расширенного горизонта. Кроме того, преподаватели в особенности утверждали, что иногда у них возникало желание помочь другим расширить горизонт: «Тема моей докторской диссертации — банковский сектор Молдовы, конкретный внутренний механизм работы банков. Но мне хотелось увидеть, как работает банковская система у них, как этот механизм работает там... Вот что я хотел увидеть, функция тангенса... Наконец я сделал презентацию о том, как все это работает в нашей стране, как это выглядит, что происходит и какова наша нынешняя ситуация. Да, и, как сказали мои коллеги, возможно, мы мало знаем о них, но они знают о нас еще меньше. Так или иначе, мы все еще в черной дыре» (смех) (преподаватель, Молдова, 120–127).

Если иметь в виду, что по итогам соответствующей процедуры принятия заявок в 2008 году заявителям из ЕС были предоставлены лишь 52 стипендии для поездок в Беларусь, Украину и Молдову, дисбаланс очевиден. Концепция распространения знания друг о друге, предполагающая взаимный интерес, трудна для реализации, а численная пропорция «норм» обмена показывает, что упор делается скорее на рекламирование высшего образования ЕС, чем на знакомство с «новыми соседями». В этом смысле ознакомление не-граждан ЕС с элементами сценариев поведения, предназначенных для граждан ЕС, представляется гораздо более важным, чем достижение определенной степени «взаимопонимания», как утверждается на уровне чистой риторики.

Наконец, многие участники дискуссии отметили, что после своего пребывания за рубежом они захотели что-то изменить в Молдове; иногда они напрямую копируют «надлежащие практики», которые усвоили в качестве таковых во время своей стажировки: «Я хочу сказать, что недавно... в нашем университете побывала профессор из Франции. То есть эта профессор отважилась на один месяц выбрать нас в программе «Эразмус» (смех). Все это было на очень высоком уровне, но я все координировал. И она спросила меня, как ей добраться до нашего города? И я сказал: «Господин

декан, я знаю, как нам ее принять. Мы должны отправиться в аэропорт, встретить ее там и сопроводить ее в наш город, чтобы она не заблудилась по пути, потому что это — не Франция, это — не Германия» (смех) ... Я просто хотел, чтобы у нее осталось положительное впечатление, и я думаю... Я просто знал, что мы должны ей это предложить, я был очень доволен тем, как моя принимающая страна организовала встречу ... И я настоял на том, что это должно быть приятно, что у нее должны остаться положительные впечатления» (аспирант, Молдова, 778–791).

Все это — (мелкие) примеры воплощения желаемых результатов программы «Эразмус Мундус» на индивидуальном уровне. Участники воспользовались шансом поехать за границу и предложенными им возможностями почти как по инструкции: они восприняли и адаптировали элементы своей системы ценностей согласно моделям ЕС, переосмыслив свои отношения с другими людьми у себя на родине. Очевидно, что многие из них восприняли методы работы посещенных вузов как предпочтительные, называя их нормативно «реальностью» или, как выразился один преподаватель: «Слава богу, что есть люди, которые видят, что это нормально» (преподаватель, 1112–13). Но, как мы увидим в последнем разделе, попытки применить формы знания, приобретенные во время стажировок в рамках программы «Эразмус Мундус», могут сталкиваться с ограничениями.

На индивидуальном уровне все участники расширили свой личный горизонт, но как быть с донесением этого опыта до других — а именно, с распространением того, что было приобретено в другом контексте, в другой ситуации, у себя на родине, где вы являетесь полноценным гражданином? Прежде всего, совсем не просто реализовать желание стать равными партнерами в рамках недавно созданных сетей транснационального сотрудничества. На этом этапе сценарий часто не работает так, как задумывалось, и главные вопросы здесь — каким образом участники дискуссии интерпретируют эти сбои, и какие выводы для себя они делают? Внедрение новых идей в «родной» контекст оказывается чрезвычайно сложной задачей, поскольку подразумевает иную концепцию гражданства и гражданского общества — возможно, противоречащую моделям, принятым на родине участников.

Оставаясь в рамках разделения между «активными гражданами», которые «участвуют в уже поставленных сценариях» (Isin, 2008, с. 38) и гражданами-активистами, создающими сценарии, я

приведу три примера, которые показывают, с одной стороны, как трудно проявлять творческий подход так, чтобы тот действительно произвел «эффект», а с другой стороны, что поведенческие модели или другие идеалы, воспринятые в качестве эталона, не обязательно будут приняты в других национальных рамках. Изин считает, что творчество, проявляющееся в действиях граждан-активистов, неразрывно связано с постановкой под сомнение, изменением или разрушением действующих моделей поведения (габитуса), что не всегда встречает одобрение у окружающих. Приведенные ниже примеры показывают, что в зависимости от (национального) контекста одна и та же модель поведения может быть определена как участие по сценарию, как создание нового сценария или же как нечто промежуточное.

Одним из вопросов в наших групповых обсуждениях был следующий: какие шансы есть у участников «Эразмус Мундус» (или какие шансы они видят) для применения знаний, практик или опыта в целом после того, как они вернулись на родину. К сожалению, во время дискуссии со студентами мы почти не затронули этой темы, так что весь материал основан на дискуссии с преподавателями. Преподаватели согласились друг с другом во многих пунктах, которые будут проиллюстрированы ниже; но некоторые моменты немного напомнили трудности, с которыми столкнулись студенты на этапе подачи заявок.

Прежде всего, все участвовавшие в программе преподаватели согласились, что в целом у них нет проблем с использованием в учебных курсах конкретного научного знания, приобретенного за рубежом. Таким образом, передача знаний в этом смысле происходит без проблем. Однако, если вы меняете методику обучения, ситуация выглядит иначе. Так, одна из преподавателей изменила свой подход к проверке знаний студентов. Она стала использовать индивидуальные презентации вместо традиционного письменного экзамена, поскольку считает, что для профессиональной деятельности ее студентов крайне важно уметь делать презентации. Письменные экзамены действительно до сих пор остаются единственной официальной формой проверки знаний студентов, так что она в полном смысле слова нарушает общепринятые правила: «Я хочу сказать, хорошо, я побывала в разных университетах и Европы, и США. В сущности, я уже какое-то время назад внедрила некоторые методы преподавания и методы оценки знаний, но некоторые из них я применяю в ... вот так ... и я думаю, когда же кто-нибудь придет и нака-

жет меня, потому что я ... Да, именно так. Я понимаю, что принимаю экзамены не в той форме, в которой мы должны, а в форме презентации ... В то время как здесь [в нашем университете — прим. автора] обязательно, чтобы все сдавали экзамены одинаково ... без всякого внимания к особенностям курса, к его результативности, даже если все говорят о результатах. Но невозможно всех оценивать абсолютно одинаково» (преподаватель, Молдова, 905–923).

Явно вдохновившись опытом нескольких зарубежных стажировок, она изменила способ проверки знаний своих студентов — так, чтобы привести свои методы в соответствие с методами преподавателей из тех стран, которые она посещала. Интересно, однако, что изменения, которые она внесла в свои методы работы у себя на родине, остаются лишь на индивидуальном уровне: она не пытается распространить свой опыт и не стремится стать инициатором дискуссий в своем университете о том, какой метод экзамена требуется для ее предмета. В этом смысле она не выдвигает требований. Она просто меняет свой индивидуальный подход — видимо, пока еще не сталкиваясь с санкциями, но ожидая их, если когда-нибудь ее отклонение от нормы будет обнаружено. В результате трудно определить, соответствует ли ее поведение действиям граждан-активистов по Изину и Нильсену, потому что воздействие этого уклонения, или изменения подхода, на отношения между индивидами и обществом остается более или менее латентным, пока оно не будет обнаружено.

Однако, когда эта преподавательница затронула вопрос «результатов», дискуссия приняла интересный оборот. Результаты — один из важных терминов Болонского процесса, поэтому целая дискуссия развернулась вокруг вопроса, в какой степени Болонский процесс (в который Молдова вступила в последние полгода) сегодня используется как средство легитимации дальнейшей бюрократизации высшего образования Молдовы, без введения «реальных» изменений. Тот факт, что некоторые сотрудники посетили высшие учебные заведения в странах ЕС, имеет ряд последствий: они видят разницу между «здесь» и «там»; некоторые говорят о «нашей Болонье» и «их Болонье», имея в виду — с их точки зрения — чисто формальное внедрение необходимых реформ: «Как в том знаменитом анекдоте, когда кто-то спрашивает англичан: «Откуда у вас такие красивые лужайки?» И слышит в ответ: «Это очень просто — надо всего лишь 400 лет каждое утро стричь траву» (смех). То есть, если у вас нет этих традиций, которые, допустим, передаются из поколе-

ния в поколение, и вы механически копируете какие-то вещи, которые подсмотрели тут, и там, и там — это очень трудно» (преподаватель, Молдова, 776–779). «Да, так вот, есть эта тенденция: мы должны постараться формализовать все, что можно — все, что у нас есть. И мы ставим галочку, что мы ...» — «И мы ставим галочку, что сделали это». — «Согласно Болонскому процессу». — «Согласно процессу, вот именно». — «Не забывайте, что мы зарегистрированы» (смех). — «Анонимно» (три преподавателя, Молдова, 963–976).

Помимо этих критических наблюдений несколько участников рассказали, что не только Болонский процесс, но и они сами как сотрудники воспринимаются достаточно враждебно: «Болонская программа в Республике Молдова не воспринимается нормальной, она раздражает. Мы думаем, что если вы искренне ... допустим ... да, как сказал здесь раньше мой коллега, возможность получить постоянную ставку, распределение финансовых ресурсов, статус университета ... а затем, если вы возьмете и скажете, посмотрите, как это делается в другом месте, вы создадите себе множество врагов (смех) наверху». «Которые говорят тебе: ну ладно, поглядел — а теперь заткнись! (смех) Ты поглядел, ты погулял — теперь отдохни» (четыре преподавателя, Молдова, 709–723).

Последний процитированный участник создает группы «мы» и «они»: опыт пребывания в странах ЕС (или в США, см. выше) представляет общее поле, создает сходные представления о том, что желательное, а также сходную критику в отношении системы, преобладающей на родине. Таким образом, опять-таки, на индивидуальном уровне участники были убеждены; они даже готовы соответствовать своей роли послов и продвигать некоторые аспекты, которые, по их мнению, можно попробовать применить у себя на родине. Пока что цель создания у участников некой «эмоциональной приверженности» (Turner, 1994, см. выше) кажется достигнутой. Однако эта вовлеченность не приветствуется и даже вызывает враждебность у коллег, которые не были в Европейском союзе. Положительные впечатления непросто заставить работать у себя на родине — кажется даже, что критическое отношение коллег создает или укрепляет водораздел в восприятии того, как все устроено на родине, а как — за рубежом: «... они видели только Москву, такую же систему как здесь, потом еще Яссы [Румыния — прим. автора] и так далее, но они не знают систему, им явно кажется, что все, что они здесь делают — это центр Вселенной, но ... это не так» (преподаватель, 824–827).

Подводя итоги, можно сказать, что пребывание участников за рубежом в определенной степени означает последующую потенциальную напряженность в отношениях с коллегами. В то время как ЕС намеревается не допустить создания новых глобальных линий раздела между странами — членами ЕС и странами, в ЕС не входящими, на уровне молдавских университетов тот факт, что часть сотрудников идентифицируется с некоторыми аспектами возможной организации высшего образования, проводит новую линию раздела внутри коллектива. Говоря о шансах на изменение нынешней ситуации в образовании Молдовы, участники выражаются достаточно пессимистично. Они видят необходимость всесторонних систематических перемен, однако заявляют, что такие перемены совершенно недостижимы, даже если одновременно некоторые из них говорят, что никто, кроме них, не способен свершить эти перемены.

В заключение можно отметить, что, несмотря на достигнутое понимание иных подходов, несмотря на принятие других способов организации высшего образования, несмотря на совпадение общих пунктов критики и несмотря на общую ситуацию в высшем образовании Молдовы, которое, по крайней мере официально, реформируется в соответствии со стандартами ЕС, участникам на деле трудно выдвигать новые требования в отношении принятых моделей работы в системе высшего образования Молдовы и стать в этом смысле гражданами-активистами. Для того, чтобы взаимодействие между преподавателями и университетом протекало в русле модели активистского гражданства, необходим общий контекст — подготовленный и открытый к такому типу воздействия социум, в котором граждане воспринимали бы самих себя как тех, кто способен добиться изменений. Те, кто высказывает новые идеи и предложения, воспринимаются скорее как враги и, возможно, даже как «отчужденные». Однако с точки зрения внешней политики ЕС в сфере образования, которая была задумана как средство создания положительной идентификации с общеевропейскими моделями и ценностями, программу можно считать успешной. Желаемое повышение осведомленности было достигнуто, капитал доброй воли накоплен. Однако для участников все это сопровождается чувством отчуждения и бессилия, когда они возвращаются в свое прежнее окружение. Многие из них чувствуют, что у них есть потенциал что-то изменить, но их блокируют — поэтому их можно назвать заблокированными, или потенциальными, гражданами-активистами.

А как обстоит дело с возможностью укрепления контактов, появившихся во время пребывания за рубежом, — чтобы совсем не потерять связей? Чувствуют ли себя участники после окончания своих стажировок эмансипированными членами европейского пространства высшего образования, способными и дальше выстраивать сети контактов, зарождающиеся связи между ЕС и его соседями? Ответ отрицателен. Участники не в состоянии ни принимать приглашения от тех людей, с которыми они познакомились во время своего пребывания за рубежом, ни приглашать коллег из ЕС в Молдову, поскольку у них нет денег на финансирование самых элементарных потребностей зарубежных гостей — таких как оплата проезда, проживания, питания. Они убеждены, что без «пряника» никто не приедет: «Сотрудничество существует, но основная проблема — деньги, потому что у меня есть уже, кажется, шесть или семь приглашений на конференции». «Но финансово ...»; «я не могу их принять». «А пригласить их сюда — опять же, с финансовой точки зрения ... у университета нет средств для размещения, совершенно никаких средств, а только за наши красивые глаза — ну нет, никто не хочет сюда ехать. Никто не приезжает. За свой счет» (два преподавателя, Молдова, 1469–1474). Продолжать действовать как «активные граждане» согласно идеалам, сформированным европейской образовательной политикой и укреплять желаемые взаимные отношения оказывается сложной задачей в академической среде, которую участники описывают как, по большому счету, не изменившуюся со времен окончания советского периода. Помимо этого, каким бы банальным это ни казалось, отклонение от традиционных путей в образовательной и научной деятельности Молдовы и дальнейшее следование по путям, которые открылись участникам во время их пребывания за рубежом, зависит — как все плодотворные академические поездки — от финансовой поддержки, которую не предлагает ни та, ни другая сторона.

Заключение

Идея европейского гражданства обрела первоначальную форму в дискуссиях о необходимости создания европейской идентичности. Она определялась как создание чувства культурной принадлежности у граждан стран — членов ЕС, в надежде, что в результате они проявят большую заинтересованность в политических делах Сооб-

щества и будут сильнее стремиться внести вклад в его экономическое благосостояние. В то время как гражданство ЕС было введено в форме юридического статуса, в политике ЕС по отношению к «внешним» странам, к своим соседям мы можем наблюдать появление элементов раннего подхода к гражданству — без добавления какого бы то ни было юридического статуса. В числе прочего, в рамках программы «Эразмус Мундус» ЕС пытается развить чувство принадлежности, взращивая «взаимопонимание» между гражданами ЕС и соседских государств, рассматривая участников программы обмена как свою потенциальную рабочую силу, а также как носителей доброй воли, которые, вернувшись, будут распространять «общеевропейские ценности» в своих странах. Поскольку такой подход мыслится как потенциальный вклад в реализацию цели по предотвращению новых линий раздела между ЕС и его соседями и поскольку чувство принадлежности в смысле культуры рассматривается многими авторами как один из аспектов гражданственности, возникает вопрос: каким именно должен быть интеграционный результат данной политики на уровне индивидов. Учитывая тот факт, что уровень эмоциональной приверженности представляет лишь один из элементов принадлежности (другим часто является правовой статус), а также что зарубежные стажировки краткосрочны и что на уровне статуса для участников ничего не меняется, я решила не использовать понятие гражданина. Вопрос, который нам осталось рассмотреть, таков: что происходит, если участники действительно приобретают желаемые культурные связи, убеждаются в преимуществах другой системы, иных способов организации образования — согласно моделям, с которыми они познакомились в ЕС? Эмпирические данные позволяют сделать вывод, что на индивидуальном уровне в большинстве случаев им трудно вкладывать новые знания и умения и извлекать ценность из багажа, полученного за границей. Предложения изменить те или иные подходы отвергаются коллегами. Другие же участники изменяют методы своей работы (преподавания) «тайком», не говоря об этом коллегам, опасаясь, что рано или поздно их «обнаружат» и накажут. Кроме того, контакты, установленные во время пребывания за рубежом, трудно поддерживать — есть риск, что в отсутствие финансовых возможностей их развития как со стороны ЕС, так и со стороны Молдовы эти контакты будут утрачены или останутся изолированы. Возвращение домой во многом означает возвращение на стартовую позицию. Поэтому, если культурные связи не поддер-

живаются личными контактами, их трудно сохранять и развивать. В то время как принадлежность (как, например, принадлежность гражданина) содержит однозначную информацию об отношениях между индивидом и более широким сообществом, цели программы «Эразмус Мундус» можно определить двояким образом. Во-первых, программа пытается установить отношения между не-гражданами ЕС и идентичностью/культурой/системой ценностей ЕС (в каком бы виде она не существовала). Во-вторых, элемент гражданства, связанный с эмоциональной приверженностью / чувством принадлежности (который у многих участников действительно развивается или укрепляется в период пребывания за рубежом), должен быть перенесен ими на родину так, чтобы распространиться в среде, находящейся за пределами ЕС, войти в определенные отношения с этой средой. И хотя первый этап проходит достаточно гладко, опыт возвращения на родину напоминает возвращение «в тупик» — в ситуацию, которая описывается как практически неизменная со времен окончания советского периода. Участники не видят шансов внести вклад в изменение этой ситуации или выдвинуть свои требования в части изменений, которые им кажутся желательными. Показателен тот факт, что групповое обсуждение, послужившее источником цитируемого здесь материала, стало для них первой возможностью обмена опытом в расширенном кругу. Сформированный «капитал доброй воли» рискует остаться изолированным вместо того, чтобы послужить связующим звеном, и оказать слишком слабое влияние за пределами крайне ограниченного индивидуального уровня.

Перевод с английского: Наталия Буш.

Впервые опубликовано в «Journal of Social Science Education», 12 (14), 2013.

Хельга Цихнер — научный сотрудник Института региональной географии, Лейпциг

Литература

- Abelson, M. (2005). A Europe of knowledge and the civic mission of universities. In: T. Halvorsen, A. Nyhagen (Eds.), *The Bologna process and the shaping of the future knowledge societies: conference report from the third conference on knowledge and politics*. University of Bergen, pp. 64–69.
- Adonnino, P. (1985). A people's Europe. Reports from the ad hoc Committee. *Bulletin of the European Communities, Supplement 7/85*. Luxembourg.

- Anderson, B. (1996). *Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts* Frankfurt/Main: Campus.
- Bellamy, R., Castiglione, D., Shaw, J. (Eds.). (2006). *Making European citizens. Civic inclusion in a transnational context*. Hampshire: Palgrave.
- Bellamy, R., Castiglione, D., Shaw, J. (2006). Introduction: from national to transnational citizenship. In: R. Bellamy, D. Castiglione, J. Shaw (Eds.), *Making European citizens. Civic inclusion in a transnational context*. Hampshire: Palgrave, pp. 1–28.
- Börzel, T. A., Risse, T. (2000). When Europe hits home: europeanization and domestic change. *European Integration online papers (EioP)*, 4(15). <http://eiop.or.at/eiop/pdf/2000-015.pdf> (дата обращения: 22.11.2015).
- Commission of the European Communities. (1988). *A people's Europe*. (COM (88) 331 final).
- Brussels: European Commission. <http://aei.pitt.edu/3831/1/3831.pdf> (дата обращения: 22.11.2015).
- Commission of the European Communities. (1997). *Towards a Europe of knowledge*. (COM (97) 563 final). Brussels: European Commission. <http://aei.pitt.edu/5546/1/5546.pdf> (дата обращения: 22.11.2015).
- Commission of the European Communities. (2004). *European Neighbourhood Policy. Strategy Paper*. (Com 373 final). Brussels: European Commission. [http://aei.pitt.edu/38132/1/COM\(2004\)_373.pdf](http://aei.pitt.edu/38132/1/COM(2004)_373.pdf) (дата обращения: 22.11.2015).
- Commission of the European Communities. (2004a.). *The new generation of Community education and training programmes after 2006*. (COM (2004) 156 final). Brussels: European Commission. http://viaa.gov.lv/files/free/48/748/the_new_generation_of_com_education_2004.pdf (дата обращения: 22.11.2015).
- European Commission. (2012). *Eastern partnership roadmap 2012-13: the multilateral dimension*. (SWD (2012) 108 final). Brussels: European Commission. http://eeas.europa.eu/enp/pdf/docs/2012_enp_pack/e_pship_bilateral_en.pdf (дата обращения: 22.11.2015).
- European Commission. (2012a). *Erasmus Mundus 2009-2013. Programme Guide for the attention and information of future applicants and beneficiaries. Version 12/2012*. http://eacea.ec.europa.eu/erasmus_mundus/programme/documents/2012/em_programmeguide_dec2012_en.pdf (дата обращения: 22.11.2015).
- Corbett, A. (2003). Ideas, institutions and policy entrepreneurs: towards a new history of higher education in the European Community. *European Journal of Education*, 38(3), pp. 315–330.
- Council decision on Erasmus. (1987). Council Decision of 15 June 1987 adopting the European Community action scheme for the mobility of university students (Erasmus). 87/327/EEC. *Official Journal L*, 166, pp. 20–24. <http://>

eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX:31987D0327 (дата обращения: 22.11.2015).

- Decision on Erasmus Mundus. (2003). Decision No 2317/2003/EC of the European Parliament and the Council of 5 December 2003 establishing a programme for the enhancement of quality in higher education and the promotion of intercultural understanding through cooperation with third countries (Erasmus Mundus) (2004-2008). http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2003.345.01.0001.01.ENG (дата обращения: 22.11.2015).
- Decision on Erasmus Mundus. (2008). Decision No 2298/2008/EC of the European Parliament and the Council of 16 December 2008 establishing the Erasmus Mundus 2009–2013 action programme for the enhancement of quality in higher education and the promotion of intercultural understanding through cooperation with third countries.
- European Security Strategy (ESS). (2003). A secure Europe in a better world. www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsupload/78367.pdf (дата обращения: 22.11.2015).
- Favell, A. (2008). Eurostars and Eurocities. Free movement and mobility in an integrating Europe. Malden, Oxford: Blackwell.
- Favell, A., Recchi, E. (2011). Social mobility and spatial mobility. In: A. Favell & V. Guiraudon (Eds.), *Sociology of the European Union*. Hampshire: Palgrave macmillan, pp. 50–75.
- Findlay, A. M., Stam, A., King, R., Ruiz-Gelices, E. (2005). International student opportunities: searching for the meaning of student migration. *Geographica Helvetica*, 60(3), pp. 192–200.
- Frediani, C. (1992). *La politique de la CEE en matiere d'education et de culture*. Presses d'Europe.
- Heater, D. (1999). *What is citizenship?* Cambridge: Polity Press.
- Hoskins, B., Kerr, D. (2012). Final study summary and policy recommendations. Participatory citizenship in the European Union. Report 4, European Commission, Europe for citizens programme, submitted 10th May 2012.
- Hobsbawm, E. J. (1990). *Nations and nationalism since 1780. Programme, myth, reality*. Cambridge: Cambridge University Press, Canto.
- Isin, E. F., Nielsen, G. M. (Eds.). (2008). *Acts of citizenship*. London: Zed Books.
- Isin, E. F. (2008). Theorizing acts of citizenship. In: E. F. Isin & G. M. Nielsen (Eds.), *Acts of citizenship*. London: Zed Books, pp. 15–43.
- Isin, E. F., Wood, P. K. (1999). *Citizenship and identity*. London: Sage.
- Jařab, J. (2008). Reforming systems and institutions of higher learning. Towards the creation of a European and global higher education area. *Education, citizenship and social justice*, 3, pp. 85–96.

- Jons, H. (2010). Academic travel from Cambridge University and the formation of centers of knowledge, 1885–1954. In: P. Meusberger, D. N. Livingstone & H. Jons (Eds.), *Geographies of science. [Knowledge and space, Volume 3, Klaus Tschira Smposia]*, Heidelberg, London: Springer, pp. 95–117.
- King, R., Ruiz-Gelices, E. (2003). International student migration and the European ‘year abroad’: effects on European identity and subsequent migration behaviour. *International Journal of Population Geography*, 9, pp. 229–252.
- Korosteleva, E. (2012). *The European Union and its Eastern neighbours. Towards a more ambitious partnership?* New York: Routledge.
- Lavenex, S. (2008). A governance perspective on the European neighbourhood policy: integration beyond conditionality? *Journal of European Public Policy*, 15(6), pp. 938–955.
- Lawn, M., Grek, S. (2012). *Europeanizing education: governing a new policy space.* Oxford: Symposium Books.
- Medrano, J.D. (2011). Social class and identity. In: A. Favell & V. Guiraudon (Eds.), *Sociology of the European Union.* Hampshire: Palgrave macmillan, pp. 28–49.
- Nye, J.S. Jr. (2004). *Soft power. The means to success in world politics.* New York: Public Affairs.
- Papatsiba, V. (2006). Making higher education more European through student mobility?
- Revisiting EU initiatives in the context of the Bologna process. *Comparative Education*, 42(1), pp. 93–111.
- Pepin, L. (2006). *The history of European cooperation in education and training. Europe in the making — an example.* Luxembourg, European communities.
- Resolution of the ministers for education meeting within the council of 16 November 1971 on cooperation in the field of education. Not published.
- Sasse, S. (2008). The European neighbourhood policy: conditionality revisited for the Eastern partners. *Europe-Asia Studies*, 60(2), pp. 295–316.
- Schimmelfennig, F. (2009). Europeanization beyond Europe. *Living Reviews in European Governance*, 4(3), pp. 5–28.
- Schimmelfennig, F., Sedelmeier, U. (2004). Governance by conditionality: EU rule transfer to the candidate countries of central and Eastern Europe. *Journal of European Public Policy*, 11(4), pp. 661–679.
- Shaw, J. (2007). *The transformation of citizenship in the European Union. Electoral rights and the restructuring of political space.* Cambridge, Cambridge University Press.
- Shore, C. (1993). Inventing the ‘people’s Europe: critical approaches to European community »cultural policy”. *Man, New Series* 28(4), pp. 779–800.

- Smith, K. A. (2005). The outsiders: the European neighbourhood policy. *International Affairs*, 81(4), pp. 757–773.
- Soysal, Y. N. (1994). *Limits of citizenship. Migrants and postnational membership in Europe*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Soysal, Y. N. (2012). Post-national citizenship. Rights and obligations of individuality. In: E. Amenta, K. Nash, A. Scott (Eds.), *The Wiley-Blackwell Companion to political sociology*. Malden, Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 383–393.
- Turner, B. S. (1994). Postmodern culture / modern citizens. In: B. van Steenberg (Ed.), *The condition of citizenship*. London: Sage, pp. 153–168.
- Vink, M. (2004). The unbearable lightness of European citizenship. *Citizenship, social and economics education*, 6(1), pp. 24–33.
- Wiener, A. (1993). From special to specialized rights: the politics of citizenship and identity in the European Union. In: M. Hanagan, C. Tilly (Eds.), *Extending citizenship, reconfiguring states*. Lanham: Rowman & Littlefield, pp. 195–227.
- Wiener, A. (2013). Towards global citizenship practice? In: X. Guillaume & J. Huysmans (Eds.), *Citizenship and security*. London: Routledge, pp. 75–94.

Примечания

- 1 Фаза сотрудничества длилась с конца 1960-х до середины 1980-х годов.
- 2 <http://ec.europa.eu/education/erasmus/doc/stat/1011/report.pdf> (с. 14.).
- 3 На тот момент Европейское сообщество включало Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество, Европейское сообщество по атомной энергии.
- 4 http://eacea.ec.europa.eu/erasmus_mundus/results_compendia/selected_projects_action_2_en.php

Григорий Ерицян

Роль Европейского союза в развитии гражданского общества Армении

Введение

Сразу после распада Советского Союза на постсоветском пространстве началось развитие гражданского общества. Благодаря крупным фондам, грантам и пожертвованиям от организаций-доноров, заинтересованных в строительстве демократии в постсоциалистических государствах, в этих странах появились сотни неправительственных организаций. Это явление часто называют «взрывным ростом НПО» или «НПОизацией гражданского общества».

Армения обладает давними традициями и богатой историей гражданского общества. Если опираться на античные и средневековые представления о гражданском обществе как общинной жизни и объединениях людей, то можно сказать, что негосударственные объединения по интересам существуют в Армении на протяжении столетий. Однако в современном понимании гражданского общества, разработанном и осмысленном главным образом западным научным сообществом, армянскому гражданскому обществу лишь 25 лет. В данной статье автор опирается на современное толкование гражданского общества как сферы автономных и независимых неправительственных организаций, движений, сетей, объединений, социальных предпринимателей — другими словами, любых основанных на определенных ценностях, потребностях или интересах социальных групп, организуемых добровольно людьми, которые посредством коллективного действия пытаются достичь определенных целей, принося пользу конкретной группе или обществу в целом. Следуя данной логике, зарождение современного гражданского общества в Армении восходит к концу 1980-х — началу 1990-х годов.

Большинство неправительственных организаций (НПО) и движений, образовавшихся в то время, занимались проблемами охраны окружающей среды. Подобные природоохранные движения, вдохновленные реформами Горбачева и некоторой терпимостью Кремля к активистам-природоохранникам, можно было наблюдать в Армении, Грузии, Эстонии, Латвии, Литве и Украине (Ishkanian и др., 2013, с. 17). В целом на развитие современного третьего сектора Армении повлияло несколько существенных исторических факторов, таких как наследие советской эпохи и распад Союза, землетрясение 1988 года и последовавший за ним поток гуманитарной помощи, вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе и растущий интерес к Армении со стороны организаций, занимающихся вопросами развития, а также со стороны армянской диаспоры и прочих доноров (Blue & Ghazaryan, 2004, с. 11).

Начиная с 1990 года растущая поддержка некоммерческих организаций сыграла важную роль в развитии армянского гражданского общества и придала ему его современную форму. Наряду с поддержкой иностранных частных лиц, международных и гуманитарных организаций, Европейского союза и других доноров важно упомянуть в качестве одного из ключевых игроков в развитии армянского гражданского общества армянскую диаспору. С 1991 года она играет важную роль в осуществлении разнообразных гуманитарных проектов и проектов по реконструкции (CIVICUS, 2010, с. 26).

Развитие гражданского общества и соответствующих организаций в Армении продолжалось после вооруженного конфликта между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха, завершившегося в мае 1994 года подписанием соглашения о прекращении огня. С 1995 по 2000 год развитие протекало в русле постепенной и условной демократизации армянских политических институтов и государственного управления. Организации гражданского общества (ОГО) становились более организованными и целенаправленными в своих попытках заниматься такими социальными вопросами, как безработица и здравоохранение, распространяя ценности прав человека и демократии по образу и подобию аналогичных организаций на Западе (Blue & Ghazaryan, 2004, с. 11).

Современное гражданское общество Армении: смесь достижений и неудач?

Спустя четверть века после распада Советского Союза армянское гражданское общество представляет собой интересную смесь достижений и неудач (CIVICUS, 2014, с. 13). Развитие гражданского общества в Армении началось в непростых обстоятельствах. На него повлияли отход от социализма, война и разрушительное землетрясение. Все это происходило на фоне недостатка знаний, навыков и возможностей, а также отсутствия подходящей законодательной-правовой базы и необходимой инфраструктуры.

Армянскому гражданскому обществу удалось стать важным и общепризнанным игроком. Тем не менее оно все еще сталкивается с проблемами различного рода. В ответ на меняющиеся обстоятельства армянское правительство взяло политический курс на создание институтов общественно-политического участия, позволяющих каждому гражданину участвовать в законодательных переменах в стране в рамках организаций гражданского общества. Кроме того, был разработан кодекс сотрудничества между некоторыми министерствами и общественными организациями, а также внесены поправки в закон о местном самоуправлении, которые предоставили гражданам, группам и организациям гражданского общества право участвовать в публичных слушаниях и контролировать работу местных органов власти (EU Heads of Mission to Armenia, 2014, с. 3).

В Армении есть несколько крупных сетей, по большей части состоящих из гражданских организаций, самостоятельно организующих совместные акции с парламентом, правительством и другими органами государственной власти. К сожалению, существует множество созданных правительством организаций (так называемых ПНПО), которые поддерживают непопулярные политические решения правительства, имитируя видимость участия граждан в законодательных процессах. Так правительство пытается узаконить свои незаконные политические шаги.

За последние 15 лет армянский сектор гражданского общества пережил значительные перемены и преобразования — меняя курс, достигая новых высот и претерпевая новые неудачи. Осознавая растущую роль НПО, государство попыталось остановить эту волну. Министерство юстиции, например, внесло на рассмотрение правительства предложение об изменении закона об НПО, которое

было принято и передано на рассмотрение Национальному собранию (парламенту Армении). Однако благодаря скоординированной деятельности НПО принятия поправки, в которой многие авторитетные НПО усмотрели тревожный сигнал, удалось избежать. События вокруг поправки и успех НПО в противостоянии законодателям показали, что способность гражданского общества влиять на процессы принятия решений растет.

В период между 2005 и 2006, а также 2008 и 2010 годами международная организация CIVICUS совместно с различными местными и международными партнерами определила Индекс гражданского общества — с целью оценки состояния армянского гражданского общества. Чтобы дать реалистичную оценку ситуации, для анализа собранных данных использовались различные подходы. CIVICUS оценила сильные и слабые стороны армянского гражданского общества. Примечательно, что одной из сильных сторон армянского гражданского общества была названа правовая среда ее деятельности (CIVICUS, 2007). Благодаря комфортной правовой среде многие организации и фонды прошли регистрацию в Армении без каких-либо препятствий. По данным фонда CIVILITAS, в 2008 году в стране были зарегистрированы 2824 организации, в 2009 году — 3066, а в 2010 году — 3300. По состоянию на январь 2012 года в Армении было зарегистрировано 3781 НПО (CIVILITAS, 2010). По другим данным, в Армении существуют 3000–5000 НПО. Однако лишь о нескольких десятках из них можно найти точную и актуальную информацию в Интернете и других источниках.

Существуют различные оценки положения гражданского общества в Армении. Один из механизмов оценки заключается в определении Индекса устойчивости развития, разработанного Агентством США по международному развитию (USAID). В соответствии с ним, в 2010 году устойчивость сектора НПО в Армении в целом оставалась такой же, как в 2009 году, причем сектор НПО тяжело перенес финансовый кризис. Из-за ограниченных возможностей финансирования рамки деятельности НПО начали сужаться. К тому же напряженная ситуация после выборов 2009 года способствовала развитию атмосферы апатии среди населения (USAID, 2011).

В отчете за 2012 год отмечается, что «армянские ОГО повысили свои организационные способности [...], признав важность стратегического планирования, внедрив новые технологии для обмена информацией и отслеживая развитие событий общенационального

характера в соответствующих сферах» (USAID, 2013, с. 2). Со ссылкой на Министерство юстиции авторы исследования сообщают, что по состоянию на октябрь 2012 года в Армении были зарегистрированы 3432 общественные организации, 733 фонда и 301 союз юридических лиц. Однако не более 20% из них занимались активной деятельностью. Одно из существенных изменений, произошедших в 2013 году, состояло в том, что «должностные правительственные лица и связанные с ними группы называют правозащитные организации и группы независимых наблюдателей «проедателями грантов», пытаясь их дискредитировать. [...] Кроме того, имело место давление со стороны государства, включая ряд проверок, арестов и штрафов» (USAID, 2014, с. 2). В то же время наблюдались сдвиги в лучшую сторону в проведении общественных кампаний в поддержку гражданского общества, в которых «особенно активными были неформальные группы, оспаривающие правительственные решения, противоречащие общественным интересам, [...] и продолжающие наращивать свой институциональный потенциал» (USAID, 2014, с. 18).

По данным Freedom House — еще одной организации, занимающейся наблюдением за развитием свободы и демократии в Армении и других частях мира, по состоянию на 2014 год в Армении зарегистрировано около 4000 НПО, многие из которых прекратили свою деятельность из-за нехватки финансирования или других ресурсов. Есть также некоторые неактивные НПО с государственным финансированием, основная цель существования которых — отмыwanie денег. Активность профсоюзов и трудовых организаций оценивается как слабая (USAID, 2014).

Результаты проведенного Freedom House подробного сравнительного анализа под названием «Страны переходного периода», в котором описываются демократические изменения в 29 странах — от Центральной Европы до Евразии, — показывают, что «армянские неправительственные организации действуют в достаточно благоприятном правовом климате и [...] армянское гражданское общество полно энергии» (Iskandaryan, 2012, с. 67). Имеет место рост общественных кампаний, но «влияние таких кампаний на проводимую правительством политику остается ограниченным» (Iskandaryan, 2012, с. 67). В докладе за 2013 год высказывается предположение, что разрыв в развитии демократического общества между тремя кавказскими государствами становится все более значительным: если Армения и Грузия проводят реформы, то Азербей-

байджан, напротив, продолжает «жесткое подавление общественных собраний» (Habdank-Kořaczowska, 2013, с. 3). Freedom House сообщает, что политическая ситуация в Армении по состоянию на 2014 год способствует развитию гражданского общества, а само «армянское гражданское общество остается активным, разнородным и независимым» (Iskandaryan, 2012, с. 67). Однако это не оказывает принципиального влияния на проводимую правительством политику, и уровень доверия к гражданскому обществу остается низким (Iskandaryan, 2012, с. 67).

Роль Европейского союза в развитии гражданского общества Армении

Европейский союз (ЕС) выступает одним из основных доноров развития гражданского общества Армении, а осуществляемая им поддержка значительно возросла за последние годы. При этом одним из основных игроков в поддержке гражданского общества Армении ЕС стал сравнительно недавно. В начале 1990-х годов развитие гражданского общества происходило главным образом при поддержке американских доноров и агентств администрации США. Именно поэтому многие армянские организации гражданского общества скопировали манеру работы и приемы с аналогичных американских организаций. Однако запустив Европейскую политику добрососедства и в особенности программу Восточного партнерства, ЕС укрепил свои связи с армянскими негосударственными субъектами, став основным источником поддержки армянского гражданского общества и формируя его дальнейшее развитие.

Отношения между Арменией и Европейским союзом основываются на Соглашении о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между ЕС и Арменией, подписанном в 1999 году. Уже в этом соглашении можно увидеть готовность ЕС участвовать в развитии гражданского общества Армении. В Статье 68 соглашения заявляется, что «стороны поощряют налаживание связей и обмен информацией между своими национальными, региональными и судебными органами власти [...] и неправительственными организациями» (Official Journal of the European Communities, 1999). Однако участие ЕС в развитии гражданского общества Армении на практике ограничилось технической и гуманитарной помощью, а поддержка гражданского общества не стала одной из приоритетов деятельно-

сти ЕС в Армении. С 1991 по 2006 год денежные ассигнования ЕС Армении составили более 380 млн евро, почти 120 млн из которых пришлось на гуманитарную помощь (ENPI, 2007–2013, с. 13).

Техническая поддержка Европейского союза предоставлялась в рамках программы ТАСИС, завершенной в 2006 году. Она была главным образом нацелена на содействие институциональным, правовым и административным реформам, на поддержку малых и средних предприятий, помощь в смягчении социальных последствий переходного периода, развитие инфраструктуры и т. д. (EUR-Lex, 2007). Лишь малая доля средств направлялась на развитие гражданского общества в рамках различных программ, таких как Программа связи с европейскими НПО (ЛИЕН), Программа партнерства в области институционального развития (ППИР) и Европейская инициатива в области демократии и прав человека (ЕИДПЧ) (Simão, 2011, с. 62).

Программа ЛИЕН представляла собой «инициативу Европейской комиссии по поддержке неправительственных организаций, работающих в социальной сфере Содружества независимых государств (СНГ)» (European Commission, 2001). Она была разработана Европейской комиссией в 1992 году для Европейского парламента с целью обеспечения финансирования и технической поддержки гражданскому обществу (European Commission, 2001). За программой ТАСИС ЛИЕН последовала Программа партнерства в области институционального развития, целью которой являлась поддержка НПО, местных и региональных органов власти, а также профессиональных организаций в части поддержки развития их потенциала (European Commission, 2003). Таковы основные программы, по которым осуществлялась поддержка развития гражданского общества. В период с 1990 по 2006 год ЕС нельзя назвать важным актором развития гражданского общества в Армении. Та же тенденция наблюдается и в других странах Восточного партнерства, где поддержка ЕС была в основном технического характера.

Новую фазу участия ЕС в развитии армянского гражданского общества ознаменовала Европейская политика добрососедства (ЕПД). Став ее участником, Армения активизировала свои отношения с ЕС, что также повлияло на интенсификацию отношений между ЕС и армянским гражданским обществом. В плане действий ЕПД, определяющем основные стратегические цели сотрудничества между ЕС и Арменией, заявляется, что содействие развитию гражданского общества в Армении является одной из основопола-

гающих целей сотрудничества между ЕС и Арменией (EEAS, ENP). В нем также указывается, что стороны обязаны содействовать мирному разрешению нагорно-карабахского конфликта и активному вовлечению гражданского общества, а также его участию в формировании природоохранной политики и взаимодействии на уровне граждан, в частности в сферах образования, профессиональной подготовки и молодежной политики (EEAS, ENP).

Взаимодействие ЕС с гражданским обществом Армении проходит в рамках различных программ Европейского союза. Напрямую финансируя гражданское общество и различные правительственные агентства, от которых ожидается содействие развитию гражданского общества, ЕС способствует развитию и укреплению армянского гражданского общества. Большая часть поддержки гражданского общества со стороны ЕС ранее оказывалась в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП) (285,1 млн евро за 2007–2013 годы), а в настоящее время — в рамках Европейского инструмента соседства (ЕИС) (140–170 млн евро за 2014–2017 годы) (EEAS, Armenia). Ассигнования на Армению в 2014–2020 годах предусмотрены в размере от 252 до 308 млн евро, из которых 5% будут выделены на дополнительную поддержку организаций гражданского общества (EEAS, Programming). Дополнительная поддержка означает «поддержку роли гражданского общества в построении надежных и всеобъемлющих политических процессов, более эффективных демократических процессов и систем подотчетности. [...] Среди прочего возможна разработка мер, направленных на содействие всестороннему формированию благоприятной среды для участия гражданского общества в общественной жизни, мер по поощрению внутренней прозрачности и подотчетности, в том числе в отношении бюджетного процесса» (EEAS, Programming, с. 13).

Основные направления финансового участия ЕС в делах Армении в рамках Европейского инструмента соседства — это развитие частного сектора, реформирование государственного управления и сферы правосудия. Согласно Программе стратегической помощи ЕС для Армении (Single Support Framework), «поддержка гражданского общества ведется по всем трем оперативным секторам, [...] имея конечной целью обеспечение эффективной и всеобъемлющей политики на национальном уровне» (EEAS, Programming, с. 7). К сожалению, поскольку правительство Армении и различные министерства являются основными получателями финансирования, присутствует скептическое отношение к возможности осуществле-

ния всех предусмотренных реформ. Однако сам факт, что развитие гражданского общества в Армении становится для ЕС одним из приоритетов, подтверждает предположение, что ЕС стремится стать все более и более активным игроком в этой сфере. В отличие от ЕИСП, в ЕИС поддержка гражданского общества представляется как новое приоритетное направление и отдельная сфера целевого финансирования.

Одна из программ ЕС по поддержке организаций гражданского общества в Армении — Европейская инициатива в области демократии и прав человека (ЕИДПЧ), стартовавшая в Армении в 2003 году. Основная цель программы состоит в содействии защите прав человека и поддержке Армении в вопросах демократизации, а также предотвращения и разрешения конфликтов. Так, в 2003 году по ней было профинансировано 11 проектов в таких направлениях, как борьба с коррупцией, примирение Армении и Азербайджана, защита прав человека и т. п. (Gültekin-Punsmann & Avery, 2008, с. 20). Число профинансированных в рамках ЕИДПЧ проектов увеличилось до 15 в 2010 и 12 в 2012 году (European Commission, 2015). Среди них есть и долгосрочные проекты — например, создание направления магистратуры в области прав человека и демократизации при Центре европейских исследований Ереванского государственного университета для студентов из Армении, Беларуси, Украины и Молдовы.

Однако в самом начале финансирования Европейским союзом стран Восточного партнерства программа ЕИДПЧ не придавала организациям гражданского общества приоритетного значения в процессах демократизации. Зачастую гранты предоставлялись профессиональным и крупным организациям, таким как Совет Европы или агентства ООН. Поэтому менее крупным организациям не удалось извлечь пользу из программы. Ситуация изменилась в 2005 году после событий в Восточной Европе, в частности после Революции роз в Грузии и Оранжевой революции в Украине (Shapovalova & Youngs, 2012, с. 2–3).

Интерес ЕС к Армении значительно вырос после запуска в 2009 году программы Восточного партнерства. Гражданское общество усмотрело в этом процессе возможность для преобразований в соответствии с европейскими демократическими ценностями (Babayan & Shapovalova, 2011, с. 2). С началом программы Европейский союз признал за гражданским обществом в странах Восточного партнерства более значимую роль.

Пункт 22 Совместной декларации саммита Восточного партнерства 2011 года подтвердил важность роли гражданского общества в достижении целей программы Восточного партнерства. В декларации подчеркивалось, что Форум гражданского общества, учрежденный в рамках Восточного партнерства, и его национальные платформы имеют высокую значимость в содействии продвижению демократических ценностей. Кроме того, было заявлено, что поддержка гражданского общества со стороны ЕС будет оказываться через различные механизмы, такие как Фонд гражданского общества (Civil Society Facility) и Европейский фонд за демократию (European Endowment for Democracy) (Council of European Union, 2011).

Признание важности роли гражданского общества в рамках Восточного партнерства произошло и с учреждением Форума гражданского общества. Первая встреча форума состоялась 16 ноября 2009 года в Брюсселе. Во время встречи были сформированы четыре рабочие группы, которым была поручена работа по следующим направлениям: демократия, права человека, эффективное управление и политическая стабильность, экономическая интеграция и сближение с политическими принципами ЕС, охрана окружающей среды, изменение климата и энергетическая безопасность, а также взаимодействие на уровне граждан (European Commission. External Relations, 2010). Кроме того, организации, участвующие в национальной платформе Форума гражданского общества, проявляют принципиальную активность в процессе европейской интеграции Армении и влияют на ее углубление.

После «Арабской весны» Европейский союз попытался создать механизм быстрого, менее бюрократичного и более эффективного реагирования на демократические перемены, происходящие в соседних странах. С этой целью во время председательства Польши в Европейском союзе был создан Европейский фонд за демократию. Фонд призван содействовать развитию идей, не находящихся внутригосударственной поддержки. Процесс подачи заявок относительно прост и не имеет установленного крайнего срока. На текущий момент в рамках фонда было профинансировано 155 инициатив по всем странам Восточного партнерства (EED).

Получить точные данные о количестве проектов, профинансированных в Армении или какой-либо иной стране, невозможно. Это сделано для личной безопасности получателей финансирования в соответствующих странах. Тем не менее на сайте приводится

информация о девяти проектах, профинансированных в Армении. Они направлены на защиту прав женщин, повышение роли гражданского общества в политических процессах, укрепление свободы самовыражения, предоставление юридической помощи активистам, управление городскими зелеными зонами и т. д. (EED). Оценить вклад Европейского фонда за демократию в развитие демократических процессов в Армении невозможно, поскольку количество проектов и суммы грантов весьма ограничены. К тому же фонд представляет собой новый инструмент, и на данный момент не имеется каких-либо отчетов, способных пролить свет на то, какие проекты финансируются и каков их общий бюджет, воздействие и результаты.

Одним из самых крупных инструментов финансирования гражданского общества Армении, в особенности молодежных организаций, со стороны ЕС являлось направление Восточного партнерства «Молодежь в действии» (Eastern Partnership Youth in Action Window), которое было открыто в рамках программы «Молодежь в действии» на период 2012–2013 годов. Направление был учреждено для решения проблем молодых людей в странах Восточного партнерства за счет содействия региональному сотрудничеству между политическими учреждениями, молодежными организациями, молодыми специалистами в частности и молодежью в целом (EU Neighbourhood Info Center). Из шести стран Восточного партнерства у Армении и Грузии выявилось наибольшее число объектов финансирования: 151 проект в Армении и 186 — в Грузии (Motamed-Afshari, Fras & Webbert, 2014). Направление «Молодежь в действии» стало крупнейшим и самым доступным источником финансирования для молодежных организаций Армении.

Одним из инструментов, применяемых ЕС для укрепления гражданского общества в Армении, является проект «Поддержка развития демократического управления в Армении», осуществляемый Британским советом. Как было упомянуто выше, при помощи проекта удалось привести Закон об общественных организациях в соответствие со стандартами ЕС. Программа была начата в марте 2014 года и состоит из четырех компонентов, один из которых — развитие потенциала гражданского общества (British Council, 2015).

По утверждению Британского совета, «проект призван содействовать развитию потенциала гражданского общества с тем, чтобы увеличить степень его вовлеченности в разработку правовых реформ и мониторинг их осуществления, вести социально прием-

лемое предпринимательство и другую финансовую деятельность, наращивать участие в политическом анализе и активной гражданственности» (British Council, 2015). Первоочередной результат, ожидаемый от программы в контексте усиления гражданского общества — «укрепление способности организаций гражданского общества активно заниматься разработкой политических реформ и мониторингом их осуществления, быть финансово независимыми и квалифицированными для ведения предпринимательской деятельности и привлекать общественность к мониторингу процессов реформирования с целью повышения прозрачности и подотчетности правительства» (British Council, 2015).

Представительство ЕС в Армении работает главным образом с органами власти, политическими партиями, представителями и организациями гражданского общества, а также средствами массовой информации, учебными заведениями и международными организациями (Delegation of the European Union to Armenia, Political). Чтобы дать гражданскому обществу возможность выражать свое мнение по различным актуальным вопросам о развитии отношений между ЕС и Арменией, представительство создало информационно-консультационный сайт, на котором организации могут, после прохождения регистрации, высказывать свое мнение. Это делается с целью обеспечения более эффективного взаимодействия между Европейским союзом и гражданским обществом Армении (Delegation of the European Union to Armenia, Civil).

В рамках финансировавшегося ЕС проекта информационной поддержки проведения реформ в Армении представительство ЕС в Армении открыло в Ереване Информационный центр ЕС. Проект просуществовал два года, с 2012 по 2014 год. Основной идеей Центра ЕС в Армении являлось обеспечение надлежащего качества информационных материалов о финансируемых ЕС проектах и содействие в выполнении соответствующих информационных задач¹.

Центр ЕС с офисом в самом сердце Еревана помимо этого предоставлял свое помещение организациям гражданского общества, реализующим финансируемые ЕС проекты и инициативы, так или иначе связанные с Европой и европейскими ценностями. Однако интерес организаций гражданского общества к Центру был весьма ограничен. Большинство организаций, которым помогал Центр, представляли собой финансируемые ЕС молодежные организации или стартап-инициативы. Одним из заслуживающих внимания

проектов Центра была созданная в 2013 году Сеть выпускников ЕС, в которую вошли восемь активно действующих в Армении НПО. Целью создания сети является «объединение бывших участников европейских образовательных программ в Армении, [...] содействие вовлечению молодых людей в европейские образовательные программы на различных уровнях в рамках формального, неформального и повседневного обучения, включая предоставление им информации, поддержки и наставнической помощи»². Однако идея не получила какого-либо дальнейшего развития, и действенность сети относительно невелика.

В конечном счете Европейский союз стал важным участником процессов развития гражданского общества Армении в различных направлениях. Благодаря разнообразным проектам, нацеленным на укрепление способности гражданского общества активно участвовать в формировании и контроле политических решений и быть финансово независимым, оно повысило свою эффективность и стало заметным игроком во многих сферах общественной жизни. Однако имели место и различные побочные эффекты такого влияния.

Вызовы и возможности участия Европейского союза в развитии гражданского общества Армении

Поддержка и укрепление гражданского общества третьих стран со стороны различных доноров вызывает у многих скептическое отношение и подозрения. Некоторые из критиков утверждают, что вместо укрепления НПО своей финансовой поддержкой доноры ослабляют их роль в процессах демократизации (Encarnación, 2011). Не поддерживая какое-либо из этих утверждений, следует отметить, что недостаточное понимание существующей обстановки, в рамках которой доноры поддерживают гражданское общество, и общественного настроения, порождаемого такой поддержкой, вредит имиджу гражданского общества и приводит ко многим побочным эффектам. Содействию гражданскому обществу в развивающихся странах сопутствуют потенциальные риски (Windfuhr, 1999, с. 1).

Одно из побочных явлений, отмечаемых в научной литературе, заключается в том, что вместо предоставления возможности высказаться лишенным голоса сегментам общества, вместо помощи малозащищенным группам, организации гражданского общества

занимаются продвижением самих себя. Кроме того, внешняя поддержка НПО в развивающихся странах приводит к ослаблению их позиции и риску чрезмерной зависимости от организаций-доноров (Riddell, 2008, с. 305).

Эти проблемы актуальны и в контексте помощи гражданскому обществу Армении со стороны Европейского союза. Существует несколько проблем, с которыми ЕС сталкивается при оказании поддержки армянскому гражданскому обществу. Ниже приводятся некоторые из основных трудностей:

Адекватная оценка потребностей гражданского общества: Европейский союз зачастую обвиняют в финансировании проектов, в которых конкретные гражданские общества практически не нуждаются. Этот феномен наблюдается как в работе ЕС с гражданским обществом внутри самого ЕС, так и в его связях с гражданскими обществами третьих стран. Европейский союз испытывает серьезные трудности с реалистичной оценкой потребностей в странах, в которых он финансирует организации гражданского общества. При этом Армения — не исключение.

Неправильная оценка приводит к оторванным от реальности приоритетам ЕС, не обязательно совпадающим с приоритетами получателей финансирования и сообществ, которые они представляют. Из-за финансовых проблем организации видоизменяют свои цели и разрабатывают проекты, которые отвечали бы требованиям Европейского союза. По понятным причинам такие проекты не приносят сообществам, представляемым получателями средств, ощутимой пользы, а вместо этого дают организациям гражданского общества финансовую возможность устойчивого существования.

Чтобы оценить осведомленность Европейского союза в этом вопросе, автором был проведен ряд интервью с представителями Европейской комиссии. В одном из интервью руководитель группы региональных программ Восточного соседства при Генеральной дирекции по переговорам о добрососедстве и расширении Кармен Фалкенберг Амбросио (Carmen Falkenberg Ambrosio) заявила, что ЕС отдает себе отчет в существовании этой проблемы. По ее утверждению, «существует ряд НПО, которые в стремлении получить финансирование трансформируются из года в год, вписываясь в текущие приоритеты Европейского союза. Европейский союз отвечает на это расстановкой приоритетов в проводимых им программах. Данные приоритеты согласовываются с государствами — членами ЕС. Приоритеты устанавливаются на семь лет, и НПО уже

знают о них, поскольку те доступны в Интернете. Оценка потребностей гражданских обществ на местах производится делегациями ЕС совместно с Европейской комиссией. Для определения приоритетов делегации консультируются с гражданским обществом.

Существуют как общие приоритеты ЕС, так и приоритеты местного значения, которые находят монетарное выражение в грантах и тендерах, размещаемых делегациями. Гранты и тендеры мирового значения распространяются на все страны, но те, которые выделяются на конкретные страны, доступны на сайтах соответствующих делегаций ЕС. Важно упомянуть, что ЕС не является организацией, оказывающей услуги. Например, при существующей потребности в улучшении положения местных школ, ЕС не обязательно станет финансировать строительство школы, но он сможет поддержать НПО в проведении общественной кампании в поддержку такого строительства. В этом смысле можно сказать, что ЕС не реагирует напрямую на потребности на местах, поскольку не строит школы, но в то же время ЕС помогает организациям гражданского общества окрепнуть и достигать подобных и любых других целей, которые могут возникнуть в будущем³.

Однако в системе, используемой Европейской комиссией для оценки потребностей в третьих странах, остается целый ряд неясностей. Каждая делегация ЕС имеет свои собственные механизмы консультации с местными ОГО, и в разных странах уровни развития ОГО различны, как различны и политико-экономические условия, в которых эти организации функционируют. Прямая связь между Брюсселем и организациями гражданского общества в третьих странах все еще слаба.

Вовлечение в процесс различных субъектов гражданского общества: Другой вызов, стоящий перед Европейским союзом при оказании помощи Армении и другим странам Восточного партнерства — обеспечение полезности его поддержки для всех возможных субъектов гражданского общества, пусть и в неравной степени. Одна из причин, по которой небольшие, малоопытные и новые организации испытывают проблемы с получением финансирования от ЕС, — недостаток знания системы финансирования ЕС и трудности с соблюдением всех формальных требований. Кроме того, средства ЕС зачастую оказываются в монопольном владении организаций с большим опытом, которые нарастили свой потенциал благодаря долгосрочному же финансированию со стороны ЕС. С одной стороны, есть опытные «охотники за грантами», участву-

ющие во всех возможных тендерах. Они хорошо знакомы с языком ЕС и знают все приемы «продажи» идей Европейскому союзу. С другой стороны, есть малоопытные организации, активное вовлечение которых может принести перемены и пользу гражданскому обществу Армении. Однако такие организации не обладают необходимыми знаниями системы финансирования ЕС, не знакомы с правилами фандрайзинга и запутанными требованиями ЕС к заявлениям и отчетности. Это ведет к дальнейшему укреплению уже сильных субъектов гражданского общества и потенциально исключает тех, кто мог бы привнести свежий взгляд и инновационные идеи.

Высокая степень бюрократичности и сложные процедуры приводят к отсеиванию более мелких НПО и способствуют выделению «мафии НПО», владеющей монополией на средства ЕС в Армении. Данное предположение подтверждается показателями, приводимыми в рамках Системы финансовой прозрачности ЕС. Так, Международный центр по развитию человеческого потенциала получил 10.000 евро в 2008 году, 1.950.000 евро в 2010 году и 79.320 евро в 2013 году. Аналогичная ситуация наблюдается с фондом «Партнерство Евразия», получившим 34.727 евро в 2009 году и 63.650 евро в 2011 году. Аналогичная тенденция имела место в финансировании обществ с ограниченной ответственностью. В 2010 году обществу с ограниченной ответственностью «Deem Communication» был выдан грант в 43.680 евро. В 2011 году сумма выросла до 50.980 евро, в 2012 году — до 79.890 евро и, наконец, в 2013 году — до 98.750 евро (European Commission, 2015). Эти данные показывают, что ЕС финансирует более крупные и опытные организации, позволяя им обеспечить себе устойчивый приток средств. С этими же организациями Европейский совет проводит основную часть консультаций. Такие консультации на практике неэффективны и рассматриваются как необходимая формальность (Lada, 2011, с. 3).

Иначе дело обстояло с небольшими организациями до 2012 года, когда на 2012–2013 годы было открыто молодежное направление Восточного партнерства. В этот период финансирование ЕС запросили и получили десятки небольших организаций. Относительно простые правила и требования к отчетности явились стимулом подачи заявок. Конечно, это привело и к появлению некоторого числа организаций, просуществовавших лишь в течение 2012–2013 годов с единственной целью — целью получения средств по программе «Молодежь в действии» (Motamed-Afshari, Fris & Webbert, 2014). Как бы то ни было, данный пример показывает, что упрощение проце-

дур и требований к финансированию со стороны ЕС могло бы стать для менее активных и компетентных организаций стимулом участвовать в программах и в развитии гражданского общества.

Управление средствами ЕС, оценка воздействия и ответственность: Европейский союз не всегда способен надлежащим образом отследить использование предоставленных им средств. Это приводит к недовольству среди граждан ЕС, платящих налоги для содействия развитию демократии в третьих странах. В случае Армении эта проблема указывалась в консультационном документе, разработанном по запросу Комитета по иностранным делам Европейского парламента еще в 2008 году. В документе высказывается предположение, что «эффективность финансируемых ЕС проектов можно бы было значительно повысить посредством более эффективного менеджмента со стороны ЕС» (Gültekin-Punsmann & Avery, 2008, с. 11).

Еще одна проблема заключается в том, что ЕС рассматривается получателями средств в Армении не как партнер, а как донор. Это одна из причин низкой ответственности со стороны некоторых организаций за результаты проектов. Европейский союз, в свою очередь, рассматривает НПО не как институциональных партнеров, а как получателей помощи. В проектах, где местные НПО сотрудничают с европейскими, недостаток ответственности на местах также является проблемой, поскольку, несмотря на знание потребностей, локальные НПО не становятся ведущим звеном в подобных совместных проектах. Эта ситуация может быть изменена к лучшему путем дальнейшего повышения профессионализма представителей НПО (Lada, 2011, с. 3).

Измерить воздействие, осуществляемое финансируемыми ЕС организациями гражданского общества, равно как и воздействие ЕС на организации гражданского общества, весьма трудно. Кроме того, не существует какой-либо единой базы данных, портала или справочника, где можно найти краткую информацию о проектах, финансируемых ЕС, их результатах, успехах и неудачах, бюджетах и целевых группах. Такой портал мог бы помочь организациям гражданского общества обмениваться информацией о том, удалось ли им обеспечить устойчивость проекта или же он имел разовый характер.

Вовлечение гражданского общества в миротворческую деятельность и предотвращение конфликтов: Роль ЕС в привлечении гражданского общества к миротворческой деятельности и

предотвращению конфликтов в Армении и на Южном Кавказе в целом — регионе, остающемся одним из самых беспокойных в мире, пережившим различные сложные конфликты, — крайне мала. Европейский союз неохотно оказывает поддержку армянскому и азербайджанскому гражданским обществам в организации миротворческих проектов и проектов поощрения терпимости и примирения через организации гражданского общества.

Европейский союз располагает инструментами для предотвращения конфликтов в регионе. Один из них — еще не нашедший применения в случае нагорно-карабахского конфликта Инструмент ЕС по обеспечению стабильности, учрежденный Европейской комиссией в 2007 году для применения в области предотвращения конфликтов, антикризисного управления и миротворчества (EEAS, Instrument). Один из элементов Инструмента по обеспечению стабильности, который мог бы быть задействован в данном случае, — Партнерство в области миротворчества, созданное с целью усиления гражданской экспертизы для миротворческих проектов (EEAS, Instrument). В 2012 году государства — члены ЕС дали положительную оценку применения Инструмента по обеспечению стабильности для поддержания мирного урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе (European Commission, 2013, с. 9). Однако эта поддержка либо не была оказана, либо не достигла организаций гражданского общества в Армении и Азербайджане.

Возможно, одна из причин, по которой ЕС не вмешивается в данный конкретный конфликт, — опасения реакции армянского и азербайджанского правительств, с каждым из которых ЕС ведет диалог на высшем уровне в различных направлениях. Еще одной причиной, возможно, являются жесткие меры, применяемые в Азербайджане против гражданского общества: азербайджанские организации гражданского общества не могут заниматься миротворческими проектами, поскольку это расценивается как государственная измена. В Армении, напротив, НПО легче заниматься «связанной с разрешением конфликтов деятельностью двустороннего характера» (Simão, 2010, с. 22).

Единственная заметная программа ЕС с участием субъектов гражданского общества в урегулировании нагорно-карабахского конфликта — Европейское партнерство по мирному урегулированию нагорно-карабахского конфликта, которое способствует диалогу между политическим руководством, средствами массовой информации и представителями гражданских обществ Армении

и Азербайджана. Партнерство финансируется в рамках Инструмента по обеспечению стабильности и представлено консорциумом из пяти европейских НПО и локальных партнеров, сообща стремящихся положительно повлиять на процесс урегулирования нагорно-карабахского конфликта (European Commission. Press Release Database, 2015).

В вопросе вовлечения гражданского общества в процесс нормализации армяно-турецких отношений действия Европейского союза в роли посредника кажутся более успешными. В рамках Инструмента по обеспечению стабильности, задействовать который надлежащим образом в предыдущем случае не удалось, ЕС осуществляет финансирование Программы поддержки процесса нормализации армяно-турецких отношений с общим бюджетом в 2 млн евро. Программа осуществляется консорциумом из восьми организаций гражданского общества Армении и Турции и призвана содействовать усилиям гражданского общества по нормализации отношений между двумя странами (Support to the Armenia-Turkey Normalisation Process, 2014). Консорциум лишь управляет бюджетом, но сам не реализует проекты. Он разрабатывает схемы грантов и призывает граждан и организации гражданского общества из Армении и Турции представлять свои идеи. Размеры грантов варьируются от 5 до 30 тыс. евро. В рамках программы были профинансированы десятки проектов, исследований, стипендий, кинофильмов, проектов в области искусства, грантов мобильности и стажировок, что активизировало роль гражданского общества в процессе нормализации армяно-турецких отношений.

Воздействие национальных платформ Форума гражданского общества Восточного партнерства: Как уже было сказано, для достижения целей Восточного партнерства во всех странах Восточного партнерства были созданы национальные платформы Форума гражданского общества. Однако взаимодействие таких платформ с правительствами соответствующих государств остается довольно ограниченным (Lada, 2011, с. 3). Одной из проблем национальных платформ является то, что они принимают в свой состав одни и те же организации гражданского общества, создавая тем самым своего рода закрытое общество. Хотя в теории вступление в национальную платформу Армении несложно и доступно любым организациям, отвечающим необходимым критериям, на практике все же имеются определенные трудности. Другая проблема заключается в том, что участие в платформе не очень привлекательно, а ее миссия

и цели не популяризируются надлежащим образом среди местных организаций гражданского общества.

Рекомендации на будущее

Европейскому союзу следует вести более тесную и прямую работу с организациями гражданского общества, низовыми объединениями и общественными движениями, поскольку поддержка гражданского общества через сотрудничество с местными властями, как показывает практика, малоэффективна и требует больших вложений. Государственное вмешательство в управление средствами ЕС может привести к несправедливому распределению финансирования в пользу НПО, создаваемых правительством или поддерживающих его. Поддержка должна поступать непосредственно организациям гражданского общества, без каких-либо посредников. Помимо повышения эффективности, такой подход приведет к росту ответственности организаций гражданского общества за свои проекты и укрепит их способность активно вовлекаться в процессы формирования политики. Европейский союз также должен расширить возможности прямого обращения за финансированием для НПО, расположенных в странах Восточного партнерства. В случаях, когда заявку на проект подают расположенные в ЕС организации, являющиеся партнерами НПО из стран Восточного партнерства, наблюдается недостаток ответственности.

1. Необходимо проводить более детальную оценку потребностей в странах Восточного партнерства. Аналитических исследований, проводимых делегациями ЕС и Европейской комиссией, недостаточно, чтобы полностью понять ситуацию на местах. Необходимы консультации с местными экспертами и организациями гражданского общества, а также вовлечение их в процесс оценки для гарантированного учета местных знаний и опыта. Для получения картины, более приближенной к реальности, Европейский союз мог бы учредить сеть экспертов в странах Восточного партнерства, которые вместе с экспертами ЕС отвечали бы за оценку потребностей. В нее могли бы войти представители шести стран Восточного партнерства и эксперты из стран Восточной и Центральной Европы. Между странами Восточного партнерства много схожего, и в большинстве случаев гражданские общества сталкиваются с похожими проблемами. Более того, эксперты,

- проживающие в регионе, способны лучше понять и оценить ситуацию. Это может значительно повысить эффективность помощи со стороны ЕС и позволит ЕС реагировать на реальные потребности гражданских обществ, расставляя приоритеты финансирования в зависимости от потребностей, а не наоборот.
2. ЕС следует поощрять использование организациями гражданского общества в странах Восточного партнерства элементов предпринимательства, чтобы предотвратить их чрезмерную финансовую зависимость от ЕС. Для этого необходимо в диалоге с местными властями настаивать на изменении законов, запрещающих НПО предоставлять платные услуги и получать прибыль. Это может стать прорывным для НПО, которые в результате смогут гарантировать свою долговременную финансовую устойчивость и не охотиться за каждым возможным грантом ЕС. Финансовая независимость гражданского общества от государства и от зарубежных доноров позволит им самим финансировать свои собственные проекты и осуществлять действительно независимую деятельность.
 3. Для повышения устойчивости проектов в странах Восточного партнерства, финансируемых Европейским союзом, Европейская комиссия могла бы создать открытую базу данных или портал и обязать всех получателей средств ЕС в странах Восточного партнерства публиковать там информацию о проводимых проектах, включая основные цели, мероприятия, бюджет, а также информацию о достижении или недостижении целей и сопоставлении ожидавшихся и реальных результатов. Можно также рекомендовать получателям средств публиковать информацию о дальнейшем развитии проекта, после прекращения финансирования со стороны ЕС. Помимо обеспечения подотчетности и прозрачности финансируемых проектов, такая платформа могла бы способствовать измерению положительных результатов проектов и обмену передовыми технологиями в рамках Восточного партнерства. Другие доноры и предприниматели могли бы получить стимул зарегистрироваться на портале, узнать о проектах, поддержать их после окончания финансирования со стороны ЕС и тем самым способствовать их устойчивости. Создание всеобъемлющей базы данных для отражения результатов проектов позволит увеличить их охват.
 4. Следует сделать порядок подачи заявок и финансирования более доступным для заявителей: не только для опытных «охотников

за грантами», но и для менее опытных организаций гражданского общества. Трудоемкие, запутанные и полные формальностей инструкции вкупе со сложными требованиями и бюрократичной процедурой отчетности не позволяют небольшим и молодым организациям получать средства ЕС и привносить в общее дело свое видение и инновации. Описанные выше изменения и упрощения обеспечили бы равные возможности для всех субъектов гражданского общества и предотвратили бы монополизацию этой сферы организациями с большим опытом и безупречным знанием правил финансирования ЕС. Для частичного решения этой проблемы ЕС мог бы поощрять свои агентства в предоставлении «новичкам» обучение управлению средствами ЕС, проектному менеджменту, поиску средств, мониторингу, оценке, отчетности и т. д.

5. Простое увеличение бюджета для организаций гражданского общества в странах Восточного партнерства не является долгосрочным решением проблем, с которыми они сталкиваются. Увеличение бюджета должно сопровождаться повышением ответственности ЕС за мониторинг использования средств и обеспечение соответствия финансируемых проектов заявленным целям. Не менее важно проверять природу получателей грантов. Среди них могут быть НПО, созданные правительством и используемые для дополнительного финансирования проектов, которые должны осуществляться самим правительством. Финансирование таких организаций может иметь весьма негативные последствия и привести к еще большему недоверию к НПО и ЕС со стороны армянского населения. Для решения этой задачи могла бы быть создана база получателей средств ЕС, содержащая данные о каждой организации с указанием ее целей и миссии. Кроме того, можно было бы потребовать предоставлять заключительные финансовые отчеты об использовании полученных от ЕС средств, что повысит контролируемость таких организаций.
6. Европейскому союзу следует оказывать большую поддержку организациям гражданского общества, участвующим в разрешении конфликтов и миротворчестве. У ЕС уже есть все необходимые инструменты для поддержки предотвращения конфликтов в регионе. Например, Инструмент по обеспечению стабильности, в частности его компонент «Партнерство в области миротворчества», мог бы использоваться для укрепления

гражданской экспертизы для миротворческих проектов в странах Восточного партнерства. Активное участие ЕС в финансировании миротворческой деятельности и поощрение организаций гражданского общества Армении, Азербайджана, Молдовы, Грузии и Украины в принятии на себя более значимой роли в этом направлении может быть рассмотрено соответствующими обществами как признак того, что ЕС выступает за поддержку мира и стабильности в регионе. Кроме того, ЕС может помочь построению гражданского общества непосредственно в зонах конфликта, таких как Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье.

7. Одной из основных целей ЕС должна оставаться поддержка в совершенствовании законодательства об НПО в странах Восточного партнерства. Пока правовой климат в этих странах не изменится к лучшему, помощь гражданскому обществу со стороны ЕС будет оставаться неэффективной. В некоторых странах, таких как Армения, Грузия и Молдова, в этой области наблюдается значительный прогресс. Законы становятся более мягкими по отношению к НПО и не создают искусственных правовых барьеров для их деятельности. Иначе обстоит ситуация, например, в Азербайджане и Беларуси, где законы ограничивают возможности организаций гражданского общества в свободной деятельности быстрой регистрации. Процесс регистрации остается сложным и трудоемким. Ситуация усугубляется государственным давлением на организации гражданского общества, жестким преследованием и широко распространенными репрессиями. В случае с Азербайджаном ЕС по-прежнему отказывается критически пересмотреть ситуацию и повлиять на нее через свои дипломатические и политические каналы. Такая политика ЕС, движущей силой которой являются интересы энергетической безопасности, противоречит утверждению, что ЕС является эталоном. ЕС может усилить поддержку субъектов гражданского общества, функционирующих в тяжелой и опасной обстановке, посредством Европейского фонда за демократию и Европейской инициативы в области демократии и прав человека.
8. Европейскому союзу следует отдавать приоритет организациям гражданского общества, работающим за пределами столиц. Большее вовлечение организаций гражданского общества в сельской местности и небольших населенных пунктах могло бы повлечь за собой серьезные и устойчивые изменения к луч-

шему. Некоторые исследователи предполагают, что НПО получают значительную поддержку в сельских и небольших сообществах, где их работа более заметна. Учитывая это, необходимо стимулировать крупные организации открывать филиалы или офисы в регионах, а небольшие — переносить свои проекты из городских районов в сельские, что будет способствовать развитию сельской инфраструктуры и местных сообществ.

9. Наряду с совершенствованием механизмов поддержки гражданских организаций в странах Восточного партнерства Европейскому союзу следует уделять больше внимания ее популяризации. Одной из возможных мер могло бы стать выделение дополнительных средств на распространение информации о финансируемых проектах, публикации материалов, организации кампаний в сети и вне ее, создания информационных материалов, видеоклипов, фильмов и т. д. Кроме того, такие разъяснительные материалы необходимо издавать на государственных языках, чтобы с ними могли ознакомиться все, кто не говорит на английском или русском. Это могло бы способствовать популяризации ЕС и стать для НПО стимулом совершенствования своих пиар-стратегий. Такие реформы увеличат степень присутствия ЕС в странах Восточного партнерства и создадут положительный имидж поддерживаемых им НПО.
10. Европейской комиссии следует рассмотреть возможность возобновления молодежного направления Восточного партнерства на период 2016–2020 годов для прямого финансирования молодежных организаций в области образования и профессиональной подготовки. Заккрытие направления привело к невозможности дальнейшей работы организаций, уже получивших поддержку. Его возобновление обеспечило бы долговременную устойчивость организаций гражданского общества и позволило бы местным организациям продолжить взаимодействие с организациями из стран ЕС. Это смогло бы, в свою очередь, способствовать дальнейшему обмену навыками, знаниями и опытом.

Григорий Ерицян — основатель и вице-президент неправительственной организации «Армянская прогрессивная молодежь».

Литература

- Babayan, N., Shapovalova, N. (2011). Armenia: the Eastern Partnership's unrequited suitor. (FRIDE Policy Brief, № 94). Madrid. http://fride.org/download/PB_94_Armenia.pdf (дата обращения: 2.12.2015).
- Blue, R.N., Ghazaryan, Y.G. (2004). Armenia NGO Sector Assessment: A Comprehensive Study. Washington: World Learning for International Development, NGO Strengthening program.
- British Council. (2015). Armenia. Support to Democratic Governance in Armenia. www.britishcouncil.am/en/programmes/education-society/democratic-governance (дата обращения: 2.12.2015).
- CIVICUS Civil Society Index. (2007). Civil Society in Armenia: From a Theoretical Framework to a Reality an Assessment of Armenian Civil Society (2005–2006). (Report for Armenia). Yerevan.
- CIVICUS Civil Society Index. (2010). Armenian Civil Society: From Transition to Consolidation. Second Analytical Country Report. Yerevan.
- CIVICUS Civil Society Index. (2014). Rapid Assessment, Armenia Country Report. Yerevan.
- CIVILITAS Foundation. (2010). www.civilitasfoundation.org/cf/spotlight/facts-for-thought/456-number-of-registered-ngos-in-armenia.html (дата обращения: 4.04.2015).
- Council of European Union. (2011). Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit (Warsaw, 30 September 2011, 14983/11).
- Delegation of the European Union to Armenia. (n. d.). Political and economic relations. http://eeas.europa.eu/delegations/armenia/eu_armenia/political_relations/index_en.htm (дата обращения: 3.12.2015).
- Delegation of the European Union to Armenia. (n. d.). Civil society dialogue. http://eeas.europa.eu/delegations/armenia/eu_armenia/civil_society_dialogue/index_en.htm (дата обращения: 3.12.2015).
- Encarnación, O. G. (2011). Assisting Civil Society and Promoting Democracy. In: M. Edwards (Ed.). The Oxford Handbook of Civil Society. Oxford: Oxford University Press, pp. 468–479.
- EU Heads of Missions to Armenia. (2014). Armenia. EU Country Roadmap for Engagement with Civil Society 2014–2017.
- EU Neighbourhood Info Center. (n. d.). Eastern Partnership Youth Window. www.enpi-info.eu/maineast.php?id=555&id_type=10 (дата обращения: 2.12.2015).
- EUR-Lex. (2007). TACIS programme (2000–2006). www.europa.eu/legislation_summaries/external_relations/relations-with_third_countries/eastern_europe_and_central_asia/r17003_en.htm (дата обращения: 3.12.2015).

- European Commission. (2001). Tacis LIEN Programme. Guidelines for Applicants to Call for Proposals 2001. Brussels.
- European Commission. (2003). TACIS Institution Building Partnership Programme (IBPP), Guidelines for Applications for Call for Proposals. Brussels.
- European Commission. (2010). External Relations. Eastern Partnership. Civil Society. http://ec.europa.eu/external_relations/eastern/civil_society/first_csf_meeting_2009_en.htm (дата обращения: 2.12.2015).
- European Commission. (2013). Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. 2012 Annual Report on the Instrument for Stability. (COM(2013) 563 final). Brussels.
- European Commission. (2015). Financial Transparency System. http://ec.europa.eu/budget/fts/index_en.htm (дата обращения: 27.04.2015).
- European Commission. Press Release Database. (2015). The European Union continues to support civil society peace building efforts over Nagorno-Karabakh. http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-1175_en.htm (дата обращения: 2.12.2015).
- European Endowment for Democracy (EED). (n.d.). We support. www.democracyendowment.eu/we-support/ (дата обращения: 2.12.2015).
- European External Action Service (EEAS). (n.d.). Armenia — EU Relations with Armenia. http://eeas.europa.eu/armenia/index_en.htm (дата обращения: 27.04.2015).
- European External Action Service (EEAS). (n.d.). ENP Action Plans, Armenia. www.eeas.europa.eu/enp/documents/action-plans/index_en.htm (дата обращения: 26.04.2015).
- European External Action Service (EEAS). (n.d.). Instrument for Stability (Ifs) — EU in action. http://eeas.europa.eu/ifs/index_en.htm (дата обращения: 2.12.2015).
- European External Action Service (EEAS). (n.d.). Programming of the European Neighbourhood Instrument (ENI), 2014–2020. Single Support Framework for EU support to Armenia (2014–2017). http://eeas.europa.eu/enp/pdf/financing-the-enp/armenia_2014_2017_programming_document_en.pdf (дата обращения: 2.12.2015).
- European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI). (2007–2013). Armenia. Country Strategy Paper (CSP) 2007–2013. http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/country/enpi_csp_armenia_en.pdf (дата обращения: 2.12.2015).
- Gültekin-Punsmann, B., Avery, G. (2008). Analysis of the EU's Assistance to Armenia. Policy Department External Policies, Briefing Paper. Brussels: European Parliament.

- Habdank-Kořaczkowska, S. (2013). *Authoritarian Aggression and the Pressures of Austerity*. Nations in Transit 2013. Freedom House.
- Ishkanian, A., Gyulxhandanyan, E., Manusyan, S., Manusyan A. (2013). *Civil society, development and environmental activism in Armenia*. Yerevan: City Print House.
- Iskandaryan, A. (2012). *Armenia*. Nations in Transit 2012. Freedom House, pp. 65–83.
- Lada, A. (2011). *Towards a stronger role for civil society in the Eastern Partnership* (European Policy Center — Policy Brief July 2011). Brussels: European Policy Center. www.eastbook.eu/wp-content/uploads/2010/02/rsrocsiepc.pdf (дата обращения: 2.12.2015).
- Motamed-Afshari, B., Fras, M., Webbert, S.L. (Eds.). (2014). *The European Union's ENPI Programme, Evaluation of the Eastern Partnership Youth in Action Window*. (EC Reference, 2014/343596, Final Report). Brussels: Ibf International Consulting.
- Official Journal of the European Communities. (1999). *Partnership and Cooperation Agreement, between the European Communities and their Member States and the Republic of Armenia*. Brussels.
- Riddell, R. C. (2008). *Does Foreign Aid Really Work?* (1st ed.). Oxford: Oxford University Press.
- Shapovalova, N., Youngs, R. (2012). *EU democracy promotion in the Eastern Neighbourhood: a turn to civil society?* (FRIDE Working Paper, № 115). Madrid. http://fride.org/download/WP_115_EU_democracy_promotion_in_the_Eastern_neighbourhood.pdf (дата обращения: 2.12.2015).
- Simão, L. (2010). *Engaging Civil Society in the Nagorno Karabakh Conflict: What Role for the EU and its Neighbourhood Policy?* MICROCON Policy Working Paper 11, Brighton: MICROCON.
- Simão, L. (2011). *Are Civic Society organisations the missing link? Assessing the EU engagement in the Nagorno-Karabakh conflict*. In: N. Tocci (Ed.), *The European Union, Civil Society and Conflict*. London: Routledge, pp. 50–74.
- Support to the Armenia-Turkey Normalisation Process. (2014). Programme. www.armenia-turkey.net/en/programme (дата обращения: 2.12.2015).
- USAID Bureau for Europe and Eurasia Office of Democracy, Governance and Social Transition. (2011). *The 2010 NGO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia*. (14th ed.). Washington: USAID.
- USAID Bureau for Europe and Eurasia Office of Democracy, Governance and Social Transition. (2014). *CSO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia 2013*. (17th ed.). Washington: USAID.
- Windfuhr, M. (1999). *The promotion of civil society in developing countries — the example of European development cooperation*. (Briefing Paper 6).

Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (die). www.die-gdi.de/briefing-paper/article/the-promotion-of-civil-society-in-developing-countries-the-example-of-european-development-cooperation/ (дата обращения: 2.12.2015).

Примечания

- 1 EU Centre <http://news.am/eng/news/180147.html> (дата обращения: 8.12.2015).
- 2 EU Centre <http://news.am/eng/news/180147.html> (дата обращения: 8.12.2015).
- 3 Интервью с руководителем группы региональных программ Восточного соседства при Генеральной дирекции по переговорам о добрососедстве и расширении Кармен Фалкенберг Амбросио (Carmen Falkenberg Ambrosio), Брюссель, 11.03.2015.

